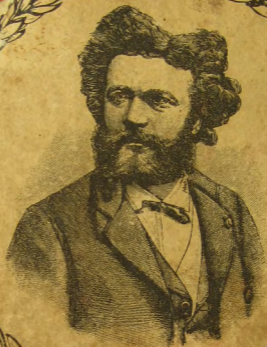


Д 31789



Камилль Фламмаріонъ.

ВЪ НЕБЕСАХЪ
И НА ЗЕМЛІЪ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Отсканировано



"Химия и Химики - журнал Химиков-Энтузиастов"

<http://chemistry-chemists.com>

**Литература и статьи по химии, физике, астрономии, биологии,
а так же медицине и другим наукам**

**Вы можете поддержать проект материально, совершив
пожертвование на любой из этих WebMoney кошельков:**

Z417794846593

R424729528665

U193348891846

E351595670732

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

На землю спустилась глубокая ночь; было тихо и безмятежно. Въ прозрачномъ воздухѣ рѣялъ приятный запахъ отъ скошеннаго на лугахъ сѣна. Деревья вырисовывались черными фантастическими силуэтами на фонѣ вечерняго неба, подернутаго послѣдними неопредѣленными отблесками сумерекъ, а башня замка въ этомъ блѣдномъ свѣтѣ казалась черной. Мы вышли изъ вѣкового парка по пустынной дорогѣ, чтобы углубиться въ открытое поле, откуда былъ виденъ весь горизонтъ. Ни одинъ кусочекъ неба не былъ отъ насъ скрытъ. Съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ весь звѣздный сводъ разстилался надъ нашими головами и скоро, съ послѣдымъ исчезновеніемъ вечера, между небесными алмазами, сіяющими всѣми своими огнями, мало-по-малу начали зажигаться во множествѣ болѣе мелкія звѣзды.

Лѣтнія ночи торжественныя и величественныя! Сколько сладостныхъ часовъ доставляете вы созерцательнымъ душамъ. Солнечный свѣтъ, дневной шумъ, непрерывная работа природы, борьба за существованіе, господство матеріи, честолюбіе низменное или возвышенное всего человѣчества, повелѣваютъ, волнуютъ, наполняютъ міръ отъ восхода до захода солнца. Существованіе человѣка, захваченное и унесенное водоворотомъ жизни, не принадлежитъ больше ему самому. Наоборотъ, ночью земная природа засыпаетъ и уступаетъ мѣсто владычеству и величію неба. Душа можетъ обрѣсти самое себя, забыть о тѣлѣ, распусться какъ цвѣтокъ въ безмолвномъ воздухѣ, одиноко мечтать, созерцать, изучать, познавать, чувствовать, жить духовной жизнью. И наслаждаться великолѣпіемъ мимолетнаго предчувствія правды. Тогда чувствуется тщета человѣческихъ твореній. Забывается то, что съ точки зрѣнія исключительно матеріальной, казалось, представляло основную цѣнность человѣчества. Лучшія произведенія промышленности, самыя изящныя строенія, дворцы, храмы окутаны ночью. Наша планета терять свою кажущуюся величину. Мы чувствуемъ себя сливающимися съ природой, нашей матерью, нашей невѣстой, нашимъ вѣчнымъ другомъ, — съ этой природой вѣчно-юной и прекрасной,

на лонѣ которой намъ грезятся всѣ наши сны. Она насъ слышать, она насъ понимаетъ, она намъ отвѣчаетъ своими звѣздами, она говоритъ намъ своею тишиною, мы живемъ въ ней и благодаря ей и чувствуемъ себя больше не гражданами какого-нибудь уголка земли, или даже цѣлой планеты, но гражданами *безконечности*. Это зрѣлище ночи даетъ намъ возможность жить въ нашей истинной обители—вѣчности и безконечности, доступной только для прозорливой мысли.

* * *

Въ эту августовскую ночь Млечный путь былъ такъ яркъ, что сейчасъ же можно было замѣтить, что онъ составленъ изъ цѣлаго муравейника звѣздъ. Мы поняли, что первобытные люди, наши предки изъ Халдеи и съ волшебныхъ береговъ Юнии, грезили объ лебяжемъ свѣгѣ, удивляясь его хлопчатой бѣлизнѣ, и наши глаза невольно искали эти причудливыя изображения, чтобы возстановить ихъ такъ, какъ это рисовали себѣ первобытные люди. Недалеко отъ изящной шеи Лебеда, распростертой во всю длину воздушной рѣки, находится созвѣздіе Стулъ или Тронъ, на которомъ основалась позже Кассіопея; Стрѣла, переброшенная черезъ рѣку, Дельфинъ, очень похожій по своей формѣ, Орелъ, парящій въ зенитѣ, какъ небесное свѣтило между двумя крыльями, Лира, Андромеда, Пегасъ и Драконъ, который извивается между Медвѣдями.

И мы подумали: „Не является ли это истинной связью чело-вѣчества съ вѣками? Сколько взглядовъ встрѣчалось, сколько мыслей, сколько стремлений сходилось на этихъ же звѣздахъ въ теченіе сорока и пятидесяти вѣковъ. Какая политическая система, какая религія, какая чело-вѣческая мысль выжили со времени возведенія пирамидъ? Ничего не осталось: ни племенъ, ни народовъ, ни языковъ, ни странъ! Но ихъ вѣрные наперсники остались на томъ же самомъ мѣстѣ. Вотъ единственные маяки, которые не угасли. Во время мучительнаго переселенія народа Моисей возложилъ свои надежды на тебя Бѣлая Вега, когда онъ думалъ привести свой народъ въ землю обѣтованную. Васъ, Плеяды, восходящія изъ-за водъ и мерцающія въ этотъ вечеръ на далекомъ горизонтѣ, призывалъ Ювъ въ свидѣтели своихъ мученій, а ты, огромная колесница Малой Медвѣдицы, за бѣгомъ которой еще слѣдилъ Гомеръ, когда онъ въ дѣтствѣ сопровождалъ стада на Олимпѣ.

Вы также горѣли, нѣжныя звѣзды, въ ночь Велеема, когда одна изъ васъ, какъ говорятъ, засіяла необычайнымъ блескомъ, и это насъ видѣлъ Иисусъ, когда Онъ проповѣдывалъ самаритянкамъ у колодца Іакова, и открылъ ей, что истинные избран-

ники Бога не должны больше строить каменныхъ храмовъ ни въ Иерусалимѣ ни въ другихъ мѣстахъ, но почитать своего Отца въ своемъ сердцѣ, въ умѣ и истинѣ. Да, вотъ наши вдохновители, наши панорсики, наши товарищи. Глаза, наблюдавшіе звѣзды въ теченіе вѣковъ, угасли въ темной могилѣ. А наши закроются тоже скоро. Но всегда и послѣ насъ, до тѣхъ поръ пока на землѣ останутся въ живыхъ люди, звѣзды будутъ предметомъ поклоненія смертныхъ. Если мы усомъ здѣсь только для того, чтобы воскреснуть въ другомъ мѣстѣ, мы найдемъ ихъ также и тамъ; въ какой бы части безконечности мы ни возродились, всегда мы будемъ окружены этими лучезарными мірами и тамъ, по ту сторону земной жизни, какъ и здѣсь, они намъ будутъ говорить о безконечности и вѣчности“.

* * *

Такъ думали мы оба, слѣдуя по пустынной дорогѣ. Подъ вліяніемъ величія и сіянія этой ночи нами овладѣли одинаковыя мысли и, попробовавъ сопоставить созвѣздія съ тѣми, чьи имена они носятъ съ стѣдой древности, мы замолкли, унесенные однимъ и тѣмъ же полетомъ мысли отъ дѣйствительности. Моя спутница первая нарушила молчаніе.

— Мнѣ кажется,—начала она, что моя жизнь началась только съ того дня, когда я познакомилась съ астрономіей. Я немного знаю ее, но я воображаю, чувствую свою связь съ вселенной. До сихъ поръ я была слѣпой. Все это мнѣ ничего не говорило. Я пришла въ міръ, не зная даже его названія. Теперь же я знаю, гдѣ я, и я знаю, что земля уноситъ меня въ небо. Я ориентируюсь, я уже не чужая моему міру. Но больше того,—я чувствую, что я живу, въ то время, какъ прежде моя душа была въ летаргическомъ снѣ. Звѣзды—мои сестры, я зову ихъ по имени, я знаю, гдѣ онѣ находятся, я могу ихъ узнавать. И я спрашиваю себя теперь, какъ можно жить на землѣ и не знать, гдѣ ты находишься.

— И все-таки,—вставилъ я,—даже въ нашей прекрасной Франціи 98 или 99% на 100 существуетъ такихъ людей, которые живутъ въ равнодушіи къ этимъ красотамъ и этимъ подлиннымъ чудесамъ. Эти люди обладаютъ глазами для того, чтобы ничего не видѣть и умомъ для того, чтобы ничего не понимать.

— Можетъ-быть,—возразила она,—это вина воспитанія какъ женскаго, такъ и мужскаго, которое смыслъ поэзіи усматриваетъ исключительно въ стихосложеніи и литературѣ. Намъ кажется, что поэтическія идеи могутъ быть передаваемы только

стихами; насъ учать видѣть литературу въ собственномъ смыслѣ, въ особый міръ, чуждый наукамъ, изученію природы, исторіи,—однимъ словомъ, всему тому, что можетъ дать намъ истинное воспитаніе. Наука признается скучной, а миѣ кажется, что мы достигнемъ того, что красота рѣчи будетъ скрывать ея пустоту. Поэзія связывается по своему происхожденію съ басней и литература—съ романомъ. А, однако, въ дѣйствительности какую возвышенную поэму представляетъ изъ себя книга вселенной! Во сколько разъ она болѣе великолѣпна, плѣнительна, болѣе очаровательна, чѣмъ всѣ сказки прошедшія, настоящія и будущія.

Большимъ шагомъ впередъ было бы, если бы каждый изъ насъ звалъ только то, что земля есть не что иное, какъ *небесное свѣтило*, и что мы въ дѣйствительности находимся на небѣ, и что у насъ есть сосѣди—жители Марса и Венеры. Всѣ заинтересовались бы тогда своими братьями въ безконечности и пожелали бы узнать отношенія, законы гармоніи, которые связываютъ землю со всей вселенной. Это было бы первое предчувствіе познанія правды.

— Что касается меня, — продолжала она, — то я такъ счастлива, живя въ небѣ, что дѣлаюсь эгоисткой. Миѣ почти что жалко, что мои друзья могутъ пользоваться этими же радостями и миѣ трудно говорить съ ними объ этомъ. Послушайте! вы замѣтили вчера моего маленькаго друга... О, какъ она *прекрасна!*

— Прекрасна!.. та что была рядомъ съ вами?

— Да?.. но я говорю не объ ней. Не замѣтили ли вы великолѣпную падающую звѣзду? Посмотрите, ея слѣдъ и теперь еще виденъ надъ Сѣверной Короной. Какъ она васъ не поразила. Она скользила въ небѣ, какъ огненная полоса.

Въ самомъ дѣлѣ, блестящій слѣдъ былъ замѣтенъ надъ Короной, названной, какъ всѣмъ извѣстно, „Жемчужиной“ или Маргаритой. Я признался, что ея совѣтъ не замѣтилъ, но выразилъ надежду, что миѣ простятъ это. Я вспомнилъ, какъ однажды вечеромъ, во времена регентства, одна молодая баронесса была удивлена, посѣтивши Обсерваторію, когда астрономъ направилъ свой телескопъ на двойную звѣзду, чтобы наблюдать ее. Она задала ему нѣсколько вопросовъ, въ то время, какъ онъ набрасывалъ на стѣнѣ площадки карандашомъ вмѣсто вычисленія положенія звѣзды, хорошо извѣстное маленькое четверостишіе: „Около васъ, забывая небеса, астрономъ удивленный смущенъ. Въ этомъ блескѣ, слишкомъ яркомъ, вашихъ глазъ, ему казалось, что онъ нашелъ двойную звѣзду“.

Моя разбѣянность имѣла аналогичные примѣры въ самомъ свѣтилащѣ Ураніи. Вспомнимъ, какъ Фонтенелль въ своихъ бе-

сѣдахъ съ маркизой въ сочинои „Безчисленность міровъ“, винитея въ томъ, что онъ иногда забивалъ всѣ звѣзды для одной звѣзды. Пусть тотъ, кто въ данномъ случаѣ боаъ грѣха, первый броситъ въ меня камнемъ. Впрочемъ, моя развѣянность должна исчезнуть, какъ падающая звѣзда и оставить въ моей душѣ только легкой слѣдъ внезапно вешхнувшаго и исчезающаго свѣта.

* * *

— Она является къ намъ издалека,—возразилъ я, чтобы возстановить нашу прерванную бесѣду.—Она воцѣпается сно одно сношениѣ неба съ землею. Вотъ космическая пыль и немного пепла отъ погибшаго міра. Можетъ-быть, эта падающая звѣзда пронесяся черезъ сотни милліоновъ миль по небу, встрѣтила нашу планету, задѣла верхній слой ея атмосферы, отъ тронія воспламенилась и благодаря испаряющимся свойствамъ ея вещества, отъ нея осталось очень немного. Въ эти ночи падающія звѣзды слѣдуютъ въ пространствѣ въ томъ же направленіи, какъ и прекрасная комета 1862 года, удаляясь отъ насъ почти что на одинъ милліардъ семьсотъ милліоновъ миль, а для того, чтобы обѣжать свою орбиту, онѣ употребляютъ не менѣе ста лѣтъ. Но что значить это разстояніе, когда мы знаемъ, что маленькая звѣзда Лебедя, которая теперь передъ нашими глазами, находится отъ насъ на разстояніи пятнадцати тысячъ милліардовъ миль, и что если вообразить себѣ отираившійся туда нашъ скорый поѣздъ, который ѣдетъ безъ остановокъ съ постоянной скоростью въ шестьдесятъ километровъ въ часъ, то поѣздъ этотъ пріѣдетъ туда не раньше, какъ черезъ *сто десять милліоновъ лѣтъ*. Что значить теперь разстояніе этой „сосѣдки“ звѣзды, когда мы знаемъ, что можемъ унестиа съ скоростью свѣта (70.000 миль въ секунду) къ любой изъ этихъ безчисленныхъ звѣздъ, никогда не приближаясь къ ней, уносяся въ безпредѣльность такимъ образомъ, что самое длинное наше путешествіе будетъ совершенно при полной нашей неподвижности, и что мы все-таки будемъ всегда находиться только въ преддверіи вѣчности.

Прекрасная звѣзда Короны, къ которой только что какъ бы прикоснулся нашъ метеоръ, не вызываетъ замѣтнаго параллакса; можно думать, что этотъ свѣтлый лучъ, который достигъ насъ сегодня, совершилъ свое путешествіе съ начала нашей эры. Можетъ-быть, начало его паденія относится еще ко времени сраженій флотовъ Октавіана и Антонія за владычество міра. Мы видимъ нынѣ эту звѣзду не только такой, какой она представляется въ наши дни, но и такой, какой она

была въ моментъ своего отправленія въ видѣ свѣтопоснаго вѣстника. Если бы можно было оттуда, благодаря гениальнымъ умамъ, различить нашу маленькую звѣзду, то они отстали бы отъ нашей исторіи на девятнадцать вѣковъ и увидѣли бы въ этотъ моментъ Клеопатру въ царской порфирѣ, приближающейся къ берегамъ, на своихъ корабляхъ, озаренную послѣдними лучами славы заходящаго солнца. Черезъ тридцать лѣтъ можно было бы присутствовать при ужасной трагедіи на Голгофѣ и только черезъ девятнадцать вѣковъ, если бы мы могли быть перенесенными на это созвѣздіе Коровы и, въ особенности, если бы могли быть одарены великой силой Провидѣнія, то увидѣли бы оттуда сегодня эту Европу, эту Францію, эти долины и лѣса и все то, что существуетъ теперь на этой землѣ, мы увидали бы, слѣдовательно, самихъ себя и всю нашу нынѣшнюю жизнь... Да, мы могли бы увидѣть себя снова, слѣдовать непосредственно за ходомъ нашей жизни съ первыхъ игръ нашего дѣтства и до послѣднихъ дней... Чтобы представить себѣ все это, конечно, нужно обладать воображеніемъ, но знаемъ ли мы всю силу природы? Послѣ телеграфа, телефона, спектральнаго анализа, явленій земного магнетизма и сомнабулизма можемъ ли мы не вѣрить въ неизвѣстное. Никто не знаетъ, какое мѣсто займетъ сонъ при разрѣшеніи проблемъ будущаго? Кто знаетъ, какими чувствами могутъ быть надѣлены надземныя существа? Земля есть не что иное, какъ пловучій островъ на небесномъ архипелагѣ, и въ календарѣ вселенной вся ея жизнь продлилась бы не больше одного дня...

— Ахъ!—воскликнула она,—астрономія побѣдила смерть.— Насъ окружаетъ вѣчная жизнь. Душа преображена въ свѣтъ, зачарована истиннымъ чувствомъ безконечности. Это величественная гармонія. Не думаете ли вы, что Гуно долженъ былъ бы быть астрономомъ?

Въ это время въ безмолвномъ воздухѣ, какъ воплощеніе мечты, раздались звуки возвышенной прелюдіи Баха. Мы очутились передъ замкомъ и не могли себѣ отдать отчета, какой дорогой мы сюда пришли. Общество гостей привѣтствовало насъ послѣ нашего долгаго отсутствія.

— Вотъ такъ прогулка! Мы васъ некали по всему парку. Гдѣ вы были?

— На звѣздахъ, — отвѣтила она, опираясь на мою руку и входя въ гостиную, — я никогда не могла бы лучше постичь носхитительную прелюдію Баха, какъ сегодня. Не вѣрится ли намъ, что мы услышимъ сейчасъ эхо небесной гармоніи.



Лѣтняя ночь.

ЖИЗНЬ НА ДРУГИХЪ МІРАХЪ.

Общая размышленія.

Мы любимъ мечтать въ прелестныя вечерніе часы, когда природа какъ бы отдыхаетъ отъ дневной работы, когда пѣсни птицъ умолкаютъ въ лѣсахъ, когда на смѣну послѣднимъ тѣнямъ сумерекъ спускается таинственная ночь, въ созерцаніи великаго зрѣлища природы, волшебныхъ превращеній, когда на необъятномъ небосклонѣ одна за другой зажигаются звѣзды, а тишина уже медленно простираетъ свои крылья надъ міромъ. Никогда душа не чувствуетъ себя такой одинокой, какъ въ эти минуты. Никакія слова не могутъ быть столь краснорѣчивыми, какъ эта глубокая сосредоточенность. Наши мысли, чувствуя себя таинственно связанными съ недоступными мірами, невольно обращаются къ этимъ далекимъ свѣточамъ. Марсъ съ его огненными лучами, Венера съ ея серебристымъ сіяніемъ, величественный Юпитеръ, болѣе скромный Сатурнъ, являются намъ не въ видѣ блестящихъ точекъ, разбросанныхъ по небесному своду, но въ видѣ огромныхъ міровъ, кружащихся съ нами въ безднѣ вѣчности, и мы знаемъ, что ихъ свѣтъ есть не что иное, какъ отраженіе направленныхъ на нихъ солнечныхъ лучей. Мы знаемъ, что и наша планета—земля, блескитъ издали, какъ и другія планеты, и что она, въ свою очередь, освѣщаетъ луну, такъ же, какъ луна освѣчаетъ насъ; мы знаемъ, что другіе міры образованы изъ вещества тяжелаго и сами по себѣ темные, такъ что если погаснетъ солнце, то мы ихъ больше ужъ не увидимъ; всѣ планеты тяготеютъ, какъ и наша земля, къ лучезарному центру на разныхъ разстояніяхъ, что они вращаются вокругъ самихъ себя, имѣютъ дни и ночи, времена года, свои собственные календари; и мы знаемъ, что наша земля есть не что иное, какъ небесная звѣзда. Но это послѣднее заключеніе вселяетъ въ насъ чувство неясной грусти вследствие нашей отчужденности отъ этихъ міровъ, по всей изобрѣтности пустынныхъ и не могущихъ непосредственно вызвать въ насъ того же впечатлѣнія, которое привязываетъ насъ къ землѣ. Эти міры лежатъ въ недоступныхъ намъ областяхъ и судьба ихъ намъ неизвѣстна. Они притягиваютъ наши мысли, какъ омутъ, своей непостижимой загадкой и молчаніемъ. Созерцая необъятную и таинственную неизвѣстность, мы мысленно населяемъ эти небесныя острова, и въ этихъ безнадежно-пустынныхъ и безмолвныхъ странахъ мы ищемъ живыхъ существъ, чьи бы взоры могли намъ отвѣчать.

Въ астрономіи XIX вѣка надо быть осторожнымъ, чтобы не впасть въ ошибки, вызванныя пустыми надеждами прежнихъ философовъ и, съ другой стороны, чтобы отозваться на удачное пророчаніе Пифагора, Анаксагора, Ксенофонта, Лукреція, Плутарха, Оригона, Куза, Брюно, Галилея, Коплера, Монтани, Сирано, Киршера, Фонтенеля, Гюйгенса,—всѣхъ этихъ мыслителей, которые въ прошедшіе вѣка и на различныхъ степеняхъ развитія были объединены однимъ общимъ высшимъ и проникновеннымъ созерцаніемъ истины. Къ этимъ знаменитымъ именамъ нужно присоединить еще имена натуръ-философовъ, жившихъ въ послѣднемъ вѣкѣ, какъ-то: Бюффонъ, Кантъ, Вольтеръ, Бейль, Лалаандъ, Даламборъ, Гершоль, Лапласъ. Эта славная плеяда выдающихся умовъ продолжается еще въ нашемъ вѣкѣ, и среди нихъ мы не можемъ не отмѣтить симпатичныя фигуры Юганна Гершеля, Франсуа Араго, Давида Бревстера, Жана Рейно. Да! Это астрономія нашего вѣка увѣчала медленное и величественное зданіе вѣковъ, возвышенною теоріей, распространяющей въ безконечность блескъ жизни и мысли и дающей разумную цѣль существованію вселенной.

Мы не ошибемся, въ самомъ дѣлѣ, если скажемъ, что теорія существованія жизни надземной есть дѣйствительный основной синтезъ и окончательная цѣль всей астрономіи. Что представила бы изъ себя вся вселенная, если бы въ ней не было ничего, кромѣ безжизненныхъ предметовъ, къ которымъ до сихъ поръ примѣняли теоретическія вычисленія этихъ матеріальныхъ точекъ, возбужденныхъ различными движеніями, въ видѣ бѣлыхъ или черныхъ глыбъ, падающихъ словно черезъ слѣпую безконечность? Какой интересъ для изученія могутъ представлять эти міры, если они должны оставаться вѣчно пустынными и бесплодными, если эти солида блестятъ и ничего не освѣщаютъ, горять и не согрѣваютъ и встрѣчаютъ на дорогѣ только необитаемые острова и молчаливыя пустыни? Въ самомъ дѣлѣ, если тамъ нѣтъ ничего, кромѣ вѣчной смерти, наша величественная астрономія, страстно изучающая вселенную, теряетъ въ нашихъ глазахъ присущую ей цѣль, свое очарованіе и свое величіе.

Что такое представляетъ изъ себя земля? Одну изъ самыхъ маленькихъ планетъ солнечной системы. Какой-нибудь житель Юпитера или Сатурна смотритъ на нее съ презрѣніемъ; къ тому же этотъ пловучій островъ представляется съ этихъ гигантскихъ міровъ, которые лежатъ на 155 и 918 милліоновъ миль отъ нашей орбиты, въ видѣ точки или, лучше сказать, незамѣтнаго пятна на солнцѣ. Что такое вся система планетъ съ землею и со всѣми оя судьбами? Не что иное, какъ глава.

лестокъ, страницъ громадной книги вселенной: милліоны милліоновъ солнць болѣе великолѣпныхъ и драгоцѣнныхъ, чѣмъ наше, наполняютъ необъятность своими обильными лучами. А что представить изъ себя весь звѣздный хороводъ, вся вселенная, которую мы знаемъ, въ сравненіи съ безконечностью? Это потерявшееся гнѣздо въ лѣсу, муравейникъ среди поля. Ищите землю: вы не найдете ея больше.

Старое заблужденіе о томъ, что земля находится неподвижно въ центрѣ міра, повторялось тысячу разъ и объясняется упорнымъ, но плохо обоснованнымъ желаніемъ поставить нашъ земной шаръ въ первомъ ряду небесныхъ тѣлъ. Наша планета не получила отъ природы никакого особеннаго преимущества. Мы привычно воображаемъ, что если мы находимся здѣсь, то наша земля, въ сущности, должна быть высшей, чѣмъ всѣ другіе міры вселенной. Это поистинѣ узкій дѣтскій пустой и неизвинительный патріотизмъ. Если бы завтра утромъ никто изъ насъ не проснулся бы, и если бы 1.500 милліоновъ людей, которые живутъ въ нашемъ мірѣ, заснули бы послѣднимъ сномъ, этотъ конецъ земного міра и это исчезновеніе людей не произвело бы самаго легкаго замѣшательства въ небесномъ ходѣ свѣтила. Этотъ конецъ прошель бы незамѣтнымъ и въ неуклонномъ ходѣ вещей и, конечно, незамѣченнымъ нашими близкими сосѣдями, жителями Марса и Венеры!

Встрѣчаются еще до сихъ поръ нѣкоторые умы и даже просвѣщенные, которые, признавая, что земля есть незначительная звѣзда во всей вселенной, воображаютъ, однако, что жизнь существуетъ только на землѣ и что милліоны милліардовъ міровъ, находящихся въ необъятной безконечности, необитаемы только потому, что они *не походятъ на нашу* планету, потому что они не напоминаютъ нашъ муравейникъ!

Древній Плутархъ за тысячу лѣтъ до открытія телескопа и микроскопа разсуждалъ лучше въ своемъ маленькомъ и интересномъ трактатѣ о лунѣ (*De facie in orbe Lunae*): „Если мы не можемъ приблизиться къ морю и знаемъ его только издаля, знаемъ, что вода въ немъ горькая и соленая, мы приносимъ за сказки, лишеныя всякой вѣроятности, и будемъ считать за фантазера того, кто посмѣеть увѣрять насъ, что море населено различными животными, которыя живутъ въ этомъ тяжеломъ элементѣ такъ же комфортабельно, какъ и другія существа въ нашемъ легкомъ воздухѣ. Нельзя также утверждать и того, что луна необитаема, такъ какъ она не похожа на нашу землю. Въ свою очередь, если тамъ есть жители, то они не должны допускать, что земля населена; земля, окутанная туманами, облаками и тяжелыми тучами, кажется имъ преисподней.“

Въ нашъ научный вѣкъ разсужденія, противъ которыхъ выступалъ Плутархъ, менѣе извинительны, чѣмъ въ его время: вся наука поднимается со всѣхъ сторонъ для того, чтобы провозгласить ихъ неудовлетворительность.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по своей близорукости, натуралисты утверждали, что жизнь въ глубинѣ морей невозможна, благодаря огромному давленію, которое должно раздавить всѣ живыя существа; невозможна потому, что въ этой вѣчной темнотѣ ассимиляція угольной кислоты прекращается а также и по ситѣ другихъ болѣе маловажныхъ причинъ. Ученые менѣе самонадѣянные и болѣе любознательные провѣряютъ свои идеи; бросаютъ лотъ и вытаскиваютъ чудеса! Существа такія нѣжныя, хрупкія, такія прелестныя, что несмотря на такое ужасное давленіе, они похожи на бабочекъ, рѣзавшихся среди цвѣтовъ! Тамъ гдѣ свѣтъ; они его выдѣляютъ сами и свѣтятся благодаря выдѣленію фосфора. Никогда еще узкимъ умамъ не было дано такого точнаго опроверженія, этимъ умамъ, которые не хотятъ или не могутъ расширить кругъ точныхъ наблюденій, и которые желаютъ, по выраженію святого Августина, заключить океанъ въ орѣховую скорлупу.

Нашу планету можно сравнить съ слишкомъ узкой чашей для того, чтобы вмѣщать въ себя жизнь, которая проявляется при самыхъ различныхъ условіяхъ, которыя мы можемъ себѣ вообразить и превосходящая даже наше воображеніе. Земля, вода, воздухъ полны живыми существами, зародышами, сѣменами, плодородіемъ. Жизнь буквально выходитъ изъ береговъ отовсюду, сообразуясь и приспособляясь ко времени и мѣсту. Было время на землѣ, когда почва, атмосфера, температура, климатъ, общія органическія условія были совершенно отличны отъ нашихъ. Тогда и живыя существа были совсѣмъ иными. Воскресите безформенный міръ игуанодоновъ, ихтиозавровъ, плезиозавровъ, птеродактилей, археооптериксовъ и посмотрите, какія странныя фигуры представляли бы изъ себя эти допотопныя чудовища, если бы ихъ перенести на наши тихіе континенты среди спокойныхъ пейзажей, озаренныхъ прозрачными лучами голубого неба! Эти дѣтища первобытной земли, эти гиганты жолѣзнаго могущества, дышали атмосферой для насъ смертельной. Эхо отражало ихъ ужасныя рычанія и бурныя волненія моря выбрасывали ихъ чудовищныя останки. Послѣ титаническихъ сраженій зрители, какъ и актеры, были приспособлены къ дикой сценѣ первоначальныхъ вѣковъ. Посреди этихъ жестокихъ сотрясеній нѣжная мимоза умерла бы со страху, соловей потерялъ бы свой жемчужный голосъ и никогда бы Ева не осмѣлилась лечь безопасно и мечтательно на мохъ въ ро-

цифъ изъ цифровъ. Нынѣшняя земля совершенно отлична отъ земли каменнаго вѣка. Могущественная и плодovitая природа сотворила созданія, приспособленныя къ стихійнымъ переменамъ и даже образующіяся, такъ сказать, этими же стихіями. Если бы мы могли возродиться черезъ миллионъ лѣтъ, мы увидали бы, что не только исчезли націи, которыя живутъ теперь, но было бы ужъ болѣе ни француза, ни англичанина, ни нѣмца, ни испанца, ни итальянца, ни европейцевъ и американцевъ, но даже въ послѣдующихъ за нами поколѣніяхъ исчезъ бы самый типъ нынѣшняго человѣчества. Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ года въ годъ все измѣняется и все превращается.

Для того, чтобы судить здраво, нужно отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ предразсудковъ, освободиться отъ непосредственныхъ дѣлъ, забыть о нашей колыбели и предстать предъ концертомъ міровъ въ томъ видѣ, какъ будто бы сейчасъ спустился съ Сатурна, Урана или какой-нибудь другой небесной области.

Если нашъ умъ, развившійся и облагородившійся созерцаніями науки, хочетъ обнять всю вселенную въ ея настоящемъ видѣ, онъ долженъ познать, съ одной стороны, что земля, на которой мы находимся, и человѣчество, которое ее населяютъ, являюся совсѣмъ иными, чѣмъ они были въ первобытную эпоху, и что, съ другой стороны, наша эпоха не имѣетъ того особеннаго значенія, которое мы ей приписываемъ согласно тому врожденному предразсудку, отъ котораго такъ трудно намъ освободиться. Мы забываемъ, въ самомъ дѣлѣ, прошлое и будущее для настоящаго, которое насъ интересуетъ, и когда наша мысль улетаетъ въ небесныя сферы, чтобы населить ихъ разнообразными существами во всѣхъ странахъ безконечности, у насъ всегда является стремленіе примѣнить къ нимъ наши разсужденія сообразно настоящему времени. Это является опять-таки слишкомъ близорукимъ сужденіемъ. Въ вѣчности наша эпоха отражается какъ мимолетная тѣнь, такъ же, какъ въ безконечности, пространства нашей земли исчезаютъ, какъ капля воды въ вѣдрахъ океана. Земля въ теченіе миллиона лѣтъ была необитаема, и наступитъ опять день, когда послѣдняя человѣческая семья заморзнеть во время окончательнаго охлажденія земнаго шара, который унесетъ въ пространство какъ безвѣстная гробница безъ имени и исторіи.

До существованія перваго человѣка на землѣ звѣзды горѣли на небѣ такъ же, какъ и теперь, и уже въ теченіе многихъ вѣковъ лучезарныя солнца въ необъятной безграничности освѣщали своими лучами человѣчество, обитавшее на звѣздахъ. Всплѣвъ за послѣднимъ вдохомъ послѣдняго человѣка міры

будутъ продолжать вращаться въ радостномъ и плодотворномъ свѣтѣ грядущихъ солнцъ. Когда мы присутствуемъ всемірную жизнь въ безконечности, то должны связывать съ этой идеей ту идею жизни, которая обхватываетъ глубь годовъ прошедшихъ и будущихъ, и тогда наше созерцаніе природы, освѣщенное этимъ двойнымъ свѣтомъ, можетъ быть совершеннымъ.

Въ нашей собственной планетной системѣ въ то время, какъ Марсъ и Венера кажутся намъ нынѣ обитаемыми, Юпитеръ представляется находящимся еще въ первобытной стадіи своей жизни, а луна, наоборотъ, доживающей уже безъ сомнѣнія послѣдніе дни своей исторіи. Здѣсь создаются изъ туманности міры, тамъ они разрушаются въ упадкѣ и агоніи.

Разсматривая громадное количество телескопическихъ снимковъ съ планеты Марсъ, эти основныя соображенія, возникающія непроизвольно въ нашемъ умѣ, склоняютъ насъ изучать специально физическія свойства планеты, въ которыхъ она находится,—изучать ея географію, метеорологію и климатологію.

Когда мы разсматриваемъ внимательно этотъ соседній міръ, мы невольно поражаемся нѣкоторой замѣчательной аналогіей, которая заставляетъ насъ непосредственно подумать о нашемъ земномъ существованіи.

Прежде всего эта планета кажется намъ окруженной атмосферой, достаточно плотной, чтобы поглощать большое количество свѣта, благодаря чему географическіе виды около краевъ ея диска дѣлаются для насъ незамѣтными, и красноватость ея материковъ теряетъ свою интенсивную окраску. Эта атмосфера содержитъ, какъ и наша, выдѣляющіеся водяные пары: съ одной стороны, на это указываетъ спектральный анализъ, съ другой стороны—полярные свѣга, которые мы видимъ отсюда, и которые измѣняютъ свое протяженіе сообразно временамъ года: они не могли бы ни образоваться, ни уменьшаться, ни испаряться если бы вода не выполняла на этой планетѣ роль, тождественную съ той, какую она играетъ въ нашей собственной метеорологіи. Свѣтлыя и темныя области на поверхности почвы приводятъ насъ къ заключенію, что темныя области представляютъ изъ себя пространства воды, тогда какъ свѣтлыя — материки. Водныя пространства, какъ мы это увидимъ сейчасъ, измѣняются сами сообразно временамъ года.

Времена года точно такія же, какъ и у насъ, потому что наклоненіе оси вращенія Марса почти что таково же, какъ и на нашей планетѣ. Годъ приблизительно вдвое длиннѣе нашего (онъ продолжается 687 земныхъ дней), времена года точно такъ же вдвое длиннѣе и длятся около шести мѣсяцевъ каждый, однако они не такъ равномерны, какъ здѣсь. Весна на Марсѣ

продолжается 191 день, лѣто 181 донь; осень 149 и зима 147. День Марса немного длиннѣе земного дня; продолжительность вращенія планеты вокруг своей оси теперь извѣстна съ точностью одной секунды: она длится 24 ч. 37 м. 23 с.

Тамъ гораздо менѣе облаковъ, чѣмъ на землѣ. Они образуются очень рѣзко въ экваторіальныхъ частяхъ и особенно въ полярныхъ областяхъ, гдѣ они сгущаются. Однако появленію, исчезновенію и перемѣщенію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вплоть до экватора бѣлыхъ пятновъ, соперничающихъ въ блескѣ съ полярными снѣгами, обозначаютъ образованіе тумановъ и облаковъ, которые намъ кажутся, если смотрѣть на нихъ сверху, какъ бы съ воздушнаго шара, сверкающими своей бѣлизной, потому что ихъ поверхность отражаетъ солнечный свѣтъ съ интенсивностью только что выпавшаго снѣга.

Полярные снѣга въ своемъ протяженіи значительно измѣняются сообразно временамъ года. Всѣ наблюденія сводятся къ тому доказательству, что снѣга эти достигаютъ максимума послѣ зимы на томъ полушаріи къ которому они принадлежатъ, и минимума—послѣ лѣта. Измѣненія ихъ протяженія сильнѣе на южномъ полюсѣ, чѣмъ на сѣверномъ, что согласуется съ вліяніемъ эксцентриситета орбиты, благодаря которому снѣга время года на южномъ полушаріи болѣе замѣтна, чѣмъ на сѣверномъ полушаріи. Такъ же, какъ на нашей планетѣ, точка наивысшаго холода не совпадаетъ съ географическимъ полюсомъ, но удалена отъ него на 5 или на 6 градусовъ. Особенно въ 1877 и 1879 годахъ полюсъ былъ виденъ въ теченіе нѣкотораго времени совершенно ясно. Эти полярныя области, какъ и на землѣ, заняты морями.

Вотъ главная сходства, которая имѣетъ планета Марсъ съ нашимъ міромъ. Для всякаго безпристрастнаго ума, не опутаннаго земными предрасудками, рациональная логика идетъ немного далѣе, чѣмъ зрѣніе: наша прозорливая мысль угадываетъ, что силы природы не могутъ оставаться бездѣтельными и вѣчно безплодными и ихъ непрерывное творчество не можетъ быть вѣчно безплоднымъ. Тамъ, какъ и здѣсь, въ самомъ дѣлѣ существуютъ дни и ночи; утра и вечера, солнечные лучи и тѣни, свѣтлые часы и дни покрытые облаками и дождями, земли и воды, весна и зима, бури и спокойствіе, прелестные пейзажи и безплодныя степи. Тамъ, какъ и здѣсь, вѣтеръ реветъ среди скалъ, шумитъ въ лѣсахъ, скользитъ по полнообразнымъ равнинамъ; тамъ, какъ и здѣсь, радуга слѣдуетъ за грозой, цвѣты наполняютъ ароматомъ воздухъ и, конечно, тамъ, какъ и здѣсь, весной лѣса населяются перьями парствомъ. Не естественно ли думать въ эти чудные вечерніе часы, о которыхъ!

мы говорили въ началѣ этого очерка, о тѣхъ часахъ, которыя должны точь на Марсѣ, какъ и на землѣ! Оттуда мы кажемся сверкающей звѣздой, такую же, какъ намъ представляется Венера.

Естественно возникаетъ вопросъ, есть ли тамъ живыя существа, которыя разсматриваютъ, въ свою очередь, насъ людей, братьевъ, существа, которыя, можетъ-быть, знаютъ лучше нашу планету, чѣмъ мы ихъ, умы, одаренные способностями такими же, какъ и наши, а, можетъ-быть, и вышними? Какъ смотрѣть на эти материкъ и моря и не думать о людяхъ? Какъ смотрѣть на эти берега, устья рѣкъ, гавани, долины, поля и не воображать тамъ существованію оазисовъ, поселковъ, мирныхъ деревушекъ, населенныхъ городовъ, блестящихъ столицъ, произведенія промышленности и искусства и всё произведенія вѣковой цивилизаціи? Конечно, и даже посомнѣнно, этотъ видъ живыхъ существъ, населяющихъ Марсѣ, всёѣмъ не похожъ на нашъ. Но вѣчно юная, божественная природа, молодая, неистощимаая мать всёхъ живыхъ существъ, проявляясь въ формахъ, не схожихъ съ земными формами, даетъ, тѣмъ не менѣе, жизнь живымъ существамъ, органически приспособивъ ихъ къ специальнымъ условіямъ мѣста и времени.

Путешествіе на планету Марсѣ.

Географическія очертанія этой планеты сильно разнятся отъ очертаній земли. Въ то время, какъ три четверти нашего земного шара покрыты водою, а суша образуетъ три главныхъ материка (Америка, Африка, Азія, при чемъ Европа является продолженіемъ послѣдней), — на Марсѣ нѣтъ ни обширныхъ океановъ ни большихъ материковъ, а существуютъ только средиземныя моря, острова, полуострова, проливы, мысы, заливы, узкіе каналы, однимъ словомъ, очертанія Марса гораздо болѣе изрѣзаны, чѣмъ очертанія земли. Материкъ занимаютъ пространство почти одинаковое съ морями и размѣщаются вблизи экватора и ниже его. Геологическія образованія были тамъ другія, чѣмъ у насъ, гдѣ всё материкъ кончается остроко-нечно къ югу. Моря очень изрѣзаны и, конечно, въ общемъ не очень глубоки, потому что иногда, въ нѣкоторыхъ частяхъ какъ будто выступаетъ дно, которое кажется менѣе темнымъ и подвергается время отъ времени измѣненіямъ, осѣданіямъ, наводненіямъ, замѣтнымъ отсюда. Такимъ образомъ, на Марсѣ меньше воды, чѣмъ на землѣ.

Это положеніе вещей согласуется съ космогоническимъ воз-
~~растомъ~~ планеты, который мы ей приписываемъ, такъ какъ

наиболѣе правдоподобная теорія объ образованіи міровъ учитъ, что міры произошли отъ сгущенія первозданныхъ газообразныхъ колецъ въ шары, послѣдовательно отрывавшіеся отъ солнечной туманности, при чемъ планеты самыя отдаленныя являются болѣе древними по своему происхожденію, которое и находится въ зависимости отъ ихъ разстояній: Нептунъ, Уранъ, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Земля, Венера, Меркурій. Ихъ исторіи геологическая, метеорологическая, климатологическая, органическая зависятъ отъ ихъ объема, массы и физическаго строевія. Марсъ должепъ быть охладѣвшимъ до своего центра. Извѣстно къ тому же, что внутренняя теплота земного шара не имѣетъ никакого вліянія на жизненные явленія на его поверхности. Геологическая исторія Марса не протекла быстрѣе исторіи земли; вполнѣ естественно допустить, что часть воды на Марсѣ была поглощена, что моря стали менѣе необъятными и менѣе глубокими, и что тамъ меньше испареній и меньше облаковъ, чѣмъ на землѣ, что вполнѣ подтверждается и наблюденіемъ.

Моря на Марсѣ, дѣйствительно, менѣе пространны, чѣмъ на землѣ, и менѣе глубоки. Съ одной стороны, кажется, что въ нѣкоторыхъ частяхъ, иногда очень обширныхъ, разливаютъ дно, потому что цвѣтъ ихъ становится почти такимъ же свѣтлымъ, какъ цвѣтъ твердой земли (суши), съ другой стороны, нѣкоторые мѣста должны быть мало приподнятыми надъ среднимъ уровнемъ моря, потому что они иногда кажутся то открытыми, то затопленными; съ другой стороны, на материкахъ нѣтъ такихъ высокихъ горныхъ цѣпей, какъ наши Анды и Кордильеры, потому что материки эти пересѣкаются длинными прямолинейными каналами въ различныхъ направленіяхъ, какъ будто бы тамъ ничего нѣтъ, кромѣ обширныхъ равнинъ, и рельефъ морского дна не можетъ геологически отличаться отъ орографіи материковъ. Все это доказываетъ, что Марсъ представляетъ собою планету, менѣе гористую, чѣмъ земля, Венера и луна, омываемую менѣе глубокими морями съ ровными пѣжными равнинами. Можетъ-быть, было бы слишкомъ смѣло вообразить, что мы можемъ отсюда быть свидѣтелями наводненій и засухъ на планетѣ, которая находится отъ насъ на пятнадцать и двадцать милліоновъ миль при лучшихъ условіяхъ ея наблюденія. Однако подобнаго рода телескопическія наблюденія заставляютъ насъ повѣрить этому. Для того, чтобы эти видоизмѣненія сторонъ были видны, нужно, правда, чтобы они совершались на широкихъ поверхностяхъ, на пространствахъ минимумъ въ сотни километровъ шириною и нѣсколько сотенъ километровъ въ длину;

Но внимательныя сравненія этихъ измѣненій въ точенію многихъ лѣтъ подсказываютъ намъ и ихъ естественное объясненіе.

Конечно, всѣ различія между астрономами не слѣдуетъ считать существенными и можно почти сказать, что нѣтъ двухъ глазъ у одного и того же человѣка, которые бы въ нѣкоторыхъ деталяхъ видѣли одинаково. Но если вниманіе специально направлено на нѣкоторыя примѣчательныя мѣста, которыя должны быть вполне видимы при помощи извѣстныхъ инструментовъ и если, установивъ такимъ образомъ измѣненія, которыя нельзя объяснить ошибочностью прежнихъ наблюденій, то вѣроятность склонится къ тому, чтобы признать эти измѣненія реальными, дѣйствительными.

Въ январѣ и февралѣ 1882 года было доказано, что сотни тысячъ квадратныхъ километровъ поверхности Марса потемнѣли, тогда какъ темныя области посвѣтлѣли. Разыскивая причину этихъ измѣненій, можно остановиться на двухъ гипотезахъ: первая относитъ причину вышеуказанныхъ явленій къ перемѣщенію водяныхъ массъ; вторая—къ перемѣнѣ растительности, которая измѣняется быстро и на обширныхъ пространствахъ въ зависимости отъ времени года. Первая причина болѣе правдоподобна, во-первыхъ, потому, что явленія встрѣчаются преимущественно возлѣ морей или въ самыхъ моряхъ; во-вторыхъ, потому, что отбѣжки этихъ измѣняющихся заливовъ, этихъ каналовъ, такіе же, какъ и у морей; въ-третьихъ, потому, что каналы, которые пересѣкаютъ материки, всегда въ своихъ концахъ сообщаются съ моремъ. Вторая гипотеза говоритъ, что эти темныя пятна не моря, а лѣса и луга. Но это мало вѣроятно.

Какимъ образомъ могутъ чередоваться такіе разливы и такія засухи? Предполагать повышенія и пониженія въ уровнѣ почвы, какъ это бываетъ, напримѣръ, на берегахъ Средиземнаго моря, между прочимъ, въ Пудцолѣ, гдѣ храмъ Сераписа по очереди бываетъ то выше, то ниже уровня моря, представляется намъ слишкомъ рискованнымъ. Скорѣй нужно искать измѣненія въ количествѣ воды. Но какимъ образомъ это количество воды можетъ измѣниться? Благодаря дождямъ, благодаря замерзаніямъ и таяніямъ снѣговъ, такъ какъ на Марсѣ нерѣдко встрѣчаются цѣлыя области, покрытыя снѣгомъ и достаточно обширныя, чтобы можно было ихъ наблюдать отсюда. Съ другой стороны, въ извѣстное время года эти снѣга совершенно исчезаютъ. Метеорологическій процессъ превращенія воды такой же, какъ и на нашей планетѣ; только, вѣроятно, эти измѣненія тамъ болѣе значительны, чѣмъ у насъ; моря имѣютъ тамъ гораздо меньше воды и подвергаются

измѣненіямъ болѣе значительнымъ. Берега тамъ плоскіе, а равнины въ нѣкоторыхъ частяхъ находятся совсѣмъ на одномъ уровнѣ съ моремъ.

Нельзя приписывать эти измѣненія морскимъ приливамъ, и хотя на Марсѣ имѣются два спутника, изъ которыхъ одинъ вращается въ 7 часовъ 39 минутъ, а другой въ 30 часовъ 18 минутъ, но они такъ малы, что не могутъ вызвать такого явленія. Къ тому же, быстрота и періодичность этихъ явленій не соотвѣтствуетъ времени обращенія маленькихъ спутниковъ, діаметръ которыхъ не превышаетъ діаметра Парижа.

Что касается испареній, образованій облаковъ и ихъ образованій въ дождь, то объ этомъ трудно еще судить, такъ какъ мы не знаемъ, каковъ химическій составъ воды на Марсѣ и абсолютно ли она такая же, какъ и наша. Но хотя спектральный анализъ атмосферы Марса показываетъ, судя по линиямъ поглощенія, на сходство этой воды съ нашей, мы не знаемъ, однако, насколько велика разница между атмосферическимъ давленіемъ на Марсѣ и на землѣ, какова тамъ температура атмосферы и вообще насколько тождественъ составъ ея на Марсѣ по отношенію къ земной атмосферѣ. Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія предполагать, что въ этомъ пунктѣ существуютъ значительныя различія между Марсомъ и нашей планетой. Удѣльный вѣсъ на поверхности Марса не превышаетъ 37 сотыхъ удѣльнаго вѣса на поверхности земли. Удѣльный вѣсъ является самымъ легкимъ на Марсѣ изъ восьми главныхъ міровъ нашей планетной системы: одинъ килограммъ земли или воды вѣситъ тамъ триста семьдесятъ граммовъ. Термодинамическія свойства тамъ совсѣмъ другія, чѣмъ у насъ. Съ другой стороны, вещество, составляющее эту планету, гораздо менѣе плотно, а именно, на шестьдесятъ девять сотыхъ, чѣмъ на землѣ. Это сочетаніе легкости, которая управляетъ механическими явленіями, совершающимися на поверхности этой планеты, слѣдуютъ законамъ, совсѣмъ различнымъ отъ нашихъ.

Вообще принято считать, что средняя температура планетъ опредѣляется ихъ разстояніемъ отъ солнца, что на Меркуріи эта температура въ шесть разъ выше, чѣмъ на землѣ, а на Нептунѣ въ довшьсотъ разъ ниже. Такое разсужденіе не вѣрно въ самомъ своемъ основаніи: вершина Мопблана покрыта вѣчными льдами, а у его подошвы раскинулась долина Шамуни, обладающая мягкимъ климатомъ. Однако эти двѣ точки находятся на одинаковомъ разстояніи отъ солнца.

Температура зависитъ, главнымъ образомъ, отъ состава атмосферы. Благодаря ей можетъ быть гораздо теплѣе на Марсѣ, чѣмъ на землѣ, какъ и, наоборотъ, можетъ быть и холоднѣе.

Атмосфера—это та же теплица. Она пропускает солнечные лучи проникать до поверхности почвы, но затѣмъ сейчасъ же ихъ задерживаетъ и противится тому, чтобы собранная теплота разбѣглась въ пространство. Безъ атмосферы вся солнечная теплота, собранная въ теченіе всего дня, исчезла бы ночью, и поверхность земли замерзала бы каждую ночь какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Но извѣстно ли, какія атмосферныя молекулы больше всего задерживаютъ теплоту, поглощаемую землею? Молекулы кислорода и азота, иными словами, воздухъ, почти индифферентно относятся къ исчезновенію этой драгоценной теплоты. Но, кромѣ нихъ, въ воздухѣ находятся еще въ свободномъ и газообразномъ состояніи невидимыя водяныя пары. Это-то и есть элементъ неизвѣстнаго сопротивленія. Одна молекула водяного пара обладаетъ свойствомъ поглощенія теплоты въ 16.000 разъ болѣе, чѣмъ одна молекула сухого воздуха. Этотъ паръ предохраняетъ болѣе спасительно растительность, чѣмъ насъ наши одежды въ большіе морозы. Уничтожьте на одну только ночь всѣ водяныя пары, содержащіяся въ воздухѣ, покрывающемъ Францію, и всѣ ваши растенія погибнуть отъ холода; теплота нашихъ полей и нашихъ садовъ уйдетъ безвозвратно въ пространство и восходящее солнце освѣтитъ ледяную пустыню.

Не одни только водяныя пары обладаютъ этимъ свойствомъ. Опыты Тиндаля показали, что пары сѣрнаго эоира, муравьиной кислоты, уксусно-кислаго эоира, амилена, маслянистаго газа, іодистаго этила, хлороформа, сѣрнистаго углерода производятъ въ разныхъ степеняхъ то же дѣйствіе. Ароматъ, который испускаютъ вечеромъ вокругъ себя цвѣты, служить имъ ночью защитою и покровомъ отъ вреда, причиняемаго имъ холодомъ.

Нѣкоторые ученые не понимаютъ природы и дѣйствительности, если они воображаютъ, что вся вселенная состоитъ изъ цѣлаго ряда повтореній нашего міра. Атмосфера въ нѣсколько метровъ толщины и абсолютно прозрачная могла бы окружать луку и сдѣлать изъ нея очаровательное обиталище. Не будемъ бояться повторять то, что поле нашихъ земныхъ опытовъ очень ограничено и недостаточно для того, чтобы судить о всей вселенной. Но каждая подробность можетъ служить отправной точкой зрѣнія для начала сравнительной науки, которая можетъ касаться другихъ міровъ.

Каждому извѣстно, какъ неустойчиво атмосферное равновѣсіе, и какія незамѣтныя колебанія въ температурѣ вызываютъ образованіе облаковъ и тумановъ. Водяной паръ переходящъ въ невидимое газообразное состояніе и образуетъ часть воз-

духа. Немного понижается температура, и вотъ образуется облако. Температура немного нагревается, и облако исчезаетъ. Атмосферное давленіе, сила напряженности водяныхъ паровъ, дѣйствуютъ постоянно, медленно, мягко, но энергично.

Слабыя измѣненія въ физическомъ и химическомъ составѣ нашей атмосферы могутъ сдѣлать ее вѣчно непрозрачной. Мы жили бы тогда на пасмурной планетѣ, гдѣ бы царилъ безъ конца туманъ и никогда мы не узнали бы о существованіи звѣздъ, луны, а можетъ-быть, и солнца. Астрономія не могла бы родиться на этой планетѣ, а земное человѣчество не могло бы отдать себѣ отчета, гдѣ оно находится. Это была бы уже совсѣмъ другая раса, остановившаяся въ самомъ началѣ своего развитія, близорукая, угрюмая, сѣрая, ограниченная, застывшая,—скорѣй животныя, чѣмъ люди... Въ чемъ же заключается судьба планеты? Въ прозрачности ея атмосферы.

По счастью для планеты Марса атмосфера его прозрачна; небо его рѣже бываетъ облачно, чѣмъ у насъ. Однако бѣлые туманы, которые замѣчаются время отъ времени вдоль береговъ, и блестящія облака, которыя замѣчаются въ полярныхъ областяхъ, показываютъ, что метеорологическіе процессы этой планеты не отличаются существенно отъ нашихъ, несмотря на то, что воды тамъ гораздо меньше, чѣмъ здѣсь. Но безспорно, существенное отличіе между міромъ, на которомъ мы живемъ, и Марсомъ, заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыхъ нѣтъ на землѣ.

Прибавимъ еще, что по наблюденіямъ восходъ солнца на Марсѣ въ общемъ болѣе красивъ, болѣе ясенъ, чѣмъ закатъ. Это явленіе аналогично съ метеорологіей нашего міра.

Но болѣе удивительно и болѣе загадочно, чѣмъ измѣненія отбѣнковъ, о которыхъ мы говорили, это существованіе на Марсѣ прямолинейныхъ каналовъ, открытыхъ директоромъ обсерваторіи въ Миланѣ Скиапарелли. Эти каналы длиною отъ 1.000 до 5.000 километровъ и болѣе 100 километровъ въ ширину, совершенно прямые, прорѣзываютъ материкъ, соединяютъ моря между собою, и пересѣкаютъ взаимно друга друга подъ различными углами. Безспорно, видъ ихъ необыкновенно, неожиданно, фантастиченъ. Два непосредственныхъ впечатлѣнія поражаютъ насъ при видѣ этихъ странныхъ линій: первымъ впечатлѣніемъ является то, что наблюдателю кажется, что онъ былъ обманутъ иллюзіей, что онъ плохо разсмотрѣлъ или преувеличилъ. Второе, если вѣрно, что это подлинно каналы, они кажутся не естественными, а вырытыми по извѣстнымъ выработаннымъ планамъ и являются произведеніемъ

промышленной жизни обитателей планеты. Но какъ бы ни старались опровергнуть это впечатлѣніе, оно тѣмъ сильнѣе поражаетъ нашъ умъ, чѣмъ болѣе мы анализируемъ рисунки этой сѣти каналовъ, тѣмъ болѣе они требуютъ объясненія.

Сама собою возникаетъ въ умѣ гипотеза о разумномъ происхожденіи этихъ каналовъ, и мы не можемъ ей противостоятъ. Какъ бы ни была она смѣла, мы вынуждены принять ее во вниманіе. Правда также, что существуютъ много и возраженій на этотъ счетъ. Маловѣроятно, что жители планеты могли бы создать такія колоссальныя сооруженія. Каналы въ 100 километровъ шириной? Можно подумать объ этомъ? И съ какой это сдѣлано цѣлью?

Объясненіе гипотезы объ искусственномъ происхожденіи этихъ каналовъ слѣдуетъ искать въ состояніи самой планеты. Съ одной стороны, мы только что сейчасъ видѣли, что все воцѣпта тамъ менѣе тяжелы, чѣмъ здѣсь. Съ другой стороны, космогоническая теорія приписываетъ этой послѣдней планетѣ возрастъ болѣе древній, чѣмъ возрастъ нашей планеты. Естественно заключить, что она была и населена раньше, чѣмъ наша земля, и что ея человѣчество, каково бы оно ни было, должно быть болѣе передовымъ, чѣмъ наше. Въ то время, какъ прорытіе Альпъ, Суэцкаго и Панамскаго перешейковъ, туннеля подъ морскимъ дномъ между Франціей и Англіей, являются для насъ колоссальными предпріятіями въ наукѣ и промышленности нашей эпохи, тамъ они были дѣтскими играми для человѣчества, ушедшаго далеко впередъ. Когда думаешь о томъ прогрессѣ, который осуществилъ на землѣ XIX вѣкъ: желѣзныхъ дорогахъ, телеграфѣ, примѣненіи электричества, фотографіи, телефонѣ и т. д., то спрашиваешь себя, какъ бы мы были поражены, если бы могли увидѣть отсюда матеріальный и социальный прогрессъ, къ которому придетъ будущее человѣчество XX и XXI вѣка. Наименѣе оптимистическій умъ предвидитъ день, когда воздухоплаваніе сдѣлается обыкловеннымъ способомъ передвиженія, когда границы народовъ уничтожатся навсегда, когда позорная гидра войны и безпримѣрное сумасшествіе существованія постоянныхъ армій исчезнутъ передъ славнымъ полетомъ человѣческой мысли въ свѣтъ и свободѣ. Не будетъ ли послѣдовательнымъ предположить, что болѣе древнее человѣчество Марса также и болѣе совершенно, и что въ плодотворномъ единеніи народовъ мирными работами можно достигъ замѣчательныхъ ступеней развитія.

Мы не знаемъ, чѣмъ могутъ быть эти длинныя темныя линіи одинаковой толщины, протянувшіяся черезъ континенты, и ничто намъ не доказываетъ навѣрно, что это каналы, на-

полпепные водой. Можно строить по этому поводу тысячи предположеній.

Какую бы ни принять гипотезу о естественномъ или техническомъ происхожденіи этихъ каналовъ, она отъ этого не дѣлается менѣе интересной. Сличеніе чертежей, вѣроятное предположеніе новыхъ измѣненій даютъ задачу новому анализу, откуда выйдетъ, конечно, познаніе болѣе глубокое этой любопытной планеты.

Какъ бы то ни было, удивительныя измѣненія нѣкоторыхъ географическихъ очертаній, о которыхъ мы говорили, свидѣтельствуютъ о томъ, что эта планета является источникомъ жизненной энергіи. Эти различныя измѣненія кажутся намъ совершающимися въ тишинѣ вѣлѣдствіе громаднаго разстоянія между нашей планетой и Марсомъ, по въ то время, какъ мы спокойно наблюдаемъ эти материки и эти моря, медленно уносимые передъ нашими глазами вращеніемъ планеты вокругъ своей оси, въ то время, какъ мы себя спрашиваемъ, на какомъ изъ этихъ береговъ пріятнѣе было бы жить, можетъ-быть, въ этотъ самый моментъ тамъ реветъ ужасная буря, извергаются вулканы, свирѣпствуютъ штормы, сражаются, возбужденныи огнемъ битвы, арміи, военные флоты, бомбардируютъ другую Александрію или безчисленные отряды готовятъ военную осаду другого Парижа. А астрономы Венеры, вооруженные оптическими инструментами въ родѣ нашихъ, разсматриваютъ землю и, видя ее парящей въ тихомъ спокойствіи посреди голубого неба, не подозрѣваютъ, что на этихъ поляхъ, озолоченныхъ солнцемъ, и на этихъ голубыхъ моряхъ, которыя изрѣзаны такими нѣжными заливами, эгоизмъ, честолюбіе, корыстолюбіе и варварство усугубляютъ часто несчастія и безъ того присущія суровой судьбѣ нашей несовершенной планеты. Мы можемъ все-таки надѣяться, что міръ Марса какъ болѣе древній, обладаетъ человѣчествомъ болѣе совершеннымъ и болѣе умнымъ. Конечно, это результатъ труда и славнаго міра, которые царствуютъ тамъ. Любопытно думать, однако, что, несмотря на все ихъ усилія, эти неизвѣстные братья не завоевали еще всей своей планеты и не знаютъ географическихъ очертаній ихъ собственныхъ полюсовъ такъ точно, какъ это знаемъ мы. Астрономы Венеры, въ свою очередь, находятъ въ условіяхъ болѣе лучшихъ, чѣмъ мы, для того, чтобы наблюдать земные полюсы и рисовать карту нашей земли.

Прибавимъ, чтобы дополнить фізіологическое строеніе этой планеты, что красноватые отгѣнки, характеризующіе континенты, служатъ для насъ признакомъ существованія тамъ ка-

кихъ-то растеній, которые окрашены преимущественно въ этотъ цвѣтъ. Въ дѣйствительности, эта окраска скорѣе желтая, чѣмъ красная. Она не зависитъ отъ атмосферы, потому что болѣе замѣтна въ центрѣ, гдѣ толщина атмосферы минимальна, чѣмъ на краяхъ, гдѣ она достигаетъ максимума толщины. Цвѣтъ этотъ похожъ на цвѣтъ нашихъ хлѣбовъ. Если смотрѣть съ воздушнаго шара на свѣлую пиву, то цвѣтъ ея напоминаетъ отбѣнки Марса.

Можетъ быть еще, что движенія двухъ спутниковъ Марса придаютъ ему столь оригинальный характеръ. Первый изъ нихъ вращается въ небѣ Марса на разстоянн только 6.000 километровъ отъ поверхности и съ такою скоростью, что дѣлаетъ цѣлый кругъ вокругъ планеты въ 7 часовъ 39 минутъ. Въ то время, какъ планета вращается вокругъ себя въ 24 четьре часа 37 минутъ, эта луна вращается гораздо скорѣе, чѣмъ сама планета. Солнце во время равноденствія употребляетъ 12 часовъ, чтобы пройти свой путь отъ восхода до заката, съ востока на западъ, эта же луна, которая вращается въ томъ же направленн, какъ и Марсъ, пробѣгаетъ половину своей орбиты въ 3 часа 9 минутъ съ запада на востокъ въ противоположномъ направленн движению солнца. Закатъ и восходъ ея сливаются вмѣстѣ благодаря тому, что она дѣлаетъ три раза въ день полный кругъ на небѣ и пробѣгаетъ циклъ фазъ въ 11 часовъ, при чемъ каждая четверть длится не болѣе 3 часовъ. Какое рѣдкое зрѣлище!

Второй спутникъ тяготеетъ въ 20.000 километровъ отъ поверхности Марса и выполняетъ свое обращенн въ 30 часовъ 18 минутъ. Они оба такъ малы, что трудно измѣрить ихъ діаметръ. Путемъ фотометра приходитъ къ заключенн, что если ихъ поверхность сходна съ поверхностью планеты съ точки зрѣнн отраженн свѣта, они имѣютъ только отъ 10 до 12 километровъ въ діаметрѣ, т.-е. почти что ширину Парижа.

Эти двѣ маленькія луны съ быстрыми фазами и частыми затменнн придаютъ небу Марса особую привлекательность. Кромѣ того, тамъ, по вечерамъ, послѣ заката солнца, наблюдаютъ часто свѣтлую звѣзду, которая медленно выдѣляется изъ солнечныхъ лучей и неограниченно царствуетъ на небѣ. Эта прекрасная планета, которая по виду напоминаетъ Венеру, съ поразительно нѣжнымъ свѣтомъ, эта прекрасная планета есть не что иное, какъ наша земля. Много восторженныхъ взоровъ, признанн и клятвъ юной любви устремлены къ ней. Тамашнне поэты воспѣваютъ ее какъ божественную милость и приписываютъ въ ней мирную обитель науки и счастья. Астрономы

открываютъ наши фазы; можетъ-быть, они измѣряютъ высоту нашихъ Альпъ и нашихъ Кордильеръ; можетъ-быть, они знаютъ точно нашу географію и нашу метеорологію; можетъ-быть, они посылаютъ намъ давно сигналы и удивляются, что мы не умѣемъ на нихъ отвѣчать; можетъ-быть, они заключили послѣ долгаго изслѣдованія, что земля необитаема, потому что она совершенно не похожа на ихъ міръ, и объявляютъ, что ихъ страна одна только пригодна для пріятной, идеальной и разумной жизни. Впрочемъ, можетъ-быть, они и правы, потому что (говоря между нами) наше человѣчество въ общемъ не доказываетъ еще своими проступками, что оно возвысилось до расы истинно-разумной.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ.

Дѣвственный лѣсъ посреди Парижа.

Это было въ чудный майскій день. Въ чистомъ воздухѣ разливалось солнечное сіяніе. Лувръ и Тюльери купались въ послѣднихъ лучахъ заходящаго дневного свѣтила и ихъ огромныя фасады тонкой скульптуры окрасились розовымъ цвѣтомъ, а въ высокихъ окнахъ замка отражались тысячи золотыхъ блистковъ. Ярко окрашенныя облака рисовались въ небѣ далекими островами. Приближающійся вечеръ наполнился гнѣвомъ птицъ, а весенній вѣтерокъ, напоенный запахомъ лавкоевъ, казалось, разливалъ на своемъ пути источники надежды и любви. Это были часы тихаго наслажденія въ природѣ, когда каждый былъ счастливъ тѣмъ, что онъ живетъ, когда человѣкъ, птица, насекомое и цвѣтокъ одинаково наслаждался счастьемъ, когда даже камни, казалось, хотѣли принять участіе въ общей радости и испытывать ласки солнечныхъ лучей. Эти восхитительныя часы своимъ слишкомъ кратковременнымъ мерцаніемъ таинственно манятъ къ созерцанію безконечности.

Въ то время, какъ въ природѣ все было празднично, въ то время, какъ земля медленно вращалась вокругъ своей оси, обращая послѣдовательно свои меридіаны къ солнечнымъ лучамъ, — люди, возбужденные и какъ бы наэлектризованные, раздраженные глухимъ гнѣвомъ, все болѣе и болѣе ожесточались и, танцуя и жестикулируя, какъ бѣшеные, сумасшедшіе отъ ярости, кричащіе отъ злобы, бросались въ неистовствѣ другъ на друга; буря гражданской войны покрывала весь Парижъ,

громѣли пушки со всѣхъ сторонъ, гранаты со свѣтомъ разрывались картечью, убитые и раненыя наполняли улицы, всепожирющее пламя пожара, сквозь черныя удушливыя клубы дыма, освѣщало кровавыми отблесками поле битвы человѣческой жестокости. Душа природы исчезла и ужасный призракъ смерти распростерся надъ столицей міра.

Это было 24 мая 1871. года.

* * *

Десять лѣтъ спустя, въ маѣ 1881 года, въ такой же чудный, лѣтній день, освѣщенный лучами того же самого солнца, я шелъ по берегу Сены около зіяющихъ развалинъ дворца Conseil d'Etat la Cour des Comptes. Мое вниманіе внезапно было привлечено пѣніемъ птицы, сидящей на кленѣ, выросшемъ на развалинахъ. Птица пѣла, воспѣвая побѣду природы надъ человѣческими твореніями. Она чувствовала здѣсь себя, какъ дома, посреди уединенной рощицы.

Обломки стѣны остались еще красныя и законченныя отъ пожара, развалины казались огромными, величина и размѣры этихъ государственныхъ зданій благодаря суровой красотѣ стѣнъ, сводовъ и арокъ еще болѣе увеличивались среди уединенія и тишины. Какъ красивы развалины дворца. Никогда еще это зданіе не казалось такимъ колоссальнымъ и такимъ ужаснымъ. Проходя сегодня по этимъ запущеннымъ и пустыннымъ заламъ, я чувствовалъ себя какъ бы внезапно перенесеннымъ на развалины Колизея въ Римѣ или форума въ Помпей. Я проникъ во внутрь дворца и не мало былъ пораженъ, найдя, какъ во внутреннихъ, такъ и во вѣншихъ палатахъ, естественно и густо разросшійся дѣвственный лѣсъ. Цѣлый древесный питомникъ былъ также и въ Тюльери, внутреннія палаты котораго были разрушены пожаромъ во время той же политической конвулсіи. Здѣсь царское великолѣпіе уступило мѣсто угрюмой пустыни могилъ. Клены, платаны, березы, терновникъ выросли среди мрамора, который устилалъ помѣщеніе замка маршаловъ и часовни. Но эти чахлая растенія какъ бы были заперты въ тюрьму. Наоборотъ, въ залѣ Conseil d'Etat они свободно разрослись подѣ плодотворными влияніями вѣтровъ.

Послѣ катастрофы человѣкъ ушелъ изъ своего собственнаго жилища посреди Парижа. Вѣчная природа, которая никогда не забываетъ себя, считаетъ всѣ минуты и завоевываетъ опять немедля свое царство.

Вѣтеръ, дождь, солнце принимаются творить. Своды провалились, асфальтъ потрескался, гранитныя ступеньки расшата-

лисъ; перенесенные сюда издалека порывомъ вѣтра сѣмена и зародыши остаются здѣсь, думая, можетъ-быть, найти себѣ подь кровомъ отдыхъ отъ бурь; но они успокоились тамъ только на мгновеніе для того, чтобы возродиться, и скоро мѣстныя человѣческой цивилизаціи стали колыбелью новому міру.

Тамъ выросъ цѣлый лѣсъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлался непроходимымъ благодаря густотѣ деревьевъ, кустарниковъ и различныхъ травяныхъ растений. Здѣсь имѣются платаны, клены, ивы, березы, бузина, фиговоо дерево, персиковое дерево, малинникъ, дикій виноградъ, ломоносъ, папоротникъ; на рѣзномъ камнѣ въ салонѣ Conseil d'Etat вьется плющъ; болиголовъ наполнилъ коридоры; „бѣлокопытникъ“, иронія судьбы, увѣсилъ залу празднествъ; клеверъ покрылъ шпату чести; полевой лютикъ расположился въ будуарѣ, крапива наводнила плиты восточнаго фасада; маки цвѣли на западѣ, шильникъ, курслѣпникъ, сладко-горькій пасленъ, земляника, спаржа, маргаритки, фіалки, одуванчикъ, терновникъ и чертополохъ въ видѣ восточнаго ковра покрыли паркетъ.

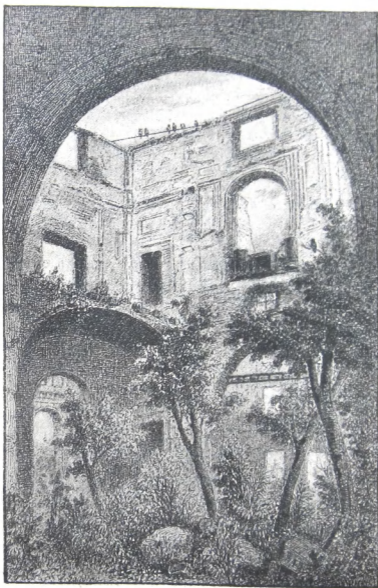
Весь этотъ малонкій растительный міръ устроился здѣсь спокойно и прочно, какъ будто это громадное пространство, занятое строеніями Conseil d'Etat и Cour des Comptes, никогда не было участникомъ Près aux cleres, не заботясь о человѣческой исторіи, которая съ Людовика XIV до Наполеона III считала его своей окончательной собственностью.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ достигли удивительныхъ размѣровъ. На западѣ одинъ клень имѣлъ въ вышину 8 м. 50 и 33 сантиметра въ обхватѣ; на сѣверѣ платанъ выросъ на 5 метровъ въ вышину и 25 сантиметровъ въ обхватѣ; клены на востокѣ достигли почти что такихъ же размѣровъ. А нѣкоторые ломоносы поднялись на нѣсколько метровъ въ длину. И повторю опять, что это настоящій возрождающійся лѣсъ.

* * *

Какъ попали сюда весь этотъ растительный міръ? Нѣкоторые сѣменамъ, какъ, напримѣръ, сѣменамъ платана, нужно было только перенестись черезъ набережную, такъ какъ платаны въ изобиліи растутъ на берегу Сены, сѣмена ихъ легкія, и вѣтеръ ихъ уноситъ, какъ пухъ.

Клены ужь явились изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, а бузина береза, ивы еще болѣе издалека. Что касается папоротника, фиговыхъ деревьевъ, спаржи, малинника и другихъ однородныхъ съ ними растений, то они были принесены изъ деревни. Но какъ же?



Двустенный гѣсъ посреди Парижа.

Птицы, оказывается, являются помощниками вѣтровъ въ перенесеніи слишкомъ тяжелыхъ плодовъ и сѣмянъ. Безъ сомнѣнія, спаржу перенесли скворцы. Эти маленькія птички любятъ лакомиться сѣменами спаржи, набрасываясь на нихъ съ жаждою. Сѣмена спаржи перевариваемыя маленькими желудками не теряютъ способности возрожденія и, какъ только попадаютъ въ землю, сейчасъ же даютъ ростки. Въ теченіе нѣхъ этихъ лѣтъ гнѣзда скворцовъ размножились на этихъ развалинахъ. То же самое было съ фиговыми деревьями и съ большею частью другихъ растений. Виноградъ былъ принесенъ сюда такимъ же экономическимъ способомъ. Здѣсь, въ этомъ естественномъ питомникѣ, нѣтъ ни каштановыхъ деревьевъ, ни орѣхового дерева, ни лещины, ни вишенъ, но здѣсь можно увидѣть вороновъ, которые уже соединяются въ многочисленныя стаи на карнизахъ дворца, и которые внесутъ свою лепту въ дѣло размноженія новаго лѣса *).

* * *

Такимъ образомъ, природа возвращала назадъ свои права, втихомолку стирая памятники человѣчества. Если бы по той или иной причинѣ (землетрясеніе, общій пожаръ, перенесеніе цивилизаціи подъ другія широты и т. п.) Парижъ сдѣлался бы необитаемымъ, то улицы и общественныя мѣста заросли бы травой, деревьями и растениями всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ большая столица уступила бы мѣсто огромному дѣвственному лѣсу.

Достаточно нѣсколько вѣковъ, чтобы разрушить навсегда и окончательно великолѣпный городъ и стереть исчезнувшую славу его царствованія. Вѣдь были же вѣкогда чудесныя города, радушно освѣщенные тѣмъ же солнцемъ, которое свѣтитъ теперь. Движеніе, радость, удовольствіе царилъ въ нихъ; науки, литературныя произведенія, искусство, политика процвѣтала тутъ съ громаднымъ и все увеличивающимся успѣхомъ и, казалось, что такое торжество не должно имѣть конца.

Найдите теперь знаменитую бібліотеку Александрии, въ которой хранились сокровища всѣхъ наукъ древности, найдите нисячіе сады Семирамиды и Вавилона; найдите роскошь Мемфиса, Оивъ, Ницевин, Тира, Сидона, найдите развалины Трои.

*) Посѣщеніе весной 1885 года, когда печатался этотъ томъ, совершенно подтвердило первое впечатлѣніе. Деревья увеличились и кустарники болѣе разрослись. „Я ѣлъ, въ теченіе многихъ лѣтъ,—мнѣ сказалъ сторожъ, сопровождавшій меня,—землянику, спаржу и фиги, которыхъ никто и не думалъ сажать здѣсь“. Одинъ ботаникъ нашелъ здѣсь 168 видовъ растений, не считая мха и лишайевъ.

И все-таки все это исторія вчерашняго дня. Что значать три тысячи лѣтъ въ исторіи природы? Одно астрономическое движеніе прецессіи равноденствія требуетъ 26 тысячъ лѣтъ на выполненіе.

Каменный уголь, который мы находимъ теперь, образовался изъ гигантскихъ лѣсовъ вторичной эпохи подъ вліяніемъ лучей солнца, на что понадобилось два милліона лѣтъ. Солнце горитъ болѣе чѣмъ триста милліоновъ лѣтъ. Три тысячи лѣтъ, шесть тысячъ лѣтъ—это одинъ мигъ.

Какъ капля воды отражаетъ безконечность небесъ, такъ и этотъ маленькій лѣсъ, который произвольно выросъ въ теченіе 10 лѣтъ въ самомъ центрѣ Парижа, олицетворяетъ собою одну изъ тѣхъ вѣковыхъ превратностей, которыми полна исторія нашей планеты и человѣчества.

Всего только двадцать вѣковъ тому назадъ Парижъ не существовалъ: нѣсколько хижинъ расположились на островѣ Лютеціи вокругъ маленькаго друидическаго храма, который римляне превратили въ храмъ Юпитера, а христіане—въ соборъ Богоматери.

Націи рождаются, живутъ и умираютъ, какъ живыя существа. Настанетъ день, когда не будетъ больше ни французъ, ни нѣмца, ни англичанина, ни итальянца, ни испанца, но будутъ только европейцы. Придетъ затѣмъ день, когда очагъ цивилизаціи перенесется черезъ Атлантическій океанъ для того, чтобы горѣть въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Настанетъ день, когда путешественникъ, блуждая на холмахъ, окружающихъ Парижъ, останется передъ грудой развалинъ, разыскивая мѣсто прежняго большого города, распространявшаго свой свѣтъ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Мало того, морскіе берега измѣняются изъ года въ годъ, почва поднимается или опускается и если прибрежныя земли сохраняются то только благодаря плотинамъ; мысъ Евы въ Гаврѣ подмывается моремъ, которое отвоевываетъ себѣ въ столѣтіе болѣе тридцати метровъ земли; климаты измѣняются, природа вѣчно видоизмѣняетъ свое твореніе. Если бы мы могли вернуться на землю черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, мы поразились бы неузнаваемыми видами странъ, не услышали бы болѣе ни одного знакомаго языка и чувствовали бы себя чужеземцами въ своей собственной родинѣ.

Человѣческой муравейникъ волнуется; необъятная природа возвышаетъ насъ въ неповѣдимой тайнѣ своихъ судебъ.

Досадно, что не всѣ друзья природы могутъ провести часокъ въ уединенія среди этихъ развалинъ; тишина, которая царитъ здѣсь, гораздо краснорѣчивѣе всякихъ разсказовъ.

МОРЕ ЛЬДА ВЪ ЦЕНТРЪ ФРАНЦІИ.

Случай среди глубокой зимы.

Во время суровой зимы 1879—1880 года температура опускалась до 22 градусовъ въ Парижѣ, до 25° въ Сень-Морисѣ, до 28° въ Лонгвилѣ (10 декабря). Сена, Луара, Эдръ, Эпъ, дэза, Юнна, Марна и другія рѣки замерзли. Въ январѣ на Луарѣ произошло странное явленіе, которое еще никогда не встрѣчалось въ исторіи Франціи и, по всей вѣроятности, никогда больше не повторится. Я захотѣлъ изслѣдовать это явленіе и исходилъ для этого вдоль и поперекъ рѣку, замерзшую и твердую какъ камень. Я писалъ все дальнѣйшее, сидя буквально на льдинѣ въ родѣ дома, стѣны котораго подымались изъ чудеснаго моря льда, оковавшего красивыя воды рѣки центральной Франціи.

* * *

Мы прибыли въ Вильбернье, маленькую деревушку выше Сомюръ, расположенную на правомъ берегу Луары. Это мѣстечко должно быть очаровательно въ теплый майскій день, когда зеркальная поверхность воды отражаетъ лазурь неба и зеленые холмики, а кругомъ раздается пѣніе птицъ, и разносится ароматъ цвѣтовъ. А сегодня казалось, что превращаешься самъ отъ изумленія въ каменное изваяніе. Небо было мрачно и сквозь густой холодный туманъ солнце выглядывало какъ въ дымкѣ, въ видѣ апельсина, подвѣшеннаго на небесной тверди. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера и термометръ показывалъ 12 градусовъ холода. Ледянищій воздухъ пронизывалъ до самаго мозга въ костяхъ и вызывалъ страшную дрожь въ тѣлѣ. На холмѣ дюжина вѣтряныхъ мельницъ вертѣлась, какъ будто бы скрежеща зубами, а старый и тяжелый замокъ Сомюръ казался заснувшей средневѣковой башней, гигантомъ исчезнувшихъ временъ, окаменѣвшимъ надъ городомъ, который въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда былъ полонъ утренней суетой, какъ муравейникъ у ногъ слона.

Насколько можно было охватить взоромъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію, разстлалась угрюмая и тихая пустыня; хаосъ бѣлыхъ камней походилъ на огромные пласты мрамора, обрушившіеся одни на другіе и образовавшіе самыя причудливыя и неожиданныя рагроможденія: то глубокую рытвину, то мягкіе холмы; здѣсь остроконечныя пирамиды, а тамъ обширную бѣлую равнину, усеянную могилами. Ни одного звука,

ни одного движенія, ни одной капли воды, ни одной вѣточки дорева, ни одной птицы. Одинокство полюса, Сибирь, покрытая льдами, это дикая пустыня, гдѣ человекъ кажется явившимся въ первый разъ. Гдѣ же Турень? Этотъ садъ Франціи? Растаютъ ли когда-нибудь эти камни?

Но всего болѣе поражаетъ умъ созерцателя видъ твердой воды, которую мы считаемъ элементомъ по преимуществу жидкимъ. Передъ нашими глазами огромныя, необъятныя глыбы, наваленныя одна на другую, толщиною и видомъ похожія на мраморъ и не имѣющія ничего общаго съ жидкимъ элементомъ. Онѣ составляютъ пространство съ 7 до 8 сотъ метровъ шириною и длиною отъ 15 до 20 километровъ, продолжающее все увеличиваться. Отъ воды къ ледянымъ глыбамъ! Этотъ переходъ можетъ быть нормаленъ на Уралѣ или Нептунѣ, гдѣ строятся самыя прочныя зданія, города и жилища изъ этого минеральнаго элемента, тогда какъ, напротивъ, есть міры, гдѣ наши камни и земные металлы находятся въ жидкомъ состояніи, образуя ручьи изъ золота и серебра или свинца, подобно тому, какъ у насъ имѣются ручьи ртути; физическое состояніе веществъ въ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ видѣ зависитъ отъ температуры; тотъ же самый минералъ имѣетъ свойство, не измѣняя своего химическаго состава, переходить въ то или иное изъ этихъ трехъ состояній; онъ слѣдуетъ въ этихъ случаяхъ степени теплоты, свойственной молекуламъ, которыя или соединены вмѣстѣ или скользятъ однѣ надъ другими, или превращаются въ паръ, въ зависимости отъ теплородной силы, дѣйствующей на нихъ; но каково бы ни было научное объясненіе этого явленія, какіе бы ни происходили изъ него логическія слѣдствія, тѣмъ не менѣе, видъ воды, нагроможденной въ глыбы въ видѣ слоевъ и обваловъ страшной каменоломни, удивляетъ насъ своею необычайностью. Тамъ находится болѣе 20 миллионовъ кубическихихъ метровъ льда (каждый метръ вѣситъ 330 килограммовъ), т.-е. весь этотъ ледъ представляетъ изъ себя массу въ девятнадцать миллиардовъ килограммовъ, которая можетъ быть поднята половодъемъ и унесена быстрымъ теченіемъ, которое не задержать ни плотины, ни запруды, ни мосты. На самомъ дѣлѣ, Луара продолжала наносить и умножать количество льда. Рѣка замерзла до Ландже, находящагося болѣе чѣмъ на тридцать километровъ отъ Сожуръ. Сплошной ледъ, начинаясь на сколько сотенъ метровъ отъ моста, доходилъ до самаго верховья.

Нужно было произойти цѣлому ряду стеченій обстоятельствъ, чтобы вызвать такое поразительное явленіе: во-первыхъ, сила.

ный и продолжительный холодъ, вызвавшій замерзаніе Луары; во-вторыхъ, смягченіе температуры и вскрытіе рѣки; въ-третьихъ, пониженіе уровня воды, позволяющее мелямъ и песку, образовавшимся въ рѣкѣ, останавливать ледоходъ; въ-четвертыхъ—песчанья мели и острова, расположенные отъ верховья до самаго моста, усиливающіе сопротивленіе и облегчающіе остановку; и, наконецъ, нужно было произойти такому сильному и внезапному замерзанію, чтобы остановить весь ледоходъ и заморозить всю эту подвижную массу въ неожиданномъ и фантастическомъ хаосѣ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, Луара была покрыта ледянымъ слоемъ ровнымъ и плотнымъ, толщиною отъ 30—40 сантиметровъ, позволявшимъ пѣшеходамъ и даже экипажамъ переѣзжать съ одного берега на другой; въ оттепель половодье увеличило воду въ рѣкѣ и подняло ея ледяной покровъ, который сжималъ теченіе; эта крышка треснула, разбилась на части и начался ледоходъ.

Все увеличивающееся шумное теченіе увлекало за собой эти огромныя льдины, которыя, сталкиваясь, разбиваясь и опять сталкиваясь, неслись внизъ по теченію.

Но если первые ряды этой длинной колонны льда, болѣе чѣмъ въ тридцать миль длины, были остановлены неожиданнымъ препятствіемъ, другіе ряды продолжали все надвигаться, сжимаясь сначала въ болѣе плотную массу, а затѣмъ налѣзая другъ на друга. Въ то же время въ верховьяхъ рѣки половодье все увеличивало воду, такъ что доходило до 3 метровъ разницы въ уровнѣ воды между первыми и послѣдними рядами колонны и разъяренная рѣка бросалась во все стороны для того, чтобы пробиться.

Тогда, какъ игрушки въ рукахъ свирѣпаго великана, эти миллиарды килограммовъ окаменѣлой воды начали метаться по всемъ направленіямъ. Рѣка вышла изъ береговъ, затопила луга вплоть до возвышенностей, которыя защищаютъ низкія долины, и начала прокладывать себѣ на лѣвомъ берегу новое русло, разрушая долины, которыя отдѣляютъ эту рѣку отъ холмовъ. Послѣ верхней Луары, Виенны и Шеръ ледяныя глыбы, разбиваясь, насакивали другъ на друга и неслись въ страшномъ, пенстовомъ водоворотѣ. Ночью же холодъ, похожий на смерть, простиралъ свою руку надъ рѣкой и внезапно вся эта рать льдовъ превращалась въ поле со статуями.

Затѣмъ вода опускалась снова, ледяной сводъ обѣдалъ и всѣ эти статуи падали въ безпорядкѣ одинъ на другія. Ледяныя глыбы длиною въ 5 метровъ, шириною въ 2 метра и 50 сантиметровъ толщиною оставались на поляхъ въ видѣ ледниковыхъ валуновъ, усыпающихъ всѣ долины. Рѣка, войдя опять въ свое русло, обрисовывала свои берега скопленіемъ пловучихъ льдинъ, образующихъ разрушительную, но удивительную стѣну, начерченную рукою исполняя въ невариазмѣмъ безпорядкѣ.

Что касается самой рѣки, то она представляетъ изъ себя волнующееся море, вали котораго поразительнымъ чудомъ висятъ заморожены полярными холодомъ. Они имѣютъ видъ висячихъ гребней скаль, взгроможденныхъ другъ на друга волнъ на живописныхъ поляхъ, которыя напоминаютъ ледяное море въ Шамуни, только безъ его громадныхъ Альпъ, или лѣса въ Фонтенебло, сваленные въ кучи въ долинѣ Франшардъ; въ этомъ заключается вся сущность живописной картины льдовъ Луары, наброшенной по плану, который скорѣй напоминалъ равнины полярнаго моря, чѣмъ горы Швейцаріи или Савойи.

Видъ нѣкоторыхъ глыбъ останавливалъ мое вниманіе по цѣлымъ часамъ; я находилъ тутъ пещеры въ человѣческой ростъ вышиною; гроты, въ которыхъ можно было улечься, ледяныя сосульки, прозрачныя, съ зеленоватымъ изломомъ, напоминающія изумруды въ нѣсколько метровъ длиною. Сухіе листыя ивъ, тополей, высохшихъ на солнцѣ, растапливали подъ собою ледъ и медленно опускались въ отверстія, прорытыя ими самими глубиною отъ двухъ до трехъ сантиметровъ, обрисовывающія совершенно ихъ форму. Громадное количество глыбъ напоминали, если я не ошибусь, одинъ камфару, другія — карарскій мраморъ, но только еще болѣе чистый. Многія изъ нихъ внутри образовали замѣчательную структуру: представьте себѣ стеклянную банку въ двадцать сантиметровъ толщиною, въ которой дно и верхъ соединены вмѣстѣ, внутри все усыяно вертикальными ячейками, неправильными по формѣ, діаметромъ въ одинъ сантиметръ въ среднемъ, совершенно какъ соты меда въ разрѣзѣ. Листочки, образующіе эти неправильныя многоугольники, матово-бѣлые, а внутренность прозрачна; я находилъ цѣлыя тысячи кило льда, построенныхъ такимъ образомъ. Обыкновенно монолиты были толщиною отъ 30 до 50 сантиметровъ и образовывались изъ широкой водяной площади въ нѣсколько сотъ метровъ пространства; нѣкоторые изъ нихъ имѣли болѣе одного метра толщины, но въ такихъ случаяхъ нижняя часть ихъ была образована скученными льдинами. Впрочемъ, я находилъ здѣсь множество видовъ льдинъ

ного происхожденія; такъ, напримѣръ, льдины, образующіяся сначала около береговъ рѣки, оторванныя благодаря своей особенной легкости, нанесенныя одна на другую, а впоследствии, когда Луара замерзала, спаянныя вмѣстѣ; другія льдины образовались на поверхности спокойныхъ водъ Виенны и на затопленныхъ лугахъ и, наконецъ, льдины, поднятыя, смѣшанныя и видоизмѣненныя катастрофой.

Были предприняты работы, чтобъ открыть ледоходу путь и спасти благодаря этому затопленные части суши. Взрывали минами и динамитомъ льдины, которыя направлялись по теченію, и можно было замѣтить небольшие отряды солдатъ, разбѣгающіе на моръ льда, ужасные столбы дыма, огня и воды, взрываемаго льда, красивыми фонтанами взлетающіе кверху; звуки барабановъ, отзывающихъ этихъ героевъ, когда зажигалась мина. Все это прибавляло особую живописность картинъ ледохода въ Сомюръ. Къ счастью, природа смилостивилась надъ людьми, и послала медленную оттепель безъ большого половодья, безъ буйной стихійности, и ледоходъ проходилъ медленно, послѣдовательно и не причинилъ никакого вреда. Но если оттепель наступила бы внезапно и повсемѣстно и подняла бы сразу половодьемъ воду на три метра, которая направилась бы быстро къ плотинѣ Вильбернъ, тогда бы ничего не осталось: ни деревонъ, ни фермъ, ни роць, ни луговъ, и при тѣхъ-же обстоятельствахъ, которыя можно предвидѣть, рѣка могла бы даже перемѣнить свое прежнее русло и образовать новое.

* * *

И наблюдалъ вечеромъ это обширное поле льда, лежащее у моихъ ногъ, съ высоты террасы обсерваторіи, которая возвышалась надъ долиной. Это зданіе принадлежало семьѣ, которая предпочитала зрѣлище природы суетѣ свѣта. На смѣлу крышномуся за облаками солиду выплыла, освѣщая востокъ, полная луна. Ея фантастическое освѣщеніе властвовало надъ тишиной природы, удвоивало тѣни и силуэты необъятнаго кладбища, и казалось, что въ будущемъ наша планета, дошедшая до послѣднихъ своихъ дней, будетъ окутана цѣлкомъ такимъ же саваномъ. Но въ то время какъ наши послѣдніе потомки не будутъ уже больше ждать прихода весны, берега Луары зазеленѣютъ черезъ три мѣсяца, какъ и въ прошломъ году: на этихъ лугахъ, усѣянныхъ сегодня надгробными памятниками, подъ дрожащей листвою обрученные придутъ посидѣть среди веселой природы и улыбокъ неба. Природа велика, а человекъ ея игрушка.

ПЕЙЗАЖИ.

Въ горахъ.

Тотъ, кто провелъ свою жизньъ среди равнинъ, среди безконечныхъ луговъ и плодородныхъ полей, кто совсѣмъ не жилъ среди высокихъ горъ, бѣлыхъ отъ снѣга, среди ихъ извилистыхъ цѣпей съ обрывистыми склонами, съ нагроможденными скалами, покрытыми рѣдкими соснами, ледниками съ зелеными отльвами и голубыми озерами, отражающими сіяніе неба, тотъ не можетъ понять всю силу могущества и величія этихъ исполиновъ, происшедшихъ отъ судорожныхъ движеній земного шара. Тамъ, наверху, на ихъ вершинахъ, утопающихъ въ небесной лазури, душа паритъ надъ ничтожными волненіями, которыя царствуютъ на поверхности земли. Съ одинокаго аэростата, унесеннаго вѣтрами въ воздушныя высоты, взгляды, устремленный на землю, рождаетъ въ умѣ мысль о великолѣпіи жизни, даетъ впечатлѣніе необъяснимаго довольства, полнаго спокойствія, задушевной радости, проистекающей отъ того особеннаго состоянія, когда чувствуешь себя выше міра человѣческаго и его превратностей. На горахъ все производитъ впечатлѣніе болѣе суровое и менѣе связанное съ личностью человѣка, такъ какъ кругомъ здѣсь болѣе сильно ощущается господство дѣйствующихъ физическихъ силъ въ связи съ жизнью земного шара.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, и средняя температура воздуха уменьшалась, мы замѣчали, что различныя виды деревьевъ и растеній измѣнялись также согласно климатическимъ поясамъ. Въ теченіе восьми или десяти часовъ мы поднимались все вверхъ; становилось все холоднѣе и холоднѣе, какъ будто бы мы направлялись къ полюсамъ. Въ нашемъ климатѣ, какъ только гора превышаетъ 1.800 или 2.000 метровъ, при постепенномъ подъемѣ можно замѣтить интересную смѣну однихъ породъ растеній другими вплоть до ихъ полнаго исчезновенія.

Иногда, какъ, на примѣръ, на горѣ Риги, ели, которыя царствуютъ здѣсь безраздѣльно, останавливаются вдругъ на своей послѣдней границѣ, уменьшаясь подъ таинственнымъ дѣйствіемъ климата такъ внезапно и быстро, что на высотѣ равной одной ели, надъ вершинами еще хорошо замѣтныхъ доросельевъ уже нѣтъ ничего кромѣ отдѣльныхъ кустарничковъ.

Иногда, какъ на Сень-Готардѣ, послѣ того, какъ употребишь нѣсколько часовъ, чтобы вскарабкаться на обнаженныя

безплодные скалы через пропасти дикой пустыни, изборожденной шумно падающими потоками, пройдя слой льдовъ, скрывающихся среди изрѣзанных хребтовъ, приходишь на зеленныя пастбища, орошенныя кристальной водой и проталивающія изъ себя плодородные луга на этихъ высокихъ плоскогорьяхъ.

Здѣсь наблюдателя поражаетъ еще болѣе контрастъ: зеленоватыя луга тянутся вплоть до черныхъ скалъ или до блистающихъ снѣговъ, гдѣ нѣтъ уже растений, гдѣ дрожащая листва деревьевъ не манитъ къ сладкому отдыху и мечтѣ.

Царственная суровость безгранично властвуетъ здѣсь, какъ и на альпійскихъ вершинахъ, гдѣ только размѣренные прыжки сернь нарушаютъ монотонность тишины и уединенія.

Всего болѣе поражаетъ человѣческой умъ въ природѣ этихъ каменныхъ великановъ, которые высятся передъ цѣлымъ рядомъ народовъ, та творческая работа, которую они выполняютъ въ молчаніи ихъ вѣковой неподвижности.

Что они — инертны, пассивны, бесплодны, бесполезны? Но заснули ли ихъ главы, увѣчанныя снѣгомъ, окутанныя, какъ ледянымъ покровомъ, облаками, не заснули ли онѣ какъ фараоны, погребенные въ пирамидахъ? Что дѣлаютъ тамъ эти гайнственныя существа, обитающія въ промежуточныхъ областяхъ между землею и небомъ, эти гранитныя исполины, у подошвъ которыхъ человѣческія арміи кажутся не болѣе, какъ кучками муравьевъ? Они дѣятельны, они царствуютъ, они правятъ міромъ.

Цари атмосферы, братья океана, — это на нихъ возложена забота распредѣленія на землѣ соковъ существованія. Они обладаютъ безмятежною строгостью смерти, и смерть, которая ихъ окружаетъ, является источникомъ жизни, которую они распредѣляютъ. Жизнь и смерть порождаютъ другъ друга.

Изъ нѣдръ морей поднимаются тучи, онѣ сгущаются въ видѣ снѣга, задерживаются на альпійскихъ вершинахъ и послѣдовательно собираютъ воду въ твердомъ видѣ, сносимую туда вихрями. Тамъ и здѣсь слои льда, усыпленные молчаніемъ высотъ, пробуждаются. Совѣтъ юный, свѣжій, неутомимый ручей журчитъ и распѣвая прокладываетъ себѣ дорогу. Онъ призываетъ своихъ братьевъ и вотъ множество тонкихъ нитей серебристой воды собираются, бѣгутъ выветѣ по направленію къ живописнымъ полямъ, которая уже видны вдали. Ручьи перескакиваютъ съ хребта на хребетъ, падаютъ бѣло-снѣжными каскадами и съ утеса на утесъ спускаются до

плоскогорій, гдѣ уже превращаются въ пѣнищіе потоки. Вотъ прозрачныя озера, окруженныя горами, улыбаются пѣжно небу. Облака глядятся въ нихъ, проносятся надъ ними мимо. Не близнецы ли эти облако и озеро, и какъ Касторъ и Поллуксъ не мѣняются ли они по очереди своими мѣстами.

Деревья склоняютъ свои вѣтви съ утесистыхъ береговъ и качаютъ ихъ въ зеркаль воды, а голыя скалы отражаются тамъ своими дикими выступами. Но вода продолжаетъ нескать еще болѣе низкихъ долинъ, эти долины привлекаютъ ее неудержимо. Тогда она образуетъ тѣ большіе водяные пути, которые играютъ столь огромную роль въ политической исторіи націй.

Тамъ она чертитъ Рейнъ, этотъ вѣчный предлогъ войны между политиками, живущими на разныхъ его берегахъ. Этимъ сѣвернымъ воднымъ путемъ можно возвратиться къ океану и приблизиться къ полюсу. Здѣсь ледникъ Роны образуетъ рѣку, которая спускается, чтобы орошать плодородныя равнины юга. И, наконецъ, вѣчное движеніе возвращаетъ воду въ пѣдра морей, рисуя на картахъ міра различными линіи, по которымъ человѣчество миролюбивое или воинственное, почти всегда воинственное и слабое, слагаетъ свои дѣтисныя.

Какое же огромное значеніе имѣютъ эти массивныя гиганты въ исторіи цѣлаго міра! Какое вѣчное творчество совершается надъ нами, подъ нами и кругомъ насъ! Творчество непрерывное и неизбѣжное страшнымъ образомъ господствуетъ надъ нами, бѣдными смертными. Все это представляетъ изъ себя громадный механизмъ, который дѣйствуетъ отъ моря до воздуха, отъ воздуха до горъ, отъ горъ до долинъ и къ морю, при чемъ человѣкъ не играетъ въ этомъ ни малѣйшей роли.

Поднимаются тучи, идетъ дождь, сверкаетъ молнія, громитъ громъ, снѣгъ обвиваетъ вершины, вѣтры рождаются и разносятся повсюду, воды медленно движутся въ озерахъ, шумно въ потокахъ, тяжело въ рѣкахъ, зелень покрываетъ холмы и долины, проясняется небо и горитъ солнце... И весь этотъ колоссальный механизмъ, необъятный и всемірный, движется безпрестанно, чуждый нашимъ маленькимъ движеніямъ лиллипутовъ и самому нашему существованію, окружалъ насъ своею строгой и высшей послѣдовательностью, продолжая свой путь и не заботясь о нашей исторіи.

Такъшло все на землѣ до появленія человѣка, въ теченіе тысячи вѣковъ, когда природа жила только для себя и когда не было человѣческой мысли, которая могла созерцать небо. И такъ механизмъ міра будетъ продолжать двигаться, когда

насъ уже не будетъ на землѣ, когда грядущіе потомки исчезнутъ, въ свою очередь, и когда весь человѣческій родъ угаснетъ на нашей планетѣ.

Вы видѣли много вѣковъ одинокія горы, царствующія въ облакахъ! Вы видѣли поля, которыя развертываются у вашихъ подошвъ, и на которыхъ не было ни стадъ ни работниковъ; вы видѣли валы озера безъ лодочекъ и гимновъ; вы видѣли рѣки безъ городовъ, расположенныхъ по ихъ берегамъ, и землю безъ людей. Въ будущемъ вы увидите снова эти пустыни. Вы не знаете, что теперь есть люди, которые васъ созерцаютъ и, можетъ-быть, для васъ безразлично, есть они или ихъ нѣтъ вовсе!

Ни одно описаніе не можетъ передать дивной красоты нѣкоторыхъ вечернихъ пейзажей въ Альпахъ. Этотъ міръ величественный, пріятный и кроткій, суровый и нѣжный представляетъ изъ себя рѣдкое сочетание силы съ очаровательной хрупкостью,—сочетаніе такое грозное и прелестное, что изумленный взоръ не можетъ сразу разобраться и хорошо его усвоить. Природа! Великая природа! Какъ немного душъ на землѣ, которыя могутъ слышать твои рѣчи. Иногда самыя великолѣпныя зрѣлища проходятъ незамѣченными нашими слѣпыми глазами; порою маленькая свѣтящаяся точка внезапно приковываетъ наши взоры, заставляя насъ сливаться съ тобой и провидѣть твою красоту.

Однажды въ сентябрѣ, въ день равноденствія, я изучалъ эффекты солнечнаго заката на блестящихъ вершинахъ Юнгфрау, Эйгера и Мѣнха. Дневное свѣтило медленно спускалось позади цѣпи Абендбергъ (вечерняя гора), которая окаймляетъ на югѣ спокойное озеро Тунъ, и далекія вершины которой вырѣзывались на фонѣ блѣднаго горизонта, въ видѣ большихъ черныхъ зубцовъ. Три сигговья горы остались однѣ только освѣщенными сзади; спереди онѣ были темныя и уже туманныя, а косые лучи, падающіе на Юнгфрау, придали ей видъ луной горы съ ея обширными бѣлыми кратерами, окаймленными черной полукруглой тѣнью. Двѣнадцать минутъ спустя по закатѣ солнца въ долину Интерлакена, послѣдняя точка горы Эйгеръ потеряла свою бѣлизну и стала розовой. Минуту спустя настала очередь Мѣнха, а еще черезъ двѣ минуты дѣлательно бѣлая Юнгфрау, купающаяся въ лазури, царила нѣкоторое время одна на небѣ, слегка окрашенная нѣжнымъ блѣдно-розовымъ оттѣнкомъ. Нѣкоторое время всѣ три альпійскихъ вершины зажглись и горѣли розоватымъ блескомъ; затѣмъ, какъ по волшебству злого горнаго духа, онѣ стали грустно чмырять, потеряли свой теплыя и живыя

краски, а потомъ окутались темнотою и зеленоватою блѣдностью мертвеца.

Послѣ захода солнца я сошелъ изъ моей импровизированной обсерваторіи въ еловой рошѣ опять къ озеру по тропинкѣ, которая вела къ развалинамъ стариннаго замка. Деревянный мостикъ, переброшенный черезъ Аару, пересѣкалъ эту быстрю и пустынную рѣчку. Ночь спускалась. Вдали раздавались мелодическіе звуки пастушечьихъ колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ коровъ. Острый запахъ альпійскихъ растений спускался въ долину на крыльяхъ сдва уловимаго вѣтерка. Казалось, что вся природа сосредоточилась, и путешественникъ, одинокій въ этихъ поляхъ, не могъ иначе думать, какъ съ грустью о быстрой и роковой послѣдовательности дней, времени и годовъ.

Внезапно тропинка, окаймленная кустарниками, сдѣлала крутой поворотъ, и я увидѣлъ передъ собою панораму всего озера, цѣлый лѣсъ камыша, лѣсныя рошцы и въ глубинѣ пейзажа въ нѣсколькихъ миляхъ, трехъ бѣлыхъ исполиновъ, поднимающихся къ небу.

Какъ безучастны эти великаны — Мѣньхъ, Эйгеръ и Юнгфрау, — молчаливыя горы, съ вершинами, купающимися въ высотахъ, и опоясанными вѣчными льдами. Своимъ возрастомъ и своею величиной, они господствуютъ надъ всѣмъ тѣмъ, что окружало ихъ, преходящее и ничтожное. Направо отъ нихъ тонкій полумѣсяцъ плылъ серебряною нитью, текучей и прозрачной. Прекрасныя звѣзды зажигались въ небесахъ... Какія краски, какое описаніе могли бы воспроизвести эти картины. напомнить объ этихъ часахъ? Музыка, нѣжная мечтательная мелодія могла бы одна, можетъ-быть, намъ воспроизвести все это.

Освѣщеніе Альпъ—это всегдашнее дивное зрѣлище. Одною изъ самыхъ блестящихъ его картинъ является, несомнѣнно, освѣщеніе громаднаго Монъ-Блана, видимаго изъ Женевы.

Цѣпи горъ быстро покрываются мракомъ; теплота оттѣнковъ разсѣивается, и темное облако, однообразное и тусклое, замѣняетъ ихъ. Этимъ быстрымъ переходомъ изъ одного состоянія въ другое, столь различныя между собою, можно опредѣлить съ увѣренностью для каждой точки разстоянія точный моментъ, когда она перестанетъ быть освѣщенной. Это постепенное распространеніе области тѣни по контрасту усиливаетъ яркость уже освѣщенныхъ мѣстъ. Тогда сѣва отдаленныхъ горъ принимаютъ отъ освѣщенія окраску свѣжаго желтаго апельсина, а ихъ утесы — оттѣнки красноватаго апельсина. Когда первые уступы Альпъ, находящіяся ниже

вѣчныхъ снѣговъ, всецѣло погрузились въ мракъ, скалы и въ особенности снѣга центральной цѣпи все ярче и ярче окрашивались въ красный цвѣтъ. На снѣгахъ это имѣетъ видъ красной утренней зари; на скалахъ преобладаетъ немного болѣе сѣроватый оттѣнокъ. Всѣ эти снѣга и скалы, также освѣщенные, представляютъ вмѣстѣ поразительную гармонию различныхъ красокъ. Въ теченіе 24 минутъ послѣ захода солнца Монъ-Бланъ остается еще только одинъ освѣщеннымъ, когда все остальное на поверхности земли погрузилось въ мракъ. Онъ горитъ живымъ оранжево-краснымъ цвѣтомъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ огненно-краснымъ, какъ раскаленный уголь. Думаешь тогда, что видишь на землѣ какое-то инородное тѣло.

Съ самаго начала этого момента и по мѣрѣ того, какъ снѣговья вершины погружались въ тѣнь, поразительныя измѣненія происходили съ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Эти оттѣнки, такіе яркіе и такіе теплые, эта гармонія освѣщенія и окраски, благодаря которымъ снѣга и скалы смѣшались въ одинъ цвѣтъ утренней зари,—все исчезло, чтобъ уступить мѣсто виду, который справедливо можно назвать мертвымъ. Ничто лучше не объясняетъ контрастъ между жизнью и смертью челоуѣка, какъ этотъ переходъ отъ свѣта дня къ сумраку ночи на высокихъ горахъ. Снѣга стали матово-бѣлыми и синеватыми, а острѣя скалъ, выдающіяся среди нихъ, приняли сѣрый и синеватый оттѣнокъ болѣе рѣзкій по контрасту съ матово-бѣлыми снѣгами. Весь эффектъ кончился, всѣ очертанія исчезли; нѣтъ болѣе контрастовъ свѣта и тѣни, ни округленныхъ контуровъ; гора едѣлалась плоскою и казалась отвѣсной стѣной.

Наблюдать такое же впечатлѣніе отъ захода солнца можно съ террасы обсерваторіи въ Ниццѣ, на горахъ Эстероль, перспектива которой послѣ заката солнца мѣняется такъ же, какъ декорации въ театрѣ. Здѣсь можно наблюдать еще одну свѣтовую картину, которая прибавляетъ еще величія къ этому зрѣлищу.

Часть неба, которая простирается надъ этими горами, и на которую онѣ бросаютъ свою тѣнь, послѣ того, какъ погружаются во мракъ,—эта часть неба всегда болѣе живо освѣщена и окрашена въ красный цвѣтъ. Если продолжать наблюдать ее внимательно минуту или двѣ послѣ того, какъ Монъ-Бланъ погрузился во мракъ, то увидишь появленію въ нижней части красного неба горизонтальной полосы, темносиней, сначала очень узкой, но быстро увеличивающейся въ высоту и какъ будто занимающей мѣсто красныхъ наровъ. Эта полоса является

тѣнью отъ земли; тѣнь эта поднимается по мѣрѣ того, какъ опускается солнце.

Наконецъ, когда голубая горизонтальная полоса пройдетъ вершину Монъ-Блана, т. е. когда пройдетъ въ среднемъ 33 минуты отъ заката солнца въ долину, тогда свѣтъ горъ окраиваются снова, возвращая собѣ нѣкоторымъ образомъ жизнь, а горы воспроизводятъ блескъ, теплые тона, оранжевую окраску, хотя все-таки болѣе слабую, чѣмъ породѣ закатомъ солнца. Контрастъ между скалами и свѣтами исчезъ, скалы приняли болѣе теплый и желтый цвѣтъ и вновь слились въ одну гармонию съ свѣтами. Такой же эффектъ повторяется и на горахъ болѣе близкихъ и длится до самой ночи.

Горы — изображеніе жизни. И также онѣ — изображеніе смерти.

Соловьиное гнѣздо.

Въ маленькой скромной рощицѣ, птицы которой ко миѣ привыкли, находится гнѣздо соловья. Въ гнѣздѣ сидятъ четыре голыхъ и дрожащихъ малютки, такъ тѣсно прижавшіяся другъ къ другу, что только съ трудомъ можно различить ихъ большія головы и черные глаза. Они вывелись позавчера и еще вчера ничего не видѣли и не знали о существованіи деревьевъ и свѣта. Они погибли бы очень скоро, если бы оставить ихъ однихъ. Но сердца ихъ родителей полны къ нимъ истинной родительской любовью. Оба, и отецъ и мать, сидятъ на краю гнѣзда одинъ около другого. Они погружаютъ свои клювы въ четыре большихъ открытыхъ рта своихъ малютокъ вкладывая въ нихъ пищу. Какая прелестная семья, и какъ они любятъ жизнь все шестеро! Солнечные лучи проникаютъ сквозь вѣтви, аромат доносится изъ долины. Это сама жизнь, купающаяся въ свѣтѣ и истомѣ мая. Порою маленькій отецъ и маленькая мать прекращаютъ раздачу пищи и разсматриваютъ своихъ новорожденныхъ съ такимъ удовольствіемъ и съ такими милыми движеніями головы, какія бывають только у птицъ. Они смотрятъ вдвоемъ такъ тихо и ихъ прелестныя головки сближаются. Затѣмъ они о чемъ-то совѣщаются. Когда въ воздухѣ становится холоднѣе отъ налетѣвшаго облака, отецъ улетаетъ, а молодая мать, осторожно поджимая ножки, спускается въ гнѣздо къ малюткамъ, которыя дрожатъ; она ихъ покрываетъ своими крылышками и наполняетъ собой все гнѣздо, распустивъ ихъ надъ ними такъ, какъ маленькая дѣвочка распускаетъ свое новое платье. Однако ея голова можетъ видѣть все черезъ край гнѣзда и наблюдать за окрестностями. Но вотъ прилетаетъ

соловей и приносить въ клювъ на этотъ разъ обѣды для самой насѣдки. Онъ приносить ей любимыя кушанья, и ей не нужно теперь заботиться объ этомъ самой. Она наслаждается счастьемъ, которое ей предназначено, и кажется довольной этой жизнью. Ея крылья дрожатъ, и все ея маленькое тѣло трепещетъ. Супругъ улетаетъ и быстро возвращается снова съ обѣдомъ въ клювъ.

Они много работаютъ для того, чтобы сберечь свою молодую семью. Теперь они серьезны. Еще только пятнадцать дней тому назадъ они проводили дни въ играхъ, прыганьяхъ съ вѣтки на вѣтку, преслѣдованійхъ другъ друга, въ пѣсняхъ и любви. Теперь ужъ они не играютъ больше, не танцуютъ и не поютъ и любить другъ друга по-иному; онъ теперь отецъ семьи, онъ озабоченъ судьбой своихъ птенцовъ. Пока ихъ дорогія малютки лишены перьевъ, имъ нужно приносить подходящую для ихъ возраста пищу. Родители беспокоятся о судьбѣ своихъ птенцовъ, они любятъ ихъ и, кто знаетъ, оцѣнить ли ихъ дѣти эту привязанность. Можеть-быть, они тотчасъ же улетятъ, какъ только мать научитъ ихъ владѣть своими крылышками, станутъ вольными и одинокими и не будутъ вспоминать о своемъ дѣтствѣ. Любовь, какъ текучая вода, не возвращается назадъ.

О чемъ думаютъ сегодня этотъ соловей и его подруга. Конечно, имъ не нужно беспокоиться о будущемъ воспитаніи ихъ сыновей и дочерей, объ общественныхъ профессіяхъ, принципахъ чести, которые должны управлять ихъ карьерой. Конечно, они не будутъ увлечены расчетами, которые овладѣваютъ ложными мыслями. Но въ какой школѣ самка, которая еще не стала матерью, выучилась такъ красиво строить гнѣздо, куда она положить свои яйца. Ей всего только одинъ годъ, и она еще никогда не сидѣла на яйцахъ. Кто ее обучилъ выстроить гнѣздо именно такъ, а не по-другому? Кто ей говорилъ, что для того, чтобъ изъ яйца вывелись зародыши, необходима теплота, и кто ей сказалъ, что, просидѣвъ пятнадцать дней на этихъ яйцахъ, она выведетъ изъ нихъ птенцовъ? Утомленіе отъ высиживания своихъ птенцовъ, благодаря живости ея характера, было бы для нея невыносимо, если бъ ея не удерживалъ повелительный голосъ инстинкта. Когда яйца будутъ высижены, кто ей подскажетъ, что она должна удалиться изъ гнѣзда, и что уже тамъ живыя существа, которыхъ нужно кормить подходящей для нихъ пищей? Кто найдетъ теперь въ себѣ силу, чтобы просидѣть пятнадцать ночей съ распушенными крыльями и въ самой утомительной позѣ, которую только можно себѣ представить.



Соловьиное гнздо.

Но пойдѣмъ еще далѣе: кто строитъ яйца, эту колыбель будущаго пернатаго поколѣнія? Кто создаетъ зародышъ и заключаетъ его въ средину яйца? Таинственное существо той же породы, что его отецъ и мать выводятся, изъ жидкости яйца; желтокъ подвергается одной изъ самыхъ чудесныхъ метаморфозъ, онъ становится живымъ. Внутри яйца появляется маленькая живая птичка. Она еще очень слаба для того, чтобы выйти изъ яйца, и пока, въ ожиданіи своего рожденія, она питается бѣлкомъ, который ее окружаетъ. Мало-по-малу птичка формируется окончательно, крылья и ножки расправляются, головка поднимается съ грудки; ей теперь больше ничего не нужно, какъ только выйти изъ своей темницы. Клювъ ея покрытъ для этого эмалью, которая спадаетъ съ него тотчасъ же послѣ вылупленія. Этимъ клювомъ птенецъ разбиваетъ скорлупу и освобождаетъ голову, затѣмъ, помогая себѣ крыльями, онъ освобождается совсѣмъ...

Соловьиное гнѣздо, ты для меня такъ велико, какъ и вся солнечная система со всѣми ея мірами, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе значительно. Ты мнѣ говоришь своимъ нѣжнымъ языкомъ, что Тотъ, Кто сотворилъ соловья, захотѣлъ, чтобъ его знакъ былъ бы запечатлѣнъ въ пѣсняхъ вечера, и что мистическая сила является высшей силой, сотворившей міръ и давшей ему законы. Пѣть идея болѣе простой и болѣе величественной, чѣмъ эта, и ни одна мысль не удовлетворитъ лучше нашу жажду познанія. Природа дѣйствительно прекрасна и вмѣсто того, чтобы пренебрегать осязательными формами вѣчной красоты, будемъ любоваться ею и познавать ее такъ же доверчиво, какъ математическую истину. Не является ли природа нашей матерью? Проводили ли мы когда-нибудь часы болѣе поучительные, чѣмъ тѣ часы, въ которые мы вели съ нею задушевную бесѣду въ глубинѣ спокойныхъ лѣсовъ!

Сена въ Парижѣ.

Однажды осенью въ Парижѣ передъ заходомъ солнца я любовался Сеной съ балюстрады Институтскаго моста, откуда видъ иногда бываетъ поистинѣ изумительный. Багряный закатъ окрасилъ въ розовый цвѣтъ барашки облаковъ, которыми было заволочено небо и этотъ свѣтъ, купающійся въ воздухѣ большого города, затопляя своимъ блескомъ зданія и превращая ихъ въ волшебныя замки. Рѣка, какъ широкая лента, медленно текла на западъ, теряясь въ безпредѣльной дали, гдѣ свѣтъ и мракъ сливались вмѣстѣ и поглощали другъ друга.

Пальво отъ меня, надъ строениями, высился темный куполь, а еще дальне вырѣзывались на небѣ двѣ готическія стрѣлы. Направо отъ меня феерически освѣщенные окна Лувра придавали стариннымъ зданіямъ фантастическіе размѣры. Темный гѣбель Тюльери и туманная высота далекихъ холмовъ углубляли перспективу вплоть до туманнаго горизонта. Эта панорама воплощала въ себѣ двойной смыслъ: великая идея природы царила надъ великимъ созданіемъ человѣческаго города. Мало-по-малу я слился съ этимъ одновременнымъ существованіемъ города и природы, существованіемъ продолжительнымъ и уже давнишнимъ, но которое никогда еще не поражало меня такъ глубоко. Любуясь этимъ двойнымъ зрѣлищемъ, я слѣдилъ за кажущимися и дѣйствительными явленіями природы. Солнце медленно садилось за холмами, тучи окрашивались въ болѣе розовый цвѣтъ, рѣка медленно струилась въ далекое море, въ освѣщенномъ воздухѣ проносился легкій вѣтерокъ, похожій на дуновеніе. Это общее движеніе волновало меня: оно мысленно распространялось на всю природу и открывало мнѣ тайну общаго круговорота жизни на землѣ. Но мое вниманіе было занято мыслью, что всѣ эти грандіозныя явленія совершаются, какъ бы безъ *участія чловѣка*. Человѣкъ въ серединѣ Парижа является совершенной ничтожностью въ природѣ. Люди, проходившіе сзади меня по мосту, мало обращали вниманія на этотъ прекрасный закатъ. Дѣловые люди продолжали заниматься своими обязанностями, которыя налагаютъ на нихъ ихъ образъ жизни. Два или три милліона людей копошились на крѣпостныхъ оградахъ, какъ будто бы на этой части земнаго шара образовался маленькій, но быстро текущій водоворотъ. Я сказалъ себѣ: земля вертится вокругъ своей оси, и каждая страна поочередно подвергается дѣйствию солнечнаго тепла и свѣта. Облака пробѣгаютъ по воздуху; ~~растения слѣдуютъ временамъ года; рѣки сбѣгаютъ въ море; дни и ночи чередуются; земная гармонія слѣдуетъ по своему правилу; теченію; но почему все это существуетъ? Насѣкомыя разрываютъ своими челюстями лепестки цвѣтковъ; маленькія птички клюютъ насѣкомыхъ, ястребъ распарываетъ животы птицамъ, львы рыкаютъ въ пустыняхъ, а киты охотятся въ необъятныхъ моряхъ—но для чего все это? Бьющія ключи образуютъ въ одиночествѣ лѣсовъ очаровательныя озера, обрамленныя барвинками; журчащія ручьи спускаются, воспѣвая холмы; серебристыя рѣчки вибрируютъ свои волны большимъ рѣкамъ, уносясь съ ними въ бездны океановъ и теряя въ нихъ даже ея имя свои названія. Богатыя и великолѣпныя букеты морскихъ растеній рождаются и умираютъ на темномъ морскомъ днѣ, по-~~

слышаемое только мадренорами или кораллами, и отъ побое-
наго притяженія морскіе приливы и отливы порокатываютъ съ
одного материка на другой свои тусклые и необъятныя волны:
но къ чему все это идетъ?

Эта обширная природа живетъ и дѣйствуетъ безучастно,
какъ колоссальный механизмъ; все безпрестанно обновляется,
самъ человекъ есть не что иное, какъ кратковременный атомъ,
который появляется и исчезаетъ также быстро. Объ этой по-
объятной вселенной человекъ почти ничего не знаетъ, хотя
думаетъ, что онъ знаетъ все; къ тому же онъ занятъ множе-
ствомъ другихъ заботъ. Передъ сотвореніемъ человека, такъ же,
какъ и теперь, была слышна вся гармонія природы. Но кто
слушалъ ее? Все это существовало до него. Все это существо-
вало безъ него. Все это будетъ существовать послѣ него. Къ
чему было все это величественное твореніе?

Почему моя мысль, измѣряя эту глубину, не встрѣчаетъ ни-
какого отвѣта? Зачѣмъ Богъ сотворилъ эту землю и безконеч-
ное множество другихъ міровъ? И почему, види безконечное
нашего духа, оставилъ теряться въ безднѣ необходимости, какъ
будто бы наши мысли не имѣютъ въ Его глазахъ большого
значенія, чѣмъ простая пылинки, уносимая вѣтромъ, или какъ
капля воды, терпящаяся въ рѣкѣ у моихъ ногъ?.. Почему это
существуетъ? Къ чему это? Какое можетъ быть дѣло Богу,
что существуетъ одинъ міръ, сто миллиардовъ міровъ или ни-
чего? Какая цѣль этого творенія? Повторю опять: кому и для
кого служить оно и зачѣмъ, — неизвестно. Зачѣмъ существуетъ
твореніе? Тѣмъ не менѣе, все это грозное цѣлое имѣетъ свою
цѣль... Скрытная природа молчитъ о загадкѣ, которая насъ
окутываетъ и которая заставляетъ насъ смиряться.

Въ этотъ день я тихо удалился, ничего не види передъ
собой и неспособный что-нибудь увидѣть. Солнце зашло, Сѣнь
спокойно струилась, вѣчерныя сумерки распространились надъ
большими городами, и я скоро потерялся въ туманъ, который
на одинъ моментъ передъ тѣмъ порасталъ для меня суще-
ствовать.

Послѣ тѣ же размышленія очень часто приходили мнѣ на
умъ. Очень часто этотъ неизмѣримой важности вопросъ оста-
навливалъ меня на моемъ пути: *зачѣмъ существуетъ міръ?* И
иногда чувство пустоты и молчанія наполняло мою душу. Но
если бы даже я могъ отвѣтить на волнующій меня вопросъ, я
могъ бы прибавить еще другой вопросъ, вытекающій изъ
предыдущаго, болѣе страшный и возбуждающій по промонамъ
болѣе безконечнаго. Эти безучастныя явленія природы заста-
вляли мою мысль иногда опорожнять проми и спрашивать себя,

гдѣ же будетъ моя душа черезъ сто лѣтъ. И, нематириваясь впередъ, я спрашивала себя съ неизлечимымъ чувствомъ ужаса, гдѣ же она будетъ черезъ тысячу лѣтъ. И, продолжая погоню своей мысли, и зная, что моя душа еще будетъ жить черезъ сто тысячъ лѣтъ, и я спрашивала себя, каково же она будетъ въ ту отдаленную эпоху. И, достигая эту болѣзнь поодаль и дальнѣе, мысль уносится неутонимо за милліоны лѣтъ впередъ. А за этой, уже недоступной для самой мысли, чертой она рисуетъ собѣ новую линію времени, такой же величины, лѣтвмъ, за вторымъ милліономъ лѣтъ, она воображаетъ собѣ послѣдовательно третій, четвертый, десятый и сотый. И, понять уже въ заколдованный кругъ вѣчности, она замѣчаетъ, что времени по существу и что вѣчность неподвижна. Должно сказать, что иногда эта послѣдняя мысль о неумолимости ожидающей насъ судьбы становилась для меня такой ужасной, что разбивала во мнѣ чувство собственной личности. Понимая эту ужасную картину заставляетъ насъ некая успокоенія въ смерти. Это созерцаніе, слишкомъ обширное для ума человека, изсушаетъ мозгъ и затемиляетъ рассудокъ... Можеть-быть, и понырь, бесѣдуя такъ съ вами о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Но въ существѣ здѣсь затронгивается не личный вопросъ, это изученіе аналогично тому, какое пытаются анатомы, ощущающій зондомъ полнѣтвную ему рану. Если астрономъ основывается на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ для опредѣленія своей системы; если химики утверждаютъ что-либо послѣ доказательства на опытахъ и послѣ подробныхъ анализовъ; если физики изучаютъ природу опытомъ своихъ собственныхъ глазъ, то не естественно ли, что мыслитель высказывается, какъ и они, на результатъ своихъ личныхъ наблюденій, свѣдѣнія иногда эти наблюденія съ безпокоѣтвомъ и напряженной работой своего духа? Но крайней мѣрѣ, это — свѣдѣніе глубокой некрепности и залогъ независимой мысли, которая по лиричности простыми эхомъ какой-нибудь партіи и какой-нибудь системы

Да, эта огромная загадка общаго назначенія міра окружающа насъ по всей ея глубинѣ и мы не можемъ ни судить объ ней, ни рѣшить ее. Она подвигиваетъ и уноситъ насъ, какъ „микроскопическую диффузю“, которая, затерявшись въ ігдѣрахъ воды, пробуетъ разобраться въ приливахъ и отливахъ моря.

Всеобщая молитва.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, я вѣхала изъ предѣстной приморской виллы, расположенной на цвѣтущихъ склонахъ Сошь-

Адрессъ и вскарабкался на западныя высоты мыса Евм. Если смотрѣть на эти высоты съ низа утеса, они кажутся каменными исполянами, красными отъ солнца, неподвижными, окаменѣлыми свидѣтелями грозныхъ волнений моря, разбивающаго объ ихъ подножья свои волны. Эти громады, неприступныя съ береговъ, словно сотворены, чтобы играть первую роль въ величественномъ зрѣлищѣ природы. Передъ ними, какъ передъ моремъ, человѣкъ кажется самому себѣ такимъ маленькимъ, что скоро забываетъ о своемъ существованіи и чувствуетъ себя слившимся съ неясной жизнью, которая паритъ надъ шумомъ морскихъ волнъ.

Я постепенно поднялся на самое высокое плоскогорье, откуда поднимаютъ сигналы, предупреждающіе далекіе корабли о часѣ прилива. Ночью зажигаютъ здѣсь маякъ, и онъ горитъ, какъ неподвижная звѣзда въ необъятной темнотѣ. Величественное дневное свѣтло было еще на небѣ все красное, въ пурпуровыхъ облакахъ, хотя оно уже зашло для Гавра, расположеннаго позади меня и для плоскихъ береговъ Сены при ея впаденіи въ море. Надо мной простиралось ясное и синее небо. Внизу отъ вереска, всего усѣяннаго прыгающими насекомыми, исходилъ пріятный ароматъ. Я шелъ по крутому берегу, внизу котораго зіяли пропасти. Съ края отвѣснаго мыса взглядъ уходилъ въ безпредѣльность моря, которое простиралось налѣво съ юго-востока на сѣверо-западъ, а внизу подъ ногами оно терялось въ глубинѣ зеленыхъ скалъ и низкихъ кустарниковъ, образующихъ жесткій коверъ на триста шаговъ отъ этого мыса. Ревъ морскихъ волнъ еле долеталъ сюда въ видѣ однообразнаго шума и плеска, приносимаго вѣтромъ.

Эта далекая пѣснь моря гармонировала съ тишиной вечера. Природа внимательно прощалась съ принцемъ свѣта, который долженъ былъ покинуть свой тронъ и исчезнуть за воднымъ горизонтомъ. Спокойно и сдержанно присутствовала она на всеобщей молитвѣ всѣхъ живыхъ существъ, и ихъ святыя молитвы были полны признательности и возносились навстрѣчу послѣднимъ лучамъ заходящаго солнца. Всѣ, начиная съ пѣвней, одинокой медузы, съ красной морской звѣзды, кончая стрекозующими кузнечиками и снѣжнымъ заморозкомъ,—всѣ благодарили природу, прощаясь съ солнцемъ. Съ горъ и отъ волнъ поднимался какъ бы фиміамъ. И казалось, что шумъ волнъ, что вѣтерокъ, дующій съ материка, это благоухающій воздухъ, что свѣтъ, блѣднѣющій въ ясной лазури, что прохлада дня, что вѣтви въ этомъ мѣстѣ ощущали свое существованіе и съ любовью участвовали въ этомъ всеобщемъ поклоненіи.

Въ этой жертвѣ земли соединилось, въ моемъ представленіи, притяженіе міровъ между собою, не только тѣхъ, которые приближаютъ и удаляютъ по очереди нашу земной шаръ отъ солнечнаго фокуса, но и влеченіе всѣхъ звѣздъ, тяготеющихъ другъ къ другу, въ безпредѣльности небесъ. Надъ моею головою воплощалась высшая гармонія и грандіозное переселеніе небесныхъ тѣлъ. Земля казалась атомомъ, плавающимъ въ безконечности. Но я чувствовалъ связь этого атома со всѣми солнцами пространства, съ тѣми, свѣтъ которыхъ достигаетъ до насъ только черезъ милліоны лѣтъ, съ тѣми, которые еще намъ неизвѣстны, потому что человекъ не можетъ ихъ увидѣть; эта связь соединяетъ въ одно твореніе всѣ міры и всѣ души. И безграничная молитва несоизмѣрнаго неба находила свой отголосокъ, свое видимое выраженіе въ той земной жизни, которая билась вокругъ меня: въ шумѣ моря, въ благоуханіи береговъ, въ послѣдней пѣснѣ птицы въ лѣсу, въ нестройной мелодіи насѣкомыхъ, въ трогательномъ и всеобщемъ единеніи и, въ особенности, въ изумительномъ освѣщеніи этихъ сумерекъ.

Я смотрѣлъ... Но я былъ такъ ничтоженъ передъ изъясненіемъ всеобщей благодарности, что я почувствовалъ себя подавленнымъ величіемъ этого зрѣлища. Моя личность исчезла въ безмѣрности природы. Скоро уже мнѣ казалось, что я не могу ни говорить ни думать. Обширное море терялось въ безконечности.—Я больше не существовалъ, мой взоръ затуманился, я созерцалъ, ужъ ничего не видя болѣе, затерявшись въ горахъ.

Море убѣгло въ безконечность, а живыя существа продолжали молиться. Солнце, этотъ источникъ свѣта и жизни, бросило свой послѣдній взглядъ, скрываясь за морскимъ горизонтомъ. И, принявъ благосклонно выраженіе благодарности всѣхъ живыхъ существъ, удовлетворенное прошедшимъ днемъ, оно спустилось побѣдоносно къ полушарію, населенному другими народами.

Тогда великая тишина обняла природу. Пурпуровыя и золотистыя облака, со своими послѣдними красноватыми отблесками, растаяли вслѣдъ за царственнымъ закатомъ. Съ небесъ спускались сумерки. Вѣтеръ, катящій волны, стихъ, а съ нимъ заснули и самыя волны. Заснули также и маленькія крылатыя существа, и звѣзда, предвѣстница вечера, зажглась въ зенитѣ.

— Таинственная неизвѣстность! — воскликнулъ я, — великое и безмѣрное бытіе! Кто же мы? Высшій Творецъ гармоніи, кто же Ты, если Твоо твореніе такъ велико? Бѣдная человѣческая моль думаетъ, что знаетъ Тебя, Боже!.. Боже!.. Пылики, ничтожества, какъ мы малы, какъ мы неизмѣримо малы!

Какъ Ты великъ! Кто же осмѣлился назвать Тебя? Какъ долженъ былъ быть надмененъ тотъ безумецъ, который пер-

вый захотѣлъ дать Тебѣ опредѣленіе! Боже! Боже мой! Всемогуцій и всемилостивый, безмѣрно величественный и неизвѣстный. Какъ назвать тѣхъ, которые Тебя отрицаютъ, тѣхъ, кто не вѣритъ въ Тебя больше, тѣхъ, кто живетъ внѣ мысли о Тебѣ, тѣхъ, которые никогда не чувствовали Твоего присутствія, Отець природы.

„Люблю Тебя, люблю, Высшая и неизвѣстная Первопричина, Бытіе, передъ которымъ безсильно человѣческое слово. Но я такъ ничтоженъ, что не надѣюсь быть услышаннымъ Тобою“.

Въ то время, какъ эти мысли выливались изъ глубины моей души для того, чтобы подтвердить величіе всей природы, облака разсѣялись на закатѣ, и золотистое сіяніе затопило гору. „Да! Ты слышишь меня, Создатель, Ты, который даешь маленькому полювому цвѣтку красоту и запахъ. Голосъ океана не заглушить мой голосъ, и моя мысль долетитъ до Тебя, мой Боже, съ всеобщей молитвой“.

Съ высоты мыса я обнималъ взоромъ и югъ, и востокъ, и долину, и море. Позади меня на морскомъ берегу спали города.

Въ Гаврѣ торговыя улицы были иллюминированы, а еще далѣе, въ противоположной сторонѣ, Трувилъ былъ освѣщенъ праздничными факелами.

И въ то время, какъ признательная природа прославляла одно изъ своихъ вѣрныхъ свѣтилъ, всѣ живыя существа были соединены въ молитвѣ; въ то время, какъ ворчащая морская волна сливала съ вечернимъ вѣтеркомъ свою благодарность въ концѣ этого прекраснаго дня; въ то время, какъ душа всего творенія единопдушно и сосредоточенно была открыта Творцомъ, высшее созданіе, одаренное безсмертной и свободной душой, воплещающее къ себѣ творческій разумъ—человѣкъ, не замѣчалъ и не слышалъ всего этого великолѣпія и, кажется, ничего не зналъ объ этой всемірной гармоніи, на лонѣ которой онъ долженъ найти свое счастье и свою славу.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПОЛЕТА НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ.

Въ облакахъ *).

Первое впечатлѣніе, когда очутишься въ облакахъ, заключается въ себѣ нѣчто странное и фантастическое. Аэростатъ поднимается незамѣтно къ небесному своду и въ то время,

* 23 іюня 1867 года въ пять часовъ вечера.

какъ мы себя спрашивали „что-то будетъ“, воздухъ пересталъ быть прозрачнымъ и сдѣлался вокругъ насъ темнымъ. Поля закрылись отъ насъ дымкой, толщина которой увеличивалась отъ центра къ окружности. Черезъ нѣсколько времени нельзя было уже различать землю, которая была прямо подъ нами, а мы были окутаны необъятнымъ бѣлымъ туманомъ, который, казалось, окружалъ насъ на далекомъ разстояніи въ видѣ безформенной оболочки, не задѣвая насъ. Дороги еще неясно просвѣчивали въ видѣ бѣлыхъ питей.

Намъ казалось, что мы были неподвижны среди этого плотнаго и темнаго воздуха, мы не могли опредѣлить непосредственно нашъ горизонтальный путь и по виду облаковъ не могли судить, поднимаемся мы или опускаемся. Внезапно, во время нашего пребыванія среди этого элемента, столь новаго для меня, наши уши были поражены удивительнымъ концертомъ инструментальной музыки, который, какъ казалось, исходилъ изъ самихъ облаковъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ насъ. Наши глаза напряженно всматривались въ бѣлыя глубины: вверху и внизу, въ какую бы сторону они ни обращались, всюду они встрѣчали только разсѣянное и однородное вещество, которое окружало насъ со всѣхъ сторонъ. Это была превосходная музыка оркестра, игравшаго въ Антони; окутанные облаками, мы были на разстояніи около одного километра отъ этого города.

Между тѣмъ шелковая оболочка прорывала медленно своей обширной покрывкой рыхлыя, непрочныя облака, и мы, пролагая такимъ образомъ дорогу, уносились въ болѣе лучезарныя области. Скоро наши глаза, привыкшіе къ слабому свѣту снизу, были поражены распространявшимся вокругъ насъ сіяніемъ. Дѣйствительно, плотный яркій свѣтъ, казалось, обливалъ насъ со всѣхъ сторонъ: бѣлая сфера, поглотившая насъ, блестѣла во всѣхъ направленіяхъ; внизу, какъ и наверху, илѣтво, какъ и направо: было совершенно невозможно различить, въ какомъ направленіи могло быть солнце.

И напрасно пытался опредѣлить то мѣсто въ пространствѣ, гдѣ мы находились; видъ былъ дѣйствительно неопредѣлимый; и все, что я могъ выяснитъ, было только то, что мы находились въ нѣдрахъ проницаемаго бѣлаго океана... Но свѣтъ быстро усиливался.

Что же случилось? Какъ будто бы внезапно необъятный потолокъ упалъ въ пространство, и мы увидѣли верхнюю поверхность облаковъ, у нашихъ ногъ спокойно спускающихся на землю, а мы утонули въ ослѣпительномъ и горячемъ свѣтѣ. Появилось солнце, какъ божество на бѣлоснѣжномъ ложѣ.

Аэроплатъ побѣдоносно и горделиво парилъ надъ облаками. Теперь мы находились въ свѣтломъ и чистомъ небѣ. Земля, подернутая туманной дымкой, видѣлась далеко отъ нашего полета. Здѣсь же царили свѣтъ и теплота; атмосфера была напоена радостью; подплывая къ иѣдрамъ этого новаго міра, мы чувствовали, что покидаемъ мрачные берега скорби, чтобы переродиться для новаго бытія, и что, оставляя у нашихъ ногъ облака, мы воскресаемъ въ преображенномъ небѣ. Казалось, что стыдъ набросилъ покрывало на царство печали и низменныхъ интересовъ земли; вступая во врата неба, душа, упоенная такой быстрой метаморфозой, ощущаетъ невѣдомый трепетъ, и въ ней пробуждается подъ тѣлесной оболочкой чувство божества. Она чувствуетъ предвкушеніе высшаго міра; ей хочется сбросить свои оболочки и улѣтѣть къ небу въ порывѣ неугасимаго желанія.

Поднявшись на нѣсколько сотенъ метровъ надъ верхнимъ уровнемъ облаковъ, плывешь уже въ полномъ небѣ, которое не видимо съ земли, въ пространствѣ, такъ сказать, между двумя небесами.

Нижнее небо образовывало изъ облаковъ бѣлесоватые холмы и долины различныхъ оттѣнковъ, представляющихъ отдаленное сходство съ свѣжными волокнами изъ чесаной тонкой шерсти, и уменьшающихся по величинѣ и глубинѣ, по мѣрѣ того, какъ они отодвигались отъ насъ. Верхнее небо представляло изъ себя лазурь, всю усѣянную бѣлыми и клочковатыми дорожками, расположенными на громадной высотѣ, — почти настолько же удаленными отъ насъ, какъ если бы мы оставались на поверхности земли. Солнце изливало свои лучи свѣта и теплоты въ неизвѣданныя области въ то время, какъ для областей, населенныхъ человѣкомъ, оно еще было спрятано. Сколько чудесъ родится и исчезаетъ неизвѣстными для человѣческаго глаза. Какія необъятныя и постоянныя силы дѣйствуютъ надъ нами, не замѣченныя нами. Вѣчная природа слѣдуетъ своимъ путемъ, не интересуясь тѣмъ, что ею любуются и изучаютъ ее ничтожныя жители земли.

Мы оставались почти около часу надъ облаками; въ теченіе этого времени я искалъ тѣхъ признаковъ, которые могли бы болѣе точно передать зрѣлище, разстилающееся передъ нашимъ взоромъ. Но послѣ того, какъ я записалъ страницу сравній и образовъ, мнѣ показалось, что всѣ эти слова смѣшны и недостойны. Ни одно выраженіе не могло передать этого умопостигаемаго зрѣлища. Стоя въ лодочкѣ аэроплатъ и смотря внизъ, я переживалъ ощущеніе необычайнаго полета... Почему не жить здѣсь!..

Созерцая это великолѣпно, приятно думать, что есть міры, гдѣ не пресмыкаются въ пыли, какъ на нашемъ, гдѣ обычнымъ мѣстопребываніемъ являются эти высшія сферы. Можетъ-быть, наступитъ день и на землѣ, когда разившееся челоѣчество освободится отъ послѣднихъ путъ и заживетъ, наконецъ, въ небесной чистотѣ и ясности.

Темная тѣнь, отражаясь отъ аэростата, плыла съ нами рядомъ въ облачномъ туманѣ, какъ нашъ двойникъ. Воздушный шаръ казался неподвижнымъ, потому что онъ былъ увлекаемъ тѣмъ же теченіемъ, что и окружающія насъ облака. Вѣлые холмы и долины, расположенные подъ нами, казались твердыми и какъ бы приглашали насъ высадиться и встать на эти красивыя облака. Какъ бы мы были обмануты, если бы поддались этому искушенію!

Такъ оставались мы до 6 часовъ и 50 минутъ надъ облаками, какъ будто въ неподвижности, хотя въ дѣйствительности мы плыли со скоростью, одинаковой со скоростью облаковъ. Аэростатъ былъ въ такомъ равновѣсіи, что когда онъ очутился подъ верхнимъ уровнемъ облаковъ, достаточно было бросить горсть балласта въ сто граммовъ и менѣе стакана воды, и мы унеслись въ голубое небо. Казалось, что шаръ не смѣлъ спускаться назадъ и какъ бы поддерживался болѣе плотными облаками. Но въ 6 часовъ 50 минутъ онъ вошелъ окончательно въ облака.

Когда мы вышли изъ области свѣта, впечатлѣніе получилось совсѣмъ обратное, и радость пребыванія на высотѣ уступила мѣсто безмѣрной грусти. Казалось, что-то темное, безобразное даже грязное обволокло пространство. Чувствовалось приближеніе земли... Я совѣтую мизантропамъ испытать впечатлѣніе отъ этого спуска: испытываешь чувство настоящаго оскорбленія, доходящее почти что до отвращенія, когда падаешь такимъ образомъ съ неба къ людямъ.

Тишина и одиночество высотъ.

Градиозное зрѣлище природы вызываетъ скорѣе ужасъ, чѣмъ изумленіе, потому что тишина, которая царитъ здѣсь вездѣ, настолько подавляетъ челоѣческой разумъ, что даже мѣшаетъ ему сознать свое ничтожество передъ лицомъ безконечности. Аэростатъ тихо скользилъ, какъ будто бы боясь нарушить такую сосредоточенность тишины. Сидящіе въ лодкѣ воздушнаго шара обмѣнивались также шопотомъ своими мыслями, точно они боялись, что ихъ земныя признанія будутъ подслушаны какимъ-нибудь невѣдомымъ духомъ. Каждое

движеніе сопровождалось скрипомъ снасти, отражавшимся двойнымъ эхомъ внутри шара.

Суровая и ужасная небесная природа влекла насъ къ себѣ, какъ пропасть, которая разверзается подъ нашими ногами, какъ если бы хрупкій потолокъ, который насъ отдѣлялъ отъ неба, обрушился. Въ этихъ отдаленныхъ сферахъ это своего рода безконечное головокруженіе.

Мы миновали высоту Олимпа, этой древней и торжественной горы мѣологической Тессалии, имѣющей 2.906 метровъ высоты и не касающейся неба, какъ въ это вѣрили современники Гомера. Газовый шаръ, на которомъ мы висѣли, несся на 3.300 метровъ высоты надъ Луарой *).

Геометрическій видъ земли казался страннымъ. Земля есть сферическій шаръ, и кажется, что, поднимаясь надъ поверхностью, получишь мало-по-малу впечатлѣніе этой сферичности; ничего этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а получается со-вѣтъ противоположное впечатлѣніе, которое создается по мѣрѣ того, какъ поднимаешься.

Подъ нашими очарованными взорами развертывалась волшебная панорама, которая превосходила даже самыя смѣлыя мечты. Центральная Франція распростиралась подъ нами въ видѣ безграничной равнины, съ различными оттѣнками и переливающимися тонами. И невольно напрашивалось сравненіе ея съ великолѣпной географической картой. Можно было различать ясно дно Луары и прослѣдить на далекомъ разстояніи ея теченіе. Вокругъ насъ было пространство абсолютной чистоты. Въ этомъ голубомъ небѣ, опираясь на край лодочки, какъ на небесномъ балконѣ я смотрѣлъ въ необъятную пустоту...

А внизу, на десять тысячъ шаговъ подо мною, всеобщая жизнь сіяла всѣми своими лучами; растенія, животныя, люди всѣ вмѣстѣ дышали нижнимъ слоемъ этого воздушнаго океана; здѣсь же убываетъ могущество жизни; внизу сердца всѣхъ живыхъ существъ бьются въ унисонъ; внизу смѣшиваются ароматы всѣхъ цвѣтовъ; внизу журчитъ мелодія существованій; внизу изъ питательнаго пла родной земли-матери поднимаются колосья и виноградники, камыши и дубы. И въ этомъ воздухѣ, проводникѣ жизненной теплоты, продолжается безконечный концертъ неугасающей жизни.

Но въ высотахъ, гдѣ плылъ этотъ легкій, какъ воздухъ корабль, на этомъ невидимомъ пути, гдѣ человекъ появляется въ первый разъ, мы уже не принадлежали больше къ живому земному царству. Мы созерцали природу, но не отдыхали

*) 10 іюня 1862 г. шесть часовъ утра.

больше на оя логѣ. Абсолютная тишина царила здѣсь въ своемъ мрачномъ величїи. Наши голоса не отдавались эхомъ, и насъ окружало странное одиночество.

Такая страшная и глубокая тишина господствовала въ этихъ изолированныхъ областяхъ, что мы невольно спрашивали себя, живы ли мы еще. Но, однако, здѣсь царить не смерть, а отсутствіе жизни. Кажется, что больше уже не принимаешь никакого участія въ жизни міра, расположеннаго внизу. Аэро-статъ спокойно отдыхалъ въ движущемся воздухѣ, между тѣмъ, какъ неподвижность, обступающая насъ, охватывала нашъ разумъ. Не спуститься ли намъ, изолированнымъ созерцателямъ, съ небесъ? И не высадиться ли намъ на обитаемую планету, великолѣпіе которой грезится въ этой чудесной панорамѣ! Какъ она удивительна, эта обширная сцена природы, къ которой мы должны спуститься. Какой миръ и какое богатство. Кто же осмѣлится повѣрить, что въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ человѣкъ живетъ, пренебрегая его великолѣпіемъ, и что этотъ тотъ же употребляетъ всѣ свои усилія для того, чтобы на логѣ красоты и любви рождался зло и война?

Да, тишина, которая царитъ въ этихъ глубинахъ, поистинѣ торжественна; это прелюдїя тишины междупланетныхъ пространствъ, спокойной необъятности, черной и ледяющей, къ которой размѣренно тяготеютъ міры.

Воздушный полетъ ночью.

Серебристый свѣтъ луны спускался съ высоты неба, какъ божественная роса; въ мирномъ и ясномъ небѣ блистали блѣдныя звѣзды; земля спала глубокимъ сномъ, какъ живое существо, которое отдыхало послѣ работы и собирало въ покоѣ свои истраченныя силы.

Все спало въ обширныхъ равнинахъ. Птицы и насѣкомыя, эти маленькія крылатыя существа, которыя своимъ гармоничнымъ пѣніемъ наполняли лѣса, умолкли. Въ деревьяхъ и на открытой поверхности земли не было ни малѣйшаго дуновения ласкающаго вѣтра.

Когда аэростатъ освободили отъ груза, удерживавшаго его на землѣ, онъ медленно, торжественно и плавно поднялся въ чистое небо, въ область луннаго свѣта. Мой штурманъ сидѣлъ передо мною и осторожно сыпалъ драгоцѣнный балластъ, внимательно слѣдя за барометромъ. А я, вѣврясь его попеченїямъ и прочности аэростата, весь отдался на свободѣ двоякому наслажденію: созерцанію и изученію.

Впечатлѣнію отъ молчаливаго путешествія въ пространство чудной лѣтней почью получается иѣзное и глубокоо. Смотри на землю, измѣряя глубину нижняго пространства, и не испытывалъ болѣе того чувства изолированности, которое меня сильно поразило, когда я днемъ, на разстояніи болѣе чѣмъ трехъ тысячъ метровъ отъ поверхности земли, сравнивалъ значительность моего аэростата съ величиємъ необъятной равнины, распростертой подо мною. Тогда я чувствовалъ себя почти не живымъ существомъ. Здѣсь, напротивъ, мы были единственными живыми существами, и мы жили и думали, когда все кругомъ спало.

Нашъ полетъ начался въ 1 часъ 25 минутъ утра, послѣ того, какъ всѣ инструменты были приведены въ порядокъ; это было именно въ часъ прохожденія луны черезъ меридіанъ. А въ два часа мы достигли уже 1440 метровъ высоты.

На землѣ воздухъ былъ совершенно спокоенъ. Но едва только мы поднялись на сто метровъ, какъ были унесены со скоростью очень замѣтною и все возрастающей по мѣрѣ нашего подъема. Эта скорость въ теченіе перваго часа была въ среднемъ отъ 10 до 40 метровъ въ секунду и въ теченіе втораго—отъ 11 до 95 метровъ.

Видя себя подхваченнымъ вѣтрами неба надъ уснувшей землею, я не могъ не думать, что этотъ законъ атмосфернаго движенія есть одна изъ причинъ сохраненія жизни и вѣчной юности въ природѣ. Днемъ воздухъ бороздитъ поверхность земли, умѣряя зной, смѣшивая солнечную теплоту и запахъ растений съ дыханіемъ живыхъ существъ, распространяя вокругъ довольство и обновленіе. Ночью дѣти земли засыпаютъ на лошѣ природы: ни одна тревога не нарушаетъ ихъ отдыха и мимозы снятъ такъ же мирно, какъ и птицы въ лѣсу.

Но въ то же время необъятное движеніе совершается надъ областью сна, и вѣтры верхнихъ слоевъ атмосферы, обволакивающей землю, восстанавливаютъ повсюду равновѣсіе прициповъ и функцій до тѣхъ поръ, пока появившееся на Востокѣ солнце, распространяя волны свѣта и электричества на поверхность міра, призываетъ всѣхъ живыхъ существъ къ работѣ.

Во время лѣтняго солнцестоянія утреннія зори и сумерки почти соприкасаются другъ съ другомъ. Едва только мы оставили землю въ половинѣ втораго утра, какъ мы уже очень ясно замѣтили на сѣверо-сѣверо-востокѣ утреннюю зарю. Ея блѣдый свѣтъ вырисовывался правильно въ видѣ горизонтальной полосы, довольно тонкой, ясно кончающейся на 16 градусахъ выше нашего горизонта. Я еще никогда не видѣлъ такого иѣжнаго и такого чистаго сіянія. Это возможно

наблюдать только въ высотахъ атмосферы, освѣщенныхъ солнцемъ, которое въ это время царило надъ Тихимъ океаномъ. Этотъ постигнѣ небесный свѣтъ былъ настолько ясенъ и отчетливъ, что звѣздное небо, также прозрачное, казалось покрытымъ дымкой сѣраго свинца. По мѣрѣ того, какъ я всматривался въ этотъ свѣтъ, небо представлялось мнѣ все болѣе и болѣе темнымъ, такъ что я удивлялся, какъ я могу еще видѣть горящія звѣзды.

Замѣчательно было то, что, несмотря на лунный свѣтъ, мы замѣтили утреннюю зарю въ половинѣ второго утра. Я хотѣлъ пропзвести наблюдене надъ молодой луной. Такъ, 30 июня, когда небо было совершенно чисто, я слѣдилъ за слабымъ свѣтомъ сумерекъ съ 11 часовъ до 1 часа утра, и я увидѣлъ, что луна прошла успѣшно съ сѣверо-сѣверо-запада на сѣверъ и на сѣверо-сѣверо-востокъ, не исчезая совершенно. Въ это время года солнце не спускается болѣе чѣмъ на 17 градусовъ ниже горизонта Парижа.

Желая сравнить свѣтъ утренней зари съ луннымъ свѣтомъ, я всматривался въ нихъ въ теченіе пяти минутъ. Въ 2 ч. 45 минутъ эти два свѣта сдѣлались одинаковыми по силѣ; тогда уже я могъ свободно читать, повернувшись какъ въ сторону утренней зари (къ сѣверо-востоку), такъ и въ сторону луны (къ сѣверо-западу). Но одна подробность здѣсь удивитъ моихъ читателей.

Свѣтъ луны обладаетъ сказочной бѣлизной, если сравнивать ея свѣтъ съ искусственными свѣтами, напримѣръ, съ свѣтомъ газоваго рожка и съ желтымъ свѣтомъ масляной лампы. Луна же, въ свою очередь, дѣлаетъ желтымъ и почти краснымъ свѣтъ водорода, и настолько бѣла, что по контрасту съ послѣднимъ кажется почти голубой. Непорочное небесное свѣтило ночей стало символомъ безгрѣшной чистоты и самая дѣвственная лпія едва ли можетъ сравнить свою бѣлизну съ бѣлизной Фебы.

Я интересовался узнать, будетъ ли эта ночная богиня, застигнутая наступленіемъ дня, казаться столь же чистой, какъ ея репутація. Произвести опытъ было очень легко при помощи самаго простаго фотометра; поверните листъ простой бѣлой бумаги въ сторону свѣта луны и затѣмъ поверните его въ сторону утренней зари и такъ послѣдовательно сравните въ одно и то же время интенсивность и цвѣтъ двухъ свѣтовъ.

Прежде чѣмъ свѣтъ луны достигъ одинаковой силы съ свѣтомъ утренней зари, я убѣдился, что, въ свою очередь, лунный свѣтъ желтѣетъ передъ величественной чистотой дня. Такимъ образомъ, свѣтъ утренней зари еще бѣлѣе луннаго свѣта. Мо-

жеть-быть, лазурь атмосферы входитъ въ качествѣ причины и контраста въ эту изящную бѣлизну свѣта зари.

Нужно помнить, что замѣтки моего шанечнаго журнала, которыя я велъ для того, чтобы передать вкратцѣ мои впечатлѣнія отъ воздушнаго путешествія, были написаны мною въ лодочкѣ воздушнаго шара то при свѣтѣ луны, то при свѣтѣ звѣздъ, то ощупью во тьмѣ, потому что благоразуміе требуетъ избѣгать всякаго рода огня на воздушномъ шарѣ, который открытъ въ своей нижней части и служить огромнымъ газовымъ рожкомъ, такъ что всегда можетъ воспламениться.

Югъ и сѣверъ нашего неба представляютъ изъ себя два совершенно различныхъ вида. На югъ небо голубое, глубокое и прозрачное. На сѣверѣ небо кажется облачнымъ до самаго сѣверо-востока, гдѣ оно вновь ясно. Прямо надъ нашими головами находится огромная темная сфера, повидимому, неподвижная.

Я различаю невооруженнымъ глазомъ большую часть морей луны и множество свѣтлыхъ кратеровъ, особенно ясно лучезарную гору Тихо. Съ помощью особаго зрительнаго стекла я вижу маленькія пятна озеръ Смерти, Мечты, болота Сна, море Холода. Глядя на туманы внизу и зная, какіе вѣтры бороздятъ атмосферу, я понимаю, какъ трудно тьмѣ, кто живетъ на днѣ этого воздушнаго океана, наблюдать, не заблуждаясь, эфирные небесные міры; въ особенности это относится къ Обсерваторіи Парижа, вѣчно подернутого пылью и дымомъ большого города.

Итакъ, нашъ воздушный корабль несется среди прозрачной ночи. Внизу абсолютная тишина, вверху мерцающія звѣзды. Мнѣ вспомнились двѣ строфы поэта, воспѣвавшего такой же полетъ аэростата звѣздной ночью.

„Искрытся Андромеда, сіяетъ Оріонъ, чудесный рой Плеядъ раскинулся на небѣ, Сиріусъ открылъ свой кратеръ, золотая итица Арктуръ сіяетъ въ своемъ гнѣздѣ; въ зенитѣ отвратительный Скорпионъ поражаетъ голубую грудь Стрѣльца. Аэронавтѣ видать, какъ передъ нимъ тамъ, высоко, Глазъ Тельца ослѣпленъ Цефеемъ. Персей, красная венуса вершинъ, Полярная Колесница съ пламенными осями, а еще дальше — свѣтъ Млечнаго пути. О, темное небо, о, звѣздный муравейникъ“.

Въ два часа 20 минутъ мы прошли мимо маленькаго четырехугольнаго городка. Сначала мы приняли его за фруктовый садъ, но, разсмотрѣвъ болѣе внимательно, мы увидѣли тамъ зданія; бульваръ, обсаженный деревьями, окружалъ его. Сличеніе съ картой намъ доказало, что это городъ Вернейль.

Въ 2 часа 55 минутъ мы пронеслись надъ другмъ, какъ и первый, спавшимъ городомъ. Мы подумали, что если есть тамъ бодрствующіе люди въ этотъ ночной часъ, то только потому, что они страдаютъ, и мы бы хотѣли съ высоты небесъ пролить утѣшеніе на ихъ страданія и ознаменовать папъ полетъ благодѣтельной и дѣйствительной помощью.

Городъ, который мы пересѣкали, показался намъ окруженнымъ со всѣхъ сторонъ живописнымъ пейзажемъ со скалами и холмами. Глубокія долины, покрытыя дымкой легкаго тумана, характеризовали особенность почвы. На самомъ дѣлѣ мы были прямо надъ городомъ Легль съ знаменитыми замками, воздвигнутыми въ XI вѣкѣ на грозныхъ скалахъ, доступныхъ только пѣздамъ орловъ.

Въ этомъ мѣстѣ неба, которое мы пересѣкали надъ городомъ Легль, было первое, установленное наукой, паденіе аэролита; изъ этого пространства такого же чистаго, какъ и сегодня, упали 6 флореалъ XI года въ часъ послѣ полудня въ огромномъ количествѣ камни, которые можно было собирать во всѣхъ окружныхъ деревняхъ. Біотъ привезъ въ Академію наукъ осколки этихъ камней, которая до этого времени не допускала, что камни могутъ падать съ неба. Сильный взрывъ, длившійся въ теченіе пяти или шести минутъ, сопровождался непрерывными раскатами грома, слышными почти на тридцать миль въ окружности. Взрыву этому предшествовалъ огненный шаръ величиною съ воздушный шаръ, пересѣкавшій воздухъ съ страшной быстротой. Ни одно паденіе аэролитовъ не производило такой паники среди деревенскаго населенія. Тѣ, которые не видали самаго болида, были, конечно, поражены, услышавъ оглушительный ударъ грома среди чистаго неба, и думали, что произойдетъ ужасная катастрофа; тѣ, кто видѣли камни, внезапно начавшіе падать на крыши, на землю, въ которой они, зарываясь, пресверливали дыры, начали кричать, какъ древніе галлы, и спрашивать себя, „не падаетъ ли само небо“. Это великое происшествіе привело къ тому, что было признано наукой дѣйствительное существованіе аэролитовъ.

Нашъ аэролатъ пересѣкъ эту знаменитую въ исторіи астрономіи область и продолжалъ свой полетъ надъ департаментомъ Орна.

Венера поднималась. Эта бѣлая звѣзда горѣла въ свѣтоносной утренней зарѣ еще болѣе живымъ пламенемъ. Меркурій подіялся сляшкомъ поздно и былъ уже невидимъ. Марсъ зашелъ передъ полночью. Сатурнъ спускался къ западу. Но первенство этой ночью принадлежало Юпитеру. Я никогда не видалъ эту планету такой блестящей, хотя и безъ мерцающ.

Она казалась такой же свѣтлой, какъ луна, столько она оросала огня, и всѣ звѣзды первой величины, какъ болѣе скромныя, блѣднѣли и ступевывались передъ ней. Около трехъ часовъ звѣзды стали гаснуть одна за другой. Арктуръ исчезъ послѣднимъ, но луна и Юпитеръ оставались и тогда, когда вся небесная армія исчезла при приближеніи дня.

Послѣ этого перваго ночного путешествія по воздуху я проводилъ ночи много разъ подобнымъ же образомъ, но никогда я не видалъ такой прекрасной, ночи, такой чистой и такой очаровательной, потому что въ то время мы были окружены волшебными чарами сладкаго луннаго свѣта, исходявшаго отъ нашего блѣднаго слутинка.

Свѣтъ, распространяемый въ атмосферѣ утренней зарей, очень разнится отъ свѣта луны. При этомъ свѣтѣ я могъ ясно слѣдить за моими инструментами и писать, и мы не переставали различать деревни, лѣса, поля, плоскогорья и долины. Но этотъ свѣтъ скорѣе скользилъ по этимъ предметамъ, чѣмъ проникалъ въ нихъ. Онъ рисовалъ всю картину въ неопредѣленныхъ контурахъ и полутонахъ. Все представляется по-иному при свѣтѣ утренней зари. Передъ тѣмъ, какъ ея свѣтъ достигнетъ одинаковой силы съ луннымъ свѣтомъ, она наполняетъ весь воздухъ и сливается съ ней.

Она напавиваетъ своимъ свѣтомъ воздухъ, горы и долины, она проникаетъ въ растения, лѣса и травы луговъ. И кажется, что все живетъ благодаря ей, что она даетъ тонъ природѣ, какъ всеобщая причина жизни, силы и красоты созданныхъ вещей.

Абсолютная тишина ночи исчезла и начала прерываться какими-то пѣвными и отдаленными звуками. Въ 3 часа и 20 минутъ пѣніе птицъ наполнило воздухъ. Ихъ голоса также чисты въ тонѣ, какъ и свѣтъ утренней зари. Пѣсни ихъ полны радости, и чистыя ноты ихъ маленькихъ горлышекъ улетаютъ въ воздухъ, весь залитый свѣтомъ.

Воздушный корабль приближался въ 3 часа 25 минутъ къ пригороду Гасе, и мы спустились въ долину, покрытую росянкой, на берегу красивой рѣки Тукъ, которая впадаетъ въ море около Трувилля.

Восходъ солнца, наблюдаемый съ воздушнаго шара *).

Глазъ смертнаго, который хоть одинъ разъ имѣлъ возможность созерцать въ воздушномъ мірѣ торжественное восхождение дневнаго бога и присутствовать при появленіи его во

*) Двѣ тысячи метровъ высоты надъ Рейномъ 15 іюля 1867 г., 4 часа утра.

всемъ его величію, не забудеть этого зрѣлища до самаго своего конца и сохранить навсегда его неизгладимый образъ. Мы получаемъ на землѣ впечатлѣнія, которыя даютъ такое высокое и внушительное представленіе о природѣ, что глубоко растроганная душа сохраняетъ навсегда о нихъ вѣчное воспоминаніе.

Медленно и незамѣтно разливалось въ воздухѣ нѣжное бѣлое сіяніе утренней зари, похожее на цѣлый океанъ мягкаго свѣта. Какъ мелодія далекаго оркестра кажется сначала незамѣтнымъ эхомъ, а затѣмъ постепенно усиливается и наполняетъ все своими звуками, такъ и свѣтъ для глаза представлялъ такую же картину, какъ и музыка для слуха. Молчаливая земля сосредоточенно ожидала своего пробужденія отъ возстановляющаго силы сна, вся зачарованная обаяніемъ небесной красоты.

Рейнъ издалека извивался серебряными кольцами, какъ змѣя, ползущая по зеленой долигѣ Германіи, поднимающая свою плоскую голову у Сѣвернаго моря. Природа молчала, и если слышалось пѣніе маленькихъ птичекъ, то оно было робкой прелюдіей къ гимну днѣ! Скоро широкой золотой лентой брызнуло съ востока сіяніе. Золотистый свѣтъ, въ видѣ опахала, появился на востокъ, лѣская своими переливающимися красками верхніе края облаковъ; ихъ легкія очертанія окрасились розовымъ и золотымъ цвѣтомъ.

Все воздушное пространство нарядилось въ праздничныя одежды, чтобы привѣтствовать восходъ солнца. Далекія облака загорѣлись свѣтомъ и напоминали Альпы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ; колеблющіеся туманъ окрасился нѣжно-розовымъ свѣтомъ, а изъ пурпуроваго ложа лучезарнаго небеса свѣтила сыпались во всѣ стороны снопы свѣта и окрашивали самыя высокія тучи блестящей золотой каймой.

Звучи оркестра возрастали и въ нѣжные, укачивающіе переливы гармоніи уже вторгались бурные аккорды. Внезапно, когда растроганная душа уловляетъ какъ во снѣ подвпечатлѣніемъ этой божественной пѣсни ~~всего~~ органа, звучащаго всеми своими струнами, звуки пробуждающейся жизни нарушаютъ эту дивную мелодію. Горизонтъ сразу раздвигается, и очагъ свѣта и теплоты величественно поднимается, проливая въ пространство волны плодородія и жизни. Торжественныя и радостныя аккорды дивной священной мелодіи лились въ пространство. Богъ свѣта появлялся; его необъятный дискъ пламенѣлъ между раздвинувшимися на востокъ пурпурными драпировками.

Одинъ ослѣпительный лучъ приблизился къ аэростату и во всей атмосферѣ распространились фантастическія чары небеснаго величія. Все возродилось, все зажглось, все ожило и все

нѣло. На огненномъ ложѣ появилось величественное солнце; горы озарились, долины проснулись. Вотъ, наконецъ, свѣтъ, вотъ проявленіе жизни, вотъ и донь! Чудесное мгновеніе, когда вся природа казалась воскресшей, величественное зрѣлище, когда восхитенная душа жила двойной жизнью и наслаждалась двойнымъ счастьемъ, созерцая въ гордомъ удовлетвореніи обширныя пространства земного царства, которое теперь все трепетало и озарялось плодотворнымъ свѣтомъ дневного свѣтила.

По мѣрѣ того, какъ солнце медленно вышлывало изъ-за противоположнаго полушарія, нашъ аэростатъ, въ свою очередь, поднимался все выше въ пространство. Онъ достигъ 2.300 метровъ высоты въ тотъ моментъ, когда лучезарное свѣтило, освобожденное отъ нижнихъ облаковъ, поплыло въ небѣ.

Затѣмъ послѣдовалъ какъ бы вторичный восходъ солнца. Солнце, спрятанное длинными волокнистыми облаками, было незамѣтно и можно было подумать, что оно еще не появилось на нашемъ полушаріи, когда оно показалось снова на горизонтѣ, но не ярко краснымъ, какъ въ первый разъ, но бѣло-розовымъ; это Рейнъ отражалъ его плѣнительный образъ.

Прежде чѣмъ мы долетѣли до Эхъ-ла-Шапель, можно было различить невооруженнымъ глазомъ городъ Кельнъ, йли, скорѣе, его соборъ, эту гигантскую базилику, сѣнажавшуюся черной массой на серебряной лентѣ Рейна.

Мы находились на разстояніи 2.400 метровъ надъ землей и проплывали надъ долиной облаковъ, когда до насъ ^{вѣтъ} ^и ^и ^и уха доносились звуки Angelus.

Было такъ отрадно слышать звонъ колоколовъ, находясь въ небесахъ; но не послѣдъ. еще мы вкусить его сладость, какъ его заглушили пушечные выстрѣлы, раздававшіеся черезъ каждую минуту въ теченіе долгѣго времени. Голосъ этого милого орудія цивилизаціи и прогресса возрасталъ въ облакахъ и разносился по воздушнымъ долинамъ. Но на нашемъ возвращеніи мы узнали, что это упражнялась „артиллерія“ Гильгейма для будущей войны... Мы не сомнѣвались, что война эта должна была быть! Свѣтъ на небѣ; мракъ на землѣ!

СТОЛКНОВЕНІЕ РЪЧНОГО И МОРСКОГО ПРИЛИВОВЪ.

Полная луна, какъ огромный сверкающій шаръ, блистала на небѣ, ея блѣдный ликъ, казалось, смотрѣлъ на землю съ небесною ясностью. Ея серебристые лучи скользили по зеркалу

воды безстрастной Сены, дробясь въ каждой маленькой волнѣ. На берегу рѣки спалъ древній и живописный городокъ Гудебокъ вокругъ господствующей надъ нимъ старой готической колокольни; лишь легкій, какъ вздохъ, вѣтерокъ шуршалъ въ каштанахъ, вязахъ и вѣковыхъ липахъ, растущихъ на берегу рѣки. Окруженный спокойствіемъ и тишиной, созерцатель чувствуетъ себя перенесеннымъ на пустынные берега загоряшагося гдѣ-нибудь среди полей озера. Теченіе Сены въ своемъ устьѣ, можетъ-быть, единственное въ свѣтѣ по своей оригинальности. Она извиастся въ видѣ змѣи, побрежно раскинувшейся и застывшей въ своихъ изгибахъ. Отъ Руана до Гавра по прямому направленію всего только семьдесятъ километровъ, тогда какъ своимъ излучинами рѣка описываетъ болѣе ста двадцати километровъ со склономъ только въ 5 м. 74. Это поистинѣ озеро, въ которомъ берега, расходясь мало-по-малу одинъ отъ другого, достигаютъ въ устьѣ рѣки ширины эстуарія.

Лунный свѣтъ все усиливался, тѣни все болѣе сгущались, стѣны казались болѣе высокими и деревья болѣе черными. Мы шли въ молчаніи по берегу рѣки, широкая поверхность которой замерла у нашихъ ногъ; рощицы, слугаты нормандскихъ домиковъ съ полукруглыми балконами, черпый шпиль церкви напоминали намъ о присутствіи здѣсь человѣка и доказывали намъ, что мы принадлежимъ еще землѣ; но наши мысли плыли по волнамъ, летали между небомъ и землею, спускались, какъ въ сновидѣніи, къ морю, къ безпредѣльному горизонту, гдѣ сливались небо и земля.

Таинственный свѣтъ луны былъ еще очень яркъ. Если бы мѣръ освѣщался исключительно свѣтомъ, подобнымъ лунному свѣту, его нельзя было бы назвать царствомъ ночи. Можетъ-быть, онъ былъ бы болѣе умѣреннымъ, менѣе грубымъ, болѣе тонкимъ, чѣмъ нашъ. Полутона и оттѣнки замѣнили бы мѣсто рѣзкихъ контрастовъ; глазъ схватывалъ бы сильнѣе, ухо слѣдалось бы болѣе нѣжнымъ и болѣе воспримчивымъ, вся нервная система болѣе впечатлительной; тысячи неопределенныхъ оттѣнковъ, которые ускользаютъ отъ насъ, теперь образовали бы основу нашихъ впечатлѣній, нашихъ идей, двойкой жизни, физической и моральной, матеріальной и интеллектуальной, которыя составляютъ сущность человѣческаго бытія. И кто знаетъ? Чувства, которыхъ намъ не хватаетъ, можетъ-быть, рождаются на мірахъ, освѣщаемыхъ блѣдными солнцами,—мірахъ, освобожденныхъ отъ такихъ контрастовъ, которые заставляютъ насъ по очереди переживать то палящій зной, то холодъ сибирскихъ зимъ, то ослѣпительный свѣтъ солнца, то глубокую ночь, то посылаютъ намъ бури съ ужас-

ными громами, то штормы и наводненія, то вулканы и землетрясенія. На этихъ мірахъ, на которыхъ не можетъ быть мѣста рѣзкимъ и грубымъ впечатлѣніямъ, должны жить существа ибжныя и чувствительныя, приближающіяся болѣе или менѣе къ полному совершенству.

Если свѣтъ луны удваиваетъ силу тѣни, тишина ночи развиваетъ особенно способность слышать. Кто изъ насъ не замѣчалъ, какъ въ этой всеобщей сосредоточенности вещей два близкихъ существа понимаютъ другъ друга безъ словъ, даже безъ шопота? Не кажется ли вамъ, что не слыша болѣе дневного шума и развлеченій, сердца бьются дружице въ унисонъ, и достаточно легкаго прикосновенія руки, чтобы вызвать электрическую искру внезапнаго и глубокаго волненія? Свѣтъ дневного величественнаго небснаго свѣтила всюду проникаетъ и все оплодотворяетъ; но самыя задушевные струны человѣческой лиры звучатъ болѣе сильно въ гармонической тишинѣ ночи. Астрономъ можетъ жалѣть о томъ, что жители Венеры лишены этой спокойной и меланхолической красоты луннаго свѣта, потому что она не имѣетъ ни одного спутника.

* * *

Лунной ночью чувствуется сильнѣе то притяженіе, которое во всей природѣ управляетъ мірами и существами, атомами и душами. Въдъ пространство есть не что иное, какъ ночь. Ночью звѣзды блуждаютъ, ища другъ друга, во взаимномъ тяготѣніи, которымъ опредѣляется ихъ судьба. День господствуетъ на освѣщенной половинѣ поверхности земли; пространство невидимо: оно пропускаетъ черезъ себя солнечный свѣтъ и остается чернымъ, темнымъ и прозрачнымъ въ полдень, какъ и въ полночь. Земля не можетъ видѣть Юпитера, скользящаго въ небесахъ на разстояніи 155 милліоновъ миль отъ нея; все-таки она его чувствуетъ, она его угадываетъ, и когда онъ проходитъ даже на такомъ огромномъ разстояніи, она испытываетъ его притяженіе и вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямо своей орбитѣ, которую она должна описать вокругъ солнца, она отклоняется, несмотря на свою огромную массу, отъ своего пути.

Отклоненіе это достигаетъ 2 м. 10 во время наибольшаго приближенія Юпитера и земли. Магнитная стрѣлка, заключенная въ обсервационный подвѣздъ, не видитъ полка солдатъ, который проходитъ по сосѣднему бульвару, и все-таки она колеблется, волнуется отъ притяженія и шлоковъ и качается безъ отдыха, откуда причина, вызвавшая это явленіе, исчезаетъ. Молнія не видитъ ключа, лежащаго въ карманѣ мирнаго жителя сосѣдняго

дома, спокойно сидящаго въ своемъ креслѣ; однако налетаетъ бури, молніи сверкаютъ и пожираютъ именно свою жертву, разрывая на ней ея одежды. Море не видитъ луны, парящей въ небесахъ, но оно ее чувствуетъ, его воды ищутъ ее, влекутся и поднимаются къ ней, и съ луною грозный морской приливъ обходитъ весь міръ.

Зрѣлище большихъ приливовъ, въ особенности въ то время, когда солнце и луна соединяются для того, чтобы поднять воды на одинъ и тотъ же діаметръ земного шара, въ высшей степени характерно и даетъ намъ понятіе о величинѣ и могуществѣ притяженія. Такъ, въ этотъ моментъ, на примѣръ, полнолуіе притягиваетъ воды этой стороны земного шара; и все море поднимается къ небу могущественной невидимой рукой. Но не только одно море возбуждено, но и вся земля возбуждена до такой степени, что въ этотъ моментъ на другой сторонѣ земного шара океанъ по ту сторону этого перемѣщенія земли къ лунѣ производитъ у нашихъ антиподовъ точно такой же симметричный этому приливъ. Къ этому прибавляется еще вліяніе солнца. Равновѣсіе такъ чувствительно, что самые легкіе отбѣнки измѣняютъ гармонию. Далекое отъ того, чтобы быть тяжелымъ и грубымъ, это творчество, такъ сказать, не вещественно.

Столкновенія рѣчного и морского приливовъ бываютъ во время каждаго морского прилива въ полнолуіе и новолуіе, но въ особенности въ приливы во время равноденствія, при чемъ происходитъ такое странное и парадоксальное явленіе, когда Сена стремительно возвращается назадъ въ свое русло. прослѣдуемая морскими волнами. Это явленіе представляетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ, которое только можно видѣть и которое отличается однимъ только недостаткомъ, а именно, что оно происходитъ у самыхъ воротъ Париза. Это такъ близко, что никто его не смотритъ и не найдетъся одного француза на тысячу, который бы наблюдалъ его. Если бы это было въ Швейцаріи, Италіи, на Рейнѣ или въ Дави, то все пріѣзжали бы, чтобы наблюдать это зрѣлище.

* * *

Это зрѣлище поистинѣ восхитительно и въ особенности для того, кто можетъ его понять. Въ ночной тишинѣ, когда все залито, какъ свѣтлой росой, луннымъ свѣтомъ, раздается сначала неясный шумъ, какъ ропотъ вѣтра, какъ шорохъ листвы. Этотъ зловѣщій шумъ, предвѣстникъ наводненія, можно легко отличить отъ обыкновеннаго рокота волнъ. Однако Сена течетъ у нашихъ ногъ спокойно, безмятежно, мирно, молча-

ливо. Шумъ увеличивается, и внизу мы начинаемъ различать гребешки волнъ приливающего моря. Да, оно ужъ приближается. Волны въ видѣ лошадей съ бѣлыми гривами, освѣщенные луной, прыгаютъ издалека, подсакиваются и исчезаютъ. Вотъ онѣ приближаются... Шумъ увеличивается и превращается въ ревъ. Появляется стѣна воды, высокая, зыбкая, волнующаяся, подвигающаяся со скоростью лошади, скачущей въ галопъ. Часть волнъ прыгаетъ на противоположный берегъ и кажется, что вся эта водяная полоса бросается на прибрежныя поля; затѣмъ стѣна снова образуется во всю ширину рѣки и кажется длинной черной бороздой. Какой потокъ, какая лавина! Это уже море! Сена убѣжала, исчезла; пришло море на ея мѣсто, и волновалось теперь у нашихъ ногъ своими огромными и разъяренными валами. Оно прошло какъ потокъ, все время прыгающій безостановочно впередъ, преслѣдуя воды рѣки, какъ эскадронъ кавалеріи преслѣдуетъ бѣглецовъ.

Это величественное столкновеніе приливовъ въ ночной тишинѣ, при холодномъ свѣтѣ луны, безучастной къ тому, что она сама же и вызвала, при дневномъ свѣтѣ кажется менѣе таинственнымъ, но зато болѣе живымъ. Днемъ всѣ многочисленные подробности лучше различаются и при яркомъ свѣтѣ обнаруживаются какъ бы въ рамкѣ прелестной картины во всей ихъ красотѣ и движеніи. Брызжущій водою валь кажется вращающимся черезъ рѣку, въ видѣ гигантской змѣи, а сзади нея бѣгутъ волны, предвѣстники большого морского прилива. Всѣ препятствія, встрѣчающіяся на его пути, разъяряютъ и усиливаютъ его прыжокъ. Онъ кидается на береговныя скалы, мосты, плотины и слѣпо стремится къ невѣдомой цѣли. Горе той лодкѣ, которая рѣшится переѣхать въ это время рѣку. Станетъ еще менѣе однимъ путешественникомъ, заплатившимъ своею жизнью за мигъ безразсудства. У всѣхъ еще въ памяти трагическій конецъ дочери Виктора Гюго и ея юнаго мужа, Шарля Вакери. 4 сентября 1843 года.

Это столкновеніе приливовъ сильно измѣняетъ русло рѣки; ея теченіе направляется очень часто по тому пути, который никто не могъ бы ожидать. Эта восхитительная песчаная отмель, по очереди напоенная ароматами вѣтровъ то берегового, то морского, покрывается безчисленными останками и трупами. Кораблекрушеніе въ этомъ мѣстѣ случается гораздо чаще, чѣмъ въ соединеніи съ нимъ морѣ. Сколько воспоминаній погребено на кладбищѣ Вилдекеръ!

Но валы проплываютъ мимо насъ съ ужасающей скоростью. Въ одинъ мигъ рѣка смѣнилась моремъ. Созердателя поражаетъ это внезапное превращеніе, которое совершается передъ

его глазами, и шумъ этихъ глубокихъ водъ; воспоминается по этому поводу правдивое впечатлѣніе, испытанное пастухомъ Виргилія: *Stabat, etingento motu stupefactis aquarum!*

Это грандіозное явленіе совершается морскимъ приливомъ, которое наполняютъ всю ширину устья Сены, дно которой постепенно поднимается, а берега суживаются. Явственно, что волны сильнѣй тамъ, гдѣ глубже вода. Первые валы морского прилива, образующіеся въ менѣе глубокихъ водахъ, менѣе бурны; тѣ, которые идутъ за ними, толкаютъ ихъ, овладѣваютъ ими, перегоняютъ ихъ и т. д. *). Широкая Сена течетъ спокойно, непримѣтно, океанъ возвращаетъ ее назадъ и идетъ противъ ея теченія. Она борется, сопротивляется и, какъ бы сраженная, сдается, скользитъ во всю длину своихъ береговъ и отмелей, ища мѣсто, гдѣ бы ей скрыться; но неумолимый океанъ поднимается стѣной и надвигается. Въ самонадѣянности она долго еще колеблется и измѣняетъ свое теченіе. Она какъ бы вопрошаетъ себя: „Не управляютъ ли иногда нами неизвѣстные законы, высшія силы?.. Однако рѣки не текутъ къ своимъ верховьямъ. Не есть ли ея назначеніе и ея цѣль вливать свои воды въ океанъ и соединять ихъ съ его волнами, исчезать и умирать въ немъ? Почему же сегодня онъ отталкиваетъ ее отъ себя? Нѣтъ, это невозможно: это не что иное, какъ буря“. Но у устья море заперто; плотная, непроницаемая и недоступная стѣна начинать двигаться, подталкиваемая морскимъ приливомъ. Она идетъ, поднимается, и всѣ соединенныя воды рѣки не могутъ перейти черезъ нее. По мѣрѣ того, какъ стѣна эта подвигается, все возвышаясь, она становится все сильнѣй и энергичнѣй. Приливъ еще увеличивается. Волна дѣлается болѣе плотной, возбужденная послѣдними сопротивленіями Сены, которая все еще течетъ внизъ. Тогда, какъ бы въ нѣстеровомъ бѣшенствѣ, океанъ схватываетъ рѣку цѣликомъ и свирѣпо и съ силою гонитъ ее назадъ, безъ отдыха и милосердія, къ ея источникамъ со скоростью двадцати пяти километровъ въ часъ и на протяженіи пятидесяти километровъ. Спустя два часа, рѣка возвращается назадъ, послышался, спокойная, забывшая о прошломъ и снова ввергается въ необъятную бездну океана. Но въ каждый приливъ два раза въ день повторяется это явленіе. Во время слабыхъ морскихъ приливовъ оно мало замѣтно. Въ дни же сильныхъ приливовъ,

*) Средній объемъ воды моря, идущей противъ теченія, имѣетъ въ окружности тридцать милліоновъ кубическихъ метровъ, средний объемъ воды спокойно спускающихся, нисходящихъ водъ въ двадцать милліоновъ кубическихъ метровъ. Разница между этими двумя объемами возростае съ силой приливовъ.

оно является такимъ, какимъ мы его только что описали. Когда вѣтеръ принятствуетъ ему, оно дѣлается еще грознѣе.

* * *

Сена, смѣнившаяся моремъ, еще волновалась и беспокоилась, когда прозвучали съ старой колокольни двѣнадцать ударовъ полночи. Мы слѣдили за берегами издалека, бесѣдуя объ этомъ таинственномъ лунномъ притяженіи, которое такъ вліяетъ на нашъ міръ, и объ общей гармоніи небесныхъ движеній, которая управляетъ великой вселенной. Кто знаетъ, думали мы, можетъ-быть, внѣ шума, исходящаго отсюда, снизу, тяготеііе всѣхъ сферъ въ пространствѣ производить простую и величественную мелодію съ различными модуляціями. Этотъ шумъ возбужденной рѣки, свидѣтелями котораго мы только что были, не является ли отголоскомъ все той же гармоніи; причиной столкновенія водъ является не что иное, какъ притяженіе, которое заставляетъ течь въ рѣкахъ воду и которое поднимаетъ морскіе приливы. И мы спрашиваемъ себя, въ человѣчествѣ, какъ и въ природѣ, въ теченіе жизни, какъ въ океанѣ вѣковъ, не господствуетъ ли надъ всѣмъ одинъ высшій законъ—*притяженіе*.

БОЛЬШІЕ ПРИЛИВЫ.

У Монъ-Сень-Мишель.

Тотъ, кто еще сомнѣвается въ притягательной силѣ, оказываемой луною на поверхность земли, тотъ, вѣроятно, не присутствовалъ при грандіозныхъ движеніяхъ моря, послушнаго и покорнаго законамъ, управляющимъ вселенной, и никогда не имѣлъ передъ своими глазами зрѣлища такого краснорѣчиваго, такого великолѣпнаго, какъ наводненіе въ день сильнаго прилива во время равноденствія въ бухтѣ Монъ-Сень-Мишель. Нигдѣ природа не дастъ лучшаго урока; никогда еще физическій опытъ не производился въ такомъ широкомъ масштабѣ.

Представьте себѣ чудесный островъ посреди громадной песчаной равнины, кажущейся безграничной. Куда ни помотришь, какъ въ сторону земли, такъ и въ сторону моря, кругомъ все пески и пески да песчаные берега; ни одинъ оазисъ, ни одна ферма, ни одинъ клочокъ поля, покрытаго цвѣтами, не смягчаютъ, какъ бы улыбкой, суровой и молчаливой пустыни.

Сидя на скалахъ, озолоченныхъ заходящимъ солнцемъ или стоя на оградахъ древней крѣпости, путешественники, странники, созерцатели, артисты, разбѣянные группами, ожидаютъ появленія моря. Далеко на сѣверномъ горизонтѣ видѣется море; свѣжіе слѣды его можно было найти въ озерахъ, образовавшихся на песчаныхъ отмеляхъ послѣдними стекающими внизъ водами. Только десять часовъ назадъ вся огромная равнина была наводнена ревущими волнами разгнѣваннаго моря. Въ настоящую минуту слабый приливъ оставилъ всю эту равнину открытой, и рыбаки или любопытные могутъ переходить черезъ нее по всѣмъ направлениямъ.

* * *

Въ это утро морской приливъ достигъ наибольшей силы въ семь часовъ. Такъ какъ луна отстаётъ отъ солнца на три четверти часа въ день, то море достигаетъ своей наибольшей высоты въ семь часовъ двадцать три минуты. Перерывъ въ двѣнадцать часовъ двадцать три минуты, который раздѣляетъ два полныхъ моря, повидимому, долженъ бы распредѣляться равномерно между движеніями прилива и отлива, и поэтому полный отливъ моря долженъ былъ наступить сегодня въ часъ и двѣнадцать минутъ. А между тѣмъ въ два и въ три часа вода продолжала еще сбывать. Было уже четыре часа, а приливъ еще не начинался.

Въ пять часовъ картина была та же: рѣка Кузонъ, раздѣляющая съ незапамятныхъ временъ Нормандію отъ Бретани, спокойно текла къ далекому еще морю.

Между тѣмъ неясный шумъ уже наполняетъ весь просторъ, сначала просто какъ шелестъ листьевъ, легкій, перемежающийся, волнующийся вмѣстѣ съ вѣтеркомъ. Прислушиваясь болѣе внимательно, замѣчаешь, что шумъ этотъ постояненъ и убѣждаешься, что это сигналъ, предвѣщающій наводненіе. Горе рыбаку, горе путешественнику, которые остаются неосторожно на одномъ изъ этихъ песчаныхъ островковъ, уже высушенныхъ солнцемъ. Еще однимъ болѣе, заплатившимъ своею жизнью за неосторожность, благодаря которой его постигло всепоглощающее море.

Появляется волна, шумъ моря становится все сильнѣе, слышно, какъ сталкиваются между собою волны и спорятъ другъ съ другомъ валы.

На горизонтѣ, по направленію къ сѣверу, замѣчается бѣлая линія, которая извивается какъ змѣя. Эта бѣлая линія разсѣдиняется, перерѣзается, собирается опять и опять разсѣдиняется. Вотъ и другая на западѣ, которая, кажется, при-

ближается къ намъ. А какой шумъ, какая масса воды всюду, куда ни посмотришь. Куда спастись, куда бѣжать, если бы мы были тамъ, на этихъ островкахъ. Водяная полоса появляется въ видѣ текущей, но грозной стѣны, а за этой стѣной идетъ уже океанъ и толкаетъ ее. Теперь мы понимаемъ явление, потому что мы замѣчаемъ на огромномъ пространствѣ широкую жидкую равнину. Это уже больше не бѣлая линия, это ужъ не стѣна, но потокъ, это необъятное море отсвѣчивающее, текущее въ видѣ озера ртути, спокойное, тихое, вѣжливое, но сильное, могущественное и непреодолимое.

Бушующій и порывистый, капризный юго-западный вѣтеръ дулъ въ это утро съ земли: онъ какъ бы сражался съ волнами, задерживая ихъ движенія, препятствуя ихъ напору. Что можетъ быть легче, вѣжливѣе неуловимѣе вѣтра. Что можетъ быть болѣе мягкимъ, струннымъ, измѣчивымъ и кратковременнымъ, чѣмъ волна? И что же? Ни огонь, ни песокъ, ни желѣзо, ни мѣдь, ни вулканъ, ни громъ, соединившіе все вмѣстѣ, не достигали бы того результата, какого достигаетъ соперничество вѣтра съ моремъ. Подъятые штормомъ, возбужденные сопротивленіемъ, волны быстро разливаются въ ширину, громоздятся другъ на друга, сталкиваются между собою, разъяренныя, растерявшіяся, сумасшедшія отъ гнѣва, онѣ ударяются объ утесы и отирыгиваютъ назадъ, бросаются на валы, бастионы, и башни Монъ-Сень-Мишель все охвачены морскимъ ураганомъ.

Ни одна лодка не можетъ удержаться въ морѣ. Недалеко отсюда, около вала Сень-Мало, запоздавшая возвращеніемъ рыбацкая лодка была брошена на подводный рифъ, гдѣ покоится прахъ Шатобриана, и двое матросовъ, бывшихъ въ лодкѣ, утонули. Вечеромъ дулъ легкой вѣтерокъ, и успокоившееся море приближалось, напоминая собою жидкую ртуть, отражающую вѣжливый свѣтъ неба и переливающуюся розовыми и красными отблесками, окаймленными серебромъ. Но волна была не менѣе могущественна; она вернула къ истоку рѣку Кузисонъ, которая спокойно спускалась по склону песчаного берега. Волны надвигались неутомимо со всехъ сторонъ. Песчаная коса въ 250 квадратныхъ километровъ въ это время была еще не залита водой. Волна приближается со скоростью лошади, скачущей въ галопъ. Было шесть часовъ, и заходящее солнце окрасило багрянцемъ. Въ теченіе часа море достигнетъ уровня отмели, а въ восемь часовъ обширная пустыня покрывается водой на уровнѣ 10 метровъ глубины.

Постепенно морская вода приближается; увѣренная въ своей силѣ, она возвращаетъ воды рѣки, а далѣе разли-

нается въ видѣ маслянаго пятна по вѣсѣмъ низкимъ мѣстамъ морскаго побережья. Пока она еще только въ футъ глубины. Но вотъ и вторая масса. Она насккиваетъ на первую, толкаетъ ее, устрояя всякое смятеніе и безпорядокъ, всякое замедленіе въ повиновеніи вѣчнымъ законамъ природы. Третья приближается съ такой же скоростью и уже не возвращается назадъ. Онѣ насккиваютъ и толкаютъ другъ друга со всѣхъ сторонъ, и мѣняющій свои очертанія берегъ затопляется и исчезаетъ подъ водой; скоро (менѣе чѣмъ черезъ часъ) зыбкое море разливается по огромной отмели, окружая со всѣхъ сторонъ чудный островъ, поднимающійся среди волнъ на сто пятьдесятъ метровъ и калущійся гранитнымъ дворцомъ, вышеченнымъ титаномъ.

Это явленіе значительно отличается отъ такого же явленія въ дни бурныхъ столкновеній приливовъ, которые наблюдаются во время равноденствія въ Годбекѣ и въ Веллькѣ и которые, въ свою очередь, не менѣе фантастичны. Тамъ рѣка Сена стремительно возвращается къ своимъ верховьямъ въ видѣ несметной арміи бѣлыхъ лошадей, скачущихъ тѣсными рядами съ развѣвающимися отъ вѣтра гривами и съ такой свирѣпостью, что опрокидываютъ все на своемъ пути. Въ Монъ-Сенъ-Мишель, напротивъ, наводненіе моря, происходящее на широкой площади, менѣе шумливо, менѣе поразительно и менѣе грозно; но, несмотря на это, оно въ дѣйствительности болѣе сильно, болѣе необъятно, болѣе неумолимо и даетъ впечатлѣніе еще болѣе ужаснаго могущества *).

* * *

Гранитный островъ Монъ-Сенъ-Мишель увѣнчивается великолѣпнымъ и очаровательнымъ аббатствомъ, которое извѣстно всему міру и является единственнымъ въ своемъ родѣ на всей нашей планетѣ. Расположенное среди огромной отмели, надъ которой оно господствуетъ, это аббатство представляетъ изъ себя достопримѣчательность, не имѣющую себѣ подобной, какъ природную, такъ и историческую, для наблюдателя, артиста, натуралиста, ученаго и поэта. Въ теченіе многихъ вѣковъ это аббатство было предметомъ изумленія всѣхъ, кто его видѣлъ. Но, очевидно, для средняго умственнаго уровня земнаго чело-вѣка и въ особенности для эстетическаго чувства французовъ

*) Песчаная отмели Монъ-Сенъ-Мишель занимаютъ не менѣе 25.300 метровъ, которые, открытые при низкомъ уровнѣ воды, затопляются въ дни большихъ приливовъ на 14, 12, 10, 8, 6 метровъ, смотря по степени, въ среднемъ имѣя 10 метровъ, т.-е. два милліарда пятьсотъ тридцать милліоновъ кубическихъ м. воды! Цѣлое море.

XIX вѣка оно слишкомъ долго существовало, чтобы не потерять своей цѣнности. Теперь признали бесполезными отмели Монъ-Сенъ-Мишель. Правительство не только не препятствуетъ этому, но само построило красивую плотину, которая соединяетъ теперь островъ съ сушей и мѣшаетъ въ дни большихъ приливовъ волнамъ окружать, какъ прежде, ограды древняго феодальнаго замка Монъ-Сенъ-Мишель.

Островъ превратился въ полуостровъ. Плотина начинается съ берега Понторсона-Моадре и примыкаетъ къ самому валу. Другая плотина начата по направленію къ Авраншъ. Надѣются завоевать у моря нѣсколько сотенъ гектаровъ земли и отдать ихъ подъ культуру. Если это удастся, то XX вѣкъ, который приближается быстрыми шагами, увидитъ исчезновеніе острова Монъ-Сенъ-Мишель, который на юго-востокъ превратится въ очень пастбища, поля съ различными посѣвами, и, можетъ-быть, даже тамъ выстроятся приносящіе доходъ заводы и красивые деревенскіе домики. Несомнѣнно, разрушать ограды мѣстечка для того, чтобы увеличить станцію; отчуждать старинные дома на очень узкой улицѣ древнихъ рыцарей и разсѣять тамъ бульваръ по образцу геометрически расположенныхъ аллей города Нью-Йорка. Когда разсуждаютъ, что такая древность, какъ Монъ-Сенъ-Мишель, не *приноситъ никакой пользы*, и что столько земли пропадаетъ бесполезно вокругъ нея, естественно рѣшаютъ, что „такъ не можетъ продолжаться далѣе“, и что уже давно пора превратить это не представляющее изъ себя никакой опредѣленной цѣнности мѣсто въ банковыя облигаціи и раздѣлить эти зыбкіе пески на участки, которые найдутъ себѣ много покупателей... Ахъ, если бы будущій приливъ однимъ хорошо направленнымъ ударомъ смелъ бы эту плотину и унесъ бы ее со всеми милліонами, которые наши депутаты слѣпо вотировали на ея постройку.

О чистая, блестящая луна, лучи которой скользятъ по серебристой равнинѣ, перерѣзанной этой черной линіей, ты должна чувствовать себя оскорбленной людьми, которые не понимаютъ ни неба ни земли. Ты можешь заслужить признательность страны, въ которой еще не умерло чувство красоты и вкуса: съ помощью своего притяженія сосредоточь свои усилія, о Діана, направь лукъ на эти песчаные берега, окруженнае нѣжнымъ зеркаломъ водъ, и пошли свои блестящія стрѣлы на защитниковъ этого моста ословъ; вздымайтесь, громады валовъ, и погребите таинственно инженеровъ въ своей горькой водѣ; вы, западные вѣтры, дуйте, нагромоздите валы, опрокиньте незаконную плотину и разлейте вокругъ небесной горы волнистое зеркало водъ, въ которомъ отражалось бы

одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ природы и одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ перловъ человѣческаго искусства *).

Монъ-Сеиъ-Мишоль въ большой приливъ въ сентябрѣ 1882 года.

КОМЕТА.

Еще недавно комета блуждала какъ сновидѣніе темной и холодной ночью по необъятному пою. Невидимая даже въ самые сильные телескопы, безъ свѣта и плотности, она была похожа на шаръ, сгустившійся подѣ дѣйствию притяженія въ безвоздушномъ пространствѣ. Но когда эта комета приблизилась на сотню милліоновъ миль къ нашему огненному солнцу, все ея существо было пронизано какъ бы электрической искрой, которая ее пробудила, зажгла неожиданнымъ пламенемъ и освѣтила фосфорическимъ свѣтомъ. Магнитная стрѣлка компаса дрожить, колеблется, теряетъ свое направленіе въ то время, когда на разстояніи 36.000.000 миль отсюда солнце находится подѣ толчками сильныхъ магнитныхъ бурь, которыя усыпаютъ его огромными пятнами или распространяютъ вокругъ него факелы въ 100.000.000 верстъ вышиною. Еще болѣе чувствительная и легко возбуждаемая комета зажглась послѣ того, какъ она попала подѣ исключительное притяженіе дневного свѣтила. Скользя по своей орбитѣ, которая приближаетъ ее къ центру, она летитъ къ далекому свѣтилу съ возрастающимъ пылкомъ, пожирая пространства и все увеличиваясь въ объемъ, и скоро, облеченная сама славой и свѣтомъ, видоизмѣненная сіяніемъ и величиюмъ, она бросается очертя голову въ пламя божественнаго Аполлона, который задѣваетъ иногда своими стрѣлами этихъ безразсудныхъ небесныхъ стрекозъ, но никогда не сжигаетъ ихъ, отпуская снова въ ихъ таинственномъ и неутомимомъ полетѣ, чтобъ онѣ посѣтили все новыя и новыя небеса.

* * *

Огромная комета, которая блещитъ по утрамъ надѣ нашими головами, предшествуя восходу солнца, какъ метеоръ-

*) Въ это время, когда мы печатали этотъ отрудъ, мы узнали, что министръ народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ получилъ разрѣшеніе разрушить плотину около ограды аббатства. Она будетъ слегка повернута. Это хорошо. Лучше было бы не доводить ее вовсе до скалы, а соединить со скалой огромной аркой моста, подѣ которой море могло бы протекать во время сильныхъ приливовъ.

предвѣстникъ, записана въ лѣтописяхъ науки, какъ одна изъ самыхъ блестящихъ и величественныхъ кометъ, которая когда-нибудь появлялась передъ удивленными глазами смертныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не знали природы этихъ явленій, не знали, что они не нарушаютъ порядка небесныхъ движеній и не оказываютъ непосредственнаго вліянія на дѣла подлуннаго человѣчества, — неожиданный и фантастическій видъ этого косога столба свѣта, медленно поднимающагося на востокъ въ видѣ таинственной руки, какъ бы угрожающей землѣ, долженъ былъ бы изумлять робкія души, не знающія дѣйствительности, и оставлять въ нихъ впечатлѣніе удивленія и ужаса.

Нынѣшняя комета такъ велика, что ей нужно болѣе часа, чтобы подняться всей, и хотя она бываетъ прямо надъ нашими головами, но занимаетъ мѣсто ближе къ горизонту. Она очень широка въ особенности при своемъ восходѣ, и покрываетъ совершенно линію Трехъ Королей въ четырёхугольникъ Оріона. При всемъ этомъ она такъ блестяща, что когда ея ядро поднимается на темномъ горизонтѣ, то кажется отдаленнымъ заревомъ пожара, въ которомъ освѣщенный столбъ дыма отгоняется сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Наблюдая эту комету, трудно избавиться отъ мысли, что такія звѣзды должны играть значительную, хотя и таинственную еще роль въ образованіи вселенной.

Эта комета была видима въ теченіе трехъ дней ровно въ полдень невооруженнымъ глазомъ около солнца, съ которымъ спорить въ ослѣпительномъ блескѣ! Эта небесная лабораторія должна быть слѣдствіемъ электрическихъ и теплородныхъ всеобщихъ пожаровъ, которыми наши самыя могущественныя реакціи, наши взрывы пороха и динамита, наши пупки, наши громы, наши землетрясенія и наши вулканы кажутся нѣжной улыбкой дитяти въ колыбели.

Но попробуемъ нарисовать по имѣющимся у насъ документамъ исторію этого рѣдкаго явленія.

Первое сообщеніе о немъ дошло до насъ отъ научнаго общества Фламмаріона въ Іени (Андалузія) 18 сентября въ 8 часовъ утра. Въ воскресенье жители Іени, Рюксъ, Монареспъ, идущіе къ обѣднѣ, были поражены появленіемъ кометы, ясно различаемой около солнца. То же наблюдалось и въ Шидѣ.

Эта комета была такъ ослѣпительна, что была ясно видна въ полдень и всего только въ трехъ градусахъ отъ солнца (на разстояніи, равномъ шесть разъ взятой ширинѣ ея диска). Этому явленію наши классическіе предки отказывались вѣ-

рять, хотя въ исторіи было нѣсколько такихъ же примѣровъ, случающихся, однако, рѣдко. Мы насчитываемъ только 10 кометъ, которыя были *видны* двумя наблюдателями, заслуживающими довѣрія. Вотъ эти достопримѣчательныя свѣтила: комета 43 года до Рождества Христова, принятая римлянами за душу Юлія Цезаря, умершаго незадолго порежь тѣмъ подъ ударами кинжаловъ Брута и Кассія; въ 70 году была видна комета при осадѣ Іерусалима; двѣ кометы въ 1402 году; кометы въ 1532, 1577, 1618 и 1744 годахъ и комета 1843 года, прошедшая такъ близко отъ солнца, что пересѣкла верхній край его огненного вѣнца съ непостижимой скоростью 550.000 метровъ въ секунду. 28 февраля 1843 года ея внезапное появленіе около солнца такъ изумило всѣхъ наблюдателей, какъ будто бы она предвѣщала послѣдніе дни. Нынѣшняя комета—десятая.

Мы узнали о ней съ тѣхъ поръ, когда она была замѣчена 1 сентября кораблями въ Гвинейскомъ заливѣ и на островахъ Ауклендъ. Съ 8 сентября она была замѣчена обсерваторіей въ Мельбурнѣ (Австралія), и 9 обсерваторіей мыса Доброй Надежды. Астрономы наблюдали ее до 6 апрѣля 1883 года, т.-е. въ теченіе болѣе 6 мѣсяцевъ.

Она появилась около солнца на западѣ и, обойдя кругомъ лучезарное свѣтило, ушла опять на западъ. 17 сентября въ 3 часа 46 минутъ ее видѣли какъ бы коснувшейся солнца (г. Фиплей на мысѣ Доброй Надежды). Она прошла между нами и солнцемъ; затѣмъ, сдѣлавъ кругъ около солнца и почти коснувшись его восточнаго полушарія, она быстро отскочила изъ сферы его огня и исчезла въ глубинѣ пространства. Комета спустилась изъ пространства, находящагося выше солнца. Въ первой части кривой линіи своего движенія она приближалась сразу къ солнцу и землѣ; во второй части она удалилась и отъ насъ и отъ солнца. 18 пере-мѣщеніе полосъ на ея спектрѣ къ красному концу указывало на то, что комета удалялась отъ земли съ громадной скоростью.

Но необыкновенно было то, что она должна была при проходѣ дѣйствительно коснуться солнца. Но она его не задѣла, потому что иначе она тамъ бы и осталась; она пересѣкла газообразную атмосферу, окружающую этотъ колоссальный шаръ, напоминающая происшествіе съ кометами 1843 и 1880 года. Ея атмосфера смѣшалась съ атмосферой центральнаго фокуса нашей системы; но, однако, ея ядро вышло невредимымъ и цѣлымъ изъ горнила, которое она пересѣкла съ фантастической скоростью 480.000 метровъ въ секунду.

Теплота, которой она должна была подвергнуться, была ужасная и невообразимая. Расплавленный чугуны казался бы глыбой льда въ нѣдрахъ этой кометы!

Наша огненная путешественница сдѣлала кругъ въ половину солнечнаго шара—не забудемъ, что этотъ шаръ имѣетъ болѣе одного милліона миль въ окружности—въ 2 часа 17 сентября.

Въ одинъ день (съ 4 часовъ утра 17-го до 18-го того же часа) ядро кометы пробѣжало не менѣе пяти милліоновъ миль, 18-го ея скорость достигла 2.200.000 миль въ день; 19-го эта скорость была въ 2.000.000; 20-го—въ 1.900.000; 24-го—въ 1.430.000; 4-го октября скорость была еще въ 1.060.000 миль въ день.

15-го комета удалялась уже на равномъ разстояніи какъ отъ солнца, такъ и отъ земли (97 милліоновъ миль) и лѣтѣла еще со скоростью въ 909.000 миль въ день.

Ядро кометы имѣла 860.000 километровъ. Что касается хвоста, то онъ простирался въ длину на 25.000.000 миль.

Со дня на день она удалялась отъ центральнаго фокуса, уменьшаясь и въ свѣтѣ и въ величинѣ. 6 апрѣля, въ день послѣдняго наблюденія надъ ней, она являлась въ видѣ блѣдной туманности, почти незамѣтной даже болѣе сильными телескопами. Ея разстояніе отъ солнца равнялось уже 140 милліонамъ миль. Она слѣдовала своему пути по ту сторону орбиты Нептуна въ недоступныя глубины пространства *).

* * *

Перелетъ кометы черезъ огни солнца имѣлъ прецеденты. Еще недавно—28 января 1880 года въ 11 часовъ утра—боль-

*) Эта комета появилась неожиданно, такъ какъ она не принадлежитъ къ классу известныхъ периодическихъ кометъ. Не знали, когда она должна появиться, и появились ли она вообще когда-нибудь. Между тѣмъ утверждали, что мы ее предсказывали. Можно видѣть въ самомъ дѣлѣ въ журналахъ за июль и августъ 1882 г. предсказаніе, что, „по вычисленію Фламмаріона, должна появиться въ сентябрѣ большая комета, встрѣтиться съ землею и вызвать явленія настолько же опасныя, насколько и неожиданныя“. Въ Южной Америкѣ и на Островѣ Соединеній предсказаніе вызвало тревогу и ожиданіе какого-нибудь переворота. После того, какъ насъ сдѣлали виновниками этого смятенія, мы поторопились объявить, что это предсказаніе неосновательно, и что астрономы не ждутъ никакой кометы въ сентябрѣ. Случай бывасть порою очень страшный! Только что появилось наше опроверженіе, появилась и комета и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ наши отрицанія, упорно приписывали намъ предсказаніе этой небесной путешественницы.

шая южная комета этого года приблизилась къ солнцу со страшной скоростью: она пересѣкла солнечную атмосферу и его водородные выступы, этотъ вѣнецъ славы, обнимающій на огромномъ разстояніи свѣтло дня, со скоростью въ 500.000 метровъ въ секунду. Уже 27 февраля 1843 года такая же удивительная комета—а можетъ-быть, это была та же самая—обошла половину солнца въ 2 часа и прошла тринадцать тысячъ миль, дѣлая по 550.000 метровъ въ секунду. Проникала черезъ огненную атмосферу, подвергаясь невообразимой силѣ теплоты (по меньшей мѣрѣ въ 30.000 разъ выше, чѣмъ испытываемъ мы подъ дѣйствіемъ солнца) и ни на минуту не замедляясь, вышла здоровой и невредимой и улетѣла въ пространство съ своимъ хвостомъ въ восемьдесятъ миллионъ миль длиною.

Подобное же событіе случилось съ огненной кометой 1680 г., наблюдавшейся Ньютономъ.

Солнце изливаетъ вокругъ себя вспышки раскаленнаго водорода въ 80 и 100 тысячъ миль высоты; вышеописанныя кометы пересѣкли это пламя, не сгорѣвъ въ немъ и не задержавшись ни огненной атмосферой ни ужаснымъ притяженіемъ этой солнечной массы, которая вѣситъ въ триста двадцать четыре тысячи разъ болѣе и въ миллионъ двѣсти шестьдесятъ девять разъ обширнѣе, чѣмъ земля. Теплота, которой должны были подвергнуться эти кометы, превышаетъ всякое представленіе.

Солнце было видимо съ кометы 1880 года подъ угломъ въ 88 градусовъ; діаметръ его долженъ былъ казаться, слѣдовательно, въ сто шестьдесятъ пять разъ больше, чѣмъ онъ кажется намъ; оно должно было горѣть въ небѣ кометы въ видѣ огромнаго диска, нижній край котораго былъ еще на горизонтѣ, а верхній край около зенита. Четыре дня спустя послѣ своего пролета огненная путешественница показалась 1 февраля въ виду земли, поражая астрономовъ Австраліи огромными лучами свѣта, которые она распространяла сквозь созвѣздія.—Комета 1843 года была видна 28 февраля днемъ невооруженнымъ глазомъ около солнца на слѣдующій день своего перелета по периферіи.—Комета 1880 года была также видна невооруженнымъ глазомъ рядомъ съ солнцемъ въ день своего пролета по периферіи, какъ это было описано нами выше.

* * *

Ахъ, эта бродячая жизнь кометъ не безопасна. Почти всѣ онѣ погибаютъ. Напримѣръ, огненная комета Визла, открытая

27 февраля 1826 года Визломъ и десять дней спустя независимо отъ послѣдняго Гомбартомъ, который нашель ся составныя элементы, появилась опять черезъ 6 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ точно въ тотъ срокъ, какой ей исчислили, и снова въ 1845 году.

За ней спокойно слѣдили въ телескопы съ 25 ноября 1845 года, и все шло благополучно, къ общему удовольствію. Однако 13 января 1846 года произошло неожиданное зрѣлище; звѣзда съ хвостомъ раскололась на двѣ части во всю длину и съ тѣхъ поръ ихъ видѣли путешествующими другъ около друга, какъ двѣ сестры-близнецы, въ видѣ двухъ полныхъ кометь, состоящихъ каждая изъ ядра и хвоста.

Затѣмъ онѣ медленно стали отдаляться другъ отъ друга, а 10 февраля между ними было уже разстояніе въ 60.000 миль. Но казалось, что онѣ разстались съ неохотою и въ теченіе многихъ дней между ними какъ бы былъ переброшенъ мостъ. Однако скоро мостъ исчезъ, и одна изъ нихъ потеряла свой хвостъ, уменьшаясь къ тому же довольно быстро въ своемъ блескѣ. А скоро и вся кометная чета мало-по-малу погрузилась въ безконечную ночь.

Что стало съ ними? Астрономы мысленно слѣдили за ними съ безпокойствомъ во время періода, когда онѣ были скрыты отъ ихъ глазъ; они вычисляли съ большою тщательностью тѣ отклоненія пути, которыя могли быть вызваны издали вѣроломными баронами небесныхъ владѣній и въ особенности могущественнымъ Юпитеромъ. Съ радостью увидали появленіе обѣихъ спустя шесть лѣтъ и девять мѣсяцевъ, въ 1852 году. Обѣ сестры въ это время были уже раздѣлены между собою разстояніемъ въ пятьсотъ тысячъ миль.

Съ тѣхъ поръ онѣ пропали. Онѣ должны были появиться въ 1859, 1866, 1872 и 1879 году, но никто ихъ больше не видѣлъ. Я ошибаюсь, 27-го ноября 1872 года посыпался съ неба настоящий ливень падающихъ звѣздъ: число ихъ достигало ста шестидесяти тысячъ. Онѣ падали въ видѣ огромныхъ хлопьевъ, въ видѣ огненныхъ полосъ въ теченіе цѣлой ночи. Я былъ въ это время въ Римѣ, гдѣ это событіе надѣлало столько шума, что самъ папа Пій IX живо заинтересовался имъ. Когда я пришелъ къ нему черезъ день, первыми словами его были: „А вы видѣли дождь Данаидъ. Я видѣлъ за нѣсколько дней передъ этимъ въ самомъ Римѣ очень граціозныхъ Данаидъ, нарисованныхъ великими художниками итальянской школы, нагими, и сначала удивился этому вопросу... Но папа подразумѣвалъ звѣздный дождь, который обрушился, по его мнѣнію, на Квиринальскаго Юпитера, Виктора-Эммануила, узурпатора его правъ

Каждому извѣстно по прекраснымъ трудамъ астронома или Милана Чанаролли, что цѣлыя рои падающихъ звѣздъ въ пространствѣ слѣдуютъ по эллиптическимъ орбитамъ въ тѣсной связи съ орбитами кометъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ описанный выше день земной шаръ поресѣкъ, какъ рой мухъ, этотъ падающiй дождь звѣздъ, образовавшiйся изъ распавшейся кометы. Хотя и существуетъ точка, гдѣ орбиты обонхъ свѣтилъ (кометы и земли) почти что пересѣкаются, но столкновение произошло бы только тогда, если бы оба свѣтила достигли этой точки одновременно. Падающiя звѣзды сымалились съ Андромеды. Нѣмецкiй астрономъ Клинкерфусъ, увѣренный, что слѣдя за паденiемъ метеоровъ на небѣ, можно паити какiе-нибудь остатки отъ кометы, отправилъ въ другое полушарiе земного шара, въ Мадрасъ, непонятную для телеграфистовъ телеграмму: „Бiзла коснулася земли; пиците ея около созвѣзди Центавра“. Астрономъ Мадраса Погсонъ тотчасъ же навелъ свой телескопъ на указанное мѣсто и нашель тамъ дѣйствительно блѣдную туманность кометнаго вида; но въ ту же ночь настала дурная погода, которая продолжалась нѣсколько дней, и помѣшала дальнѣйшимъ изслѣдованiямъ.

Раздѣленiе кометы на нѣсколько частей наблюдалось еще въ 1664, 1661, 1752, 1618 и 371 годахъ до Р. Х., но астрономы не вѣрили этому.

Какая тайна окружаетъ строенiе этихъ необыкновенныхъ звѣздъ. Эти блѣдныя туманности не имѣютъ замѣтной массы, никакой ощутительной плотности и похожи скорѣй на спектры чѣмъ на реальныя вещества. Анализируемая спектроскопомъ, онѣ показываютъ три свѣтлыя полосы, которыя соответствуютъ полосамъ углеводородныхъ соединенiй и указываютъ на присутствiе тамъ углерода, водорода и азота въ раскаленномъ видѣ. Многiя ядра кометъ состояли какъ бы изъ твердаго вещества, распавшагося на отдѣльные куски, погруженные въ центръ туманности и составляющiе голову кометы.

* * *

Часто себя спрашивашь, что бы случилось, если бы такая же огромная комета встрѣтила нашу планету въ точкѣ пересѣченiя ихъ небесныхъ движенiй въ пространствѣ.

Конечно, возможно, что произойдетъ подобный случай и что земля можетъ быть погружена на нѣсколько часовъ въ пары кометы, въ которыхъ, какъ показалъ спектральный анализъ, присутствуютъ, главнымъ образомъ, водородъ и углеродъ. Никто не можетъ предвидѣть тѣхъ физиологическихъ послѣдствiй

которыя произойдутъ отъ химическаго смѣшенія этихъ ядовитыхъ и горячихъ паровъ съ тою атмосферой, которой мы дышимъ. Уменьшеніе кислорода повлекло бы за собой тупое оцѣпенѣніе людскаго ума; мысли, дѣйствія, жесты сдѣлались бы медленны и слабы и происходили бы какъ въ летаргическомъ снѣ. Прекратились бы всѣ дѣла, исчезли бы всѣ эфемерныя политическіе расчеты, которые волнуютъ наши національныя муравейники, такъ же, какъ и финансовыя комбинаціи, которыя принимаются встревоженными муравьями нашей планеты съ серьезностью, достойной смѣха героевъ Гомера: повышение и пониженіе фондовъ, политическія стычки болѣе или менѣе искреннія, — все остановилось бы, застывшее отъ холоднаго ужаса передъ нашествіемъ кометы.

Уменьшеніе азота, напротивъ, вызвало бы прогрессивное увеличеніе кислорода, благодаря которому всѣмъ овладѣла бы радостная удовлетворенность, непреодолимое веселье и общенпряженное состояніе, которое должно было бы скоро смѣниться первичнымъ возбужденіемъ, развившимся, благодаря болѣе быстрому горѣнію крови въ легкихъ и артеріяхъ. Исчезли бы враги и жестокость. Всѣ сердца людей билась бы въ унисонъ, ускореннымъ темпомъ. Но, увы! все это было бы до тѣхъ поръ, пока кислородъ не проникъ бы самъ въ глубину мозга, и тогда всѣ народы, испытывая головокруженіе, бросились бы во всемірную оргію, чтобы испытать послѣднія удовольствія, за которыми должно послѣдовать окончательное истощеніе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, огненная мантия кометы будетъ саваномъ для человѣчества.

Вы находите, что пророчество полно слишкомъ дуриши предзнаменованіями? Я признаю также, что оно преувеличено, и ещѣ прибавить, что, по всему вѣроятію, встрѣча съ одной изъ этихъ „звѣздъ ужаса“, одинъ видъ которыхъ заставлялъ дрожать нашихъ отцовъ отъ страха, не приведетъ къ такимъ неприятымъ послѣдствіямъ. Вычисления сводятся къ тому доказательству, что самыя огромныя кометы, — нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 400 и 500.000 миль въ діаметръ, какъ, напримеръ, комета 1811 года, хвостъ которой былъ длиною въ срокъ четыре милліона миль, — не вѣсятъ почти что ничего, имѣютъ очень слабую плотность и не могутъ, конечно, проникнуть черезъ нашу атмосферу. Однако надо помнить, что онѣ проносятся съ страшной скоростью, а температура ихъ громадна, такъ какъ всѣ элементы находятся въ раскаленномъ добѣлѣ состояніи, и что многія ядра ихъ представляли изъ себя, соединенныя силой сцѣпленія, болиды и аэролиты, погруженныя въ горячій газъ.

Если встрѣча эта не будетъ гибельной, то, вѣроятно, она не будетъ и совершенно безвредной.

Въ томъ случаѣ, если этотъ фейерверкъ особаго рода не затронетъ земной жизни и позволить наблюдателямъ занести исторію этого явленія, онъ представитъ изъ себя все же весьма рѣдкою и величественное зрѣлище. Давно уже ожидается дѣйствительно встрѣча съ кометою.

Къ несчастію... эта встрѣча такъ повѣроятна, хотя возможно, что ни одинъ наблюдатель не можетъ надѣяться пережить этотъ прекрасный опытъ въ теченіе своей жизни.

* * *

Ахъ! если бы эта небесная путешественница могла разсказать намъ свою исторію. Если бы она могла намъ описать, въ какихъ небесныхъ областяхъ она побывала, какія переѣкла она бездны, какіе міры она встрѣтила, какія человѣчества привѣтствовали ее при пролетѣ, какія цивилизаціи царствуютъ на земляхъ неба, какіе умы тамъ мыслятъ, какія сердца бьются, какія радости и печали смѣняютъ другъ друга въ этихъ странахъ, столь отличныхъ отъ нашей! Если бы она могла намъ повѣдать, до какихъ поръ простирается необъятная вселенная, этотъ бездонный океанъ, въ которомъ земли не что иное, какъ капля; если бы она могла намъ повѣдать о томъ разнообразіи, которое ласкаетъ умственный взоръ, перелѣгающій отъ одной вселенной къ другой, и о томъ безконечномъ разнообразіи живыхъ существъ, которое должно быть въ этихъ небесныхъ поляхъ.

Она видала, какъ рождаются и умираютъ міры: здѣсь колыбели, тамъ могилы. Съ начала вѣчности, которая никогда не начиналась, солнца гаснутъ, а бытіе продолжается. Настанетъ день, когда потухшее солнце будетъ увлекать за собою въ необъятность только темныя планеты. Послѣдняя человѣческая семья уснетъ на замерзшихъ берегахъ послѣдняго экваторіальнаго моря, а земля съ этихъ поръ повернется и унесется безъ возврата въ „вѣчную ночь“, какъ памятникъ безъ эпитафіи; ни одинъ могильный камень не обозначитъ того мѣста въ пространствѣ, гдѣ бѣдная планета испустила свой послѣдній вздохъ... и отъ всѣхъ нашихъ пышныхъ и громкихъ исторій не останется ни отрывка, ни воспоминанія.

Можетъ-быть, комета будущихъ временъ, пролетая около земли, гдѣ жило столько людей, захватитъ съ собою какіе-нибудь обломки, какіе-нибудь остатки отъ нашего небеснаго крушенія и перенесетъ ихъ въ другія сферы. Ничто не погибаетъ, ничто не создается, все видоизмѣняется и все возобно-

вляется. Молекула угольной кислоты, выдыхаемая легкими, дупитъ умирающаго и даетъ возможность цвѣсти розѣ въ цвѣтникѣ; молекула кислорода, которая выдѣляется старымъ разрушающимся дубомъ, вселяется въ бѣлокурую головку рождающагося ребенка.

Земля—небесное свѣтило, какъ Венера и Юпитеръ; все мы граждане неба, сами того не зная, и если мы уснемъ на землѣ, то проснемся въ звѣздахъ.

* * *

Роль кометъ во вселенной еще загадочна. Онѣ кажутся исключеніями, нарушающими общую гармонію небеснаго движенія, какъ странная fuga въ хорошей мелодіи. Путешествуютъ ли онѣ отъ одной звѣзды къ другой, т.-е. отъ одного солнца къ другому, такъ какъ каждая звѣзда суть не что иное, какъ солнце, и вращаются ли онѣ въ различныхъ системахъ? Нѣкоторыя изъ нихъ, пересѣкая наши планетныя области, испытываютъ притяженіе могущественнаго Юпитера, Сатурна, Урана, которые строятъ имъ неизмѣнно невидимыя козни; онѣ перехватываются и отнынѣ навсегда приковываются къ нашей солнечной системѣ.

Каждая комета, которая свернула хоть одинъ разъ съ своей дороги подъ вліяніемъ притяженія, измѣняетъ совершенно свою судьбу; въ особенности это относится къ кометамъ, путешествующимъ въ междузвѣздномъ пространствѣ; послѣ посѣщенія солнца подобная маленькая туманность должна возвратиться въ ту самую точку, гдѣ она испытала наиболѣе сильное вліяніе, и съ этихъ поръ она двигается уже по замыкающейся кривой, слѣдуя эллипсу. Въ другомъ случаѣ она остается свободной и можетъ двигаться по параболамъ или гиперболомамъ, которыя уходятъ въ безконечность.

Вѣроятно, что вообще, кометы, которыя насъ навѣщаютъ, происходятъ изъ туманности, образовавшейся при началѣ солнечнаго міра изъ вышнихъ слоевъ первозданной туманности, путемъ сгущенія которой произошли солнце, земля и всѣ планеты. Мало-по-малу центральный фокусъ ихъ притягивалъ; онѣ порхали вокругъ него, какъ бабочки вокругъ огня. Громадное количество кометъ можетъ спускаться съ другихъ системъ и встрѣчаться съ нашей пловучей республикой въ нашемъ передвиженіи къ созвѣздіямъ Геркулеса. Все это заставляеть насъ думать, что существуютъ мѣстами разбѣившія по небеснымъ странамъ, плавающія по волнамъ зѳира, какія-то разрушенныя кометы, обломки отъ крушенія миллионнхъ міровъ, останки грандіозныхъ переворо-

товъ. Коплеръ полагаетъ, что въ небѣ существуетъ столько кометъ, сколько рыбъ въ океанѣ. Анализъ ихъ свѣта показываетъ обыкновенно сходство довольно неожиданное: спектръ, аналогичный спектру пламени алкоголя. Другое совпаденіе болѣе глубоко и болѣе значительно: присутствіе углерода, кислорода и азота въ этихъ небесныхъ лабораторіяхъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что жизнь именно и началась на нашей планетѣ благодаря химическимъ соединеніямъ углерода съ водородомъ, кислородомъ и азотомъ, образовавшимъ первыя белковые клѣточки.

Этимъ таинственнымъ изслѣдователями безконечности можетъ-быть, предназначено принять послѣдніе вздохи разрушенныхъ планетъ и разсѣвать жизнь на будущихъ мірахъ.

Но остановимся: крылья этихъ блѣдныхъ вѣстницъ настъ увесутъ къ звѣздамъ, изъ которыхъ самая близкая паритъ на восемь тысячъ милліардовъ миль отсюда. Путешествіе будетъ нѣсколько длинно: это уже есть и теперь; возвратимся на землю.

ОГНИ СОЛНЦА.

Непосредственныя впечатлѣнія, получаемыя нами отъ созерцанія зрѣлищъ природы, измѣняются, преобразовываются, а иногда и совершенно уничтожаются научнымъ анализомъ этихъ явленій. Но часто также случается, что прогрессивный ходъ открытій измѣняетъ, въ свою очередь, классическія теоріи и возвращаетъ умы къ прежнимъ впечатлѣніямъ, возобновляя ихъ и придавая имъ новую плоть и новую жизнь. То же самое случилось и съ солнцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ вѣкѣ только въ поэзіи и въ музыкѣ говорили объ огняхъ солнца. Подъ ними подразумѣвали какъ бы мнѳологическій ароматъ, который наполняетъ вѣка съ давнихъ поръ. Въ особенности послѣ работы Вильяма Гершеля, съ конца послѣдняго вѣка, дневное свѣтило, казалось, потеряло свои огни. Извѣстно, что, слѣдуя своимъ теологическимъ предположеніямъ, Вильямъ Гершель представлялъ солнце обитаемымъ и населеннымъ. Его шаръ, такой же обширный, какъ земля, считался имъ, Вильсономъ и ихъ современниками, окруженнымъ необъятной атмосферой, увѣнчанной вѣчнымъ куполомъ лучезарныхъ облаковъ. Астрономы первой половины нашего вѣка признавали эту теорію. Точно были замѣчены во время солнечныхъ затменій красныя выступы, окру-

жающіе луны, и лучезарныя облака того же свѣта, расположенныя какъ бы вокругъ центрального свѣтила. Но астрономы не приписывали ихъ солнцу. Нѣкоторые наиболѣе консервативные теоретники утверждали даже, что не только солнце но воспламенено, но что оно представляетъ изъ себя настоящую глыбу льда, и лучезарная теплота, которую мы отъ него получаемъ, есть не что иное, какъ явленіе чисто субъективное.

Но теперь огни солнца воскресаютъ, чтобы никогда уже больше не погаснуть. Это названіе огней солнца гораздо лучше объясняетъ природу этихъ явленій, чѣмъ названія, употребляемая теперь: выступы, протубераціи, взрывы или облака, — такъ какъ оно, при непостоянности этихъ явленій, отвѣчаетъ лучше ихъ воздушнымъ формамъ, испареніямъ и замѣтнымъ измѣненіямъ ихъ мерцацій, теплородному состоянію солнечной атмосферы, въ недрахъ которой выдѣляется и исчезаетъ раскаленный водородъ. На самой землѣ есть различные огни. Но злоупотребляя метафорой, развѣ не существуютъ холодные огни?

Развѣ блуждающій огонекъ, который порхаетъ ночью на могилахъ, воспламеняетъ что-нибудь другое, кромѣ ума, ошеломленного его встрѣчею наблюдателя? Багряные отблески свѣрнаго сіянія такъ же холодны, какъ и атмосфера полюса. Какой контрастъ представляютъ эти безобидные огни съ огнями горнила, льющаго огненные волны раскаленного металла, ослѣпительно кипящаго и наполняющаго горпъ удивительнымъ жаромъ! Какая пропасть между пѣжнымъ и спокойнымъ огнемъ свѣчи, готовый сейчасъ погаснуть, и оглушительнымъ трескомъ пороха, который, взрываясь, приноситъ съ собою смерть и разрушеніе! Разнообразіе и различіе явленій химическихъ и физическихъ, выраженное, тѣмъ не менѣе, однимъ общимъ словомъ, оправдываетъ его примѣненіе къ солнечнымъ протубераціямъ.

* * *

Эти огни солнца мы видимъ въ спектроскопъ только вокругъ солнечной окружности; мы ихъ различаемъ только тогда, когда они появляются въ профиль. Нужно представить себѣ небольшой шаръ солнца окруженнымъ и униженнымъ во всѣхъ частяхъ огнями, поднимающимися въ его атмосферѣ и простирающимися иногда въ видѣ огненной сѣти въ озаренныя высоты.

Солнечная поверхность, которую мы видимъ и которая рисуется намъ въ видѣ шара, представляетъ изъ себя багряную огненную поверхность, изъ которой постоянно поднимается

множество огней настоящего и вѣчнаго пожара. Ослѣпительный свѣтъ дневнаго свѣтила мѣшаетъ намъ видѣть эти прозрачныя огни, также какъ, благодаря ему и звѣзды дѣлаются невидимыми. До изобрѣтенія спектроскопа эти огни видѣли только въ рѣдкія мгновенія полныхъ солнечныхъ затмѣній, когда лунный дискъ, помѣщаясь между солнцемъ и нами, закрывалъ лучезарность солнца и позволялъ различать его окрестную область. Поцѣпью, такія наблюденія, ограниченныя нѣсколькими минутами, ослабленныя еще удивительной и необыкновенной красотой явленія, были, несомнѣнно, бѣглы и несовершенны.

Теперь эти огни можно наблюдать постоянно. Газовый слой, окружающій солнце, представляетъ изъ себя океанъ огня, имѣющій отъ шести до восьми тысячъ километровъ глубины. Если бы земля при вращеніи попала въ него, то не была бы поглощена имъ; она увлекла бы за собою огни, которые ее лизали бы въ продолженіе ея пути.

Гигантскіе огни поднимаются на сто, двѣсти, триста, чetyреста и даже пятьсотъ и шестьсотъ тысячъ километровъ въ высоту.

Седьмого октября 1880 года Юнгъ замѣтилъ одинъ изъ огней, который въ теченіе одного часа поднялся на высоту отъ пяти до шестисотъ шестидесяти тысячъ километровъ, раздѣлился на нѣсколько нитеобразныхъ огней и исчезъ. Когда протуберанціи не превышаютъ двѣнадцати тысячъ километровъ, т.-е. имѣютъ толщину земли, астрономы мало обращаютъ вниманія на нихъ. Воспламененная земля, помѣщенная на край солнца и разсматриваемая отсюда, не была бы или вовсе или едва только замѣтна. Одна наблюдаемая четверть протуберанцевъ превышаетъ сорокъ тысячъ километровъ. Протуберанцы въ сто тысячъ километровъ не рѣдки.

Протуберанцы очень разнообразны по формѣ. Одни, названныя специально *изверженіями*, поднимаются, какъ взрывы пламени, на фантастическую высоту. Другіе носятъ названіе *облачности* и, дѣйствительно, очень напоминаютъ облака нашей атмосферы; иногда они появляются какъ бы на краю солнца, какъ полоса облаковъ на горизонтѣ; но вообще, если они видны цѣликомъ до самаго низа, то замѣтно, что они соединены съ хромосферой тонкими колоннами; иногда нижняя поверхность окаймлена волокнами, направленными къверху и напоминающими падающій дождь во время сильнаго вихря. Огни изверженія длятся не долго; они вздымаются въ небесныя высоты съ невообразимой скоростью, распускаясь тамъ какъ букетъ фейерверка, и упадаютъ огненнымъ дождемъ на огнен-

ную поверхность, гдѣ и исчезаютъ въ видѣ розоваго дыма; иногда огни представляются намъ какъ бы сильнымъ пожаромъ, раздуваемымъ вѣтромъ. Облачныя же выступы (протуберанцы), напротивъ, держатся долго, нѣсколько дней, иногда даже нѣсколько недѣль. Эти ужасныя вспышки подбрасываются со скоростью тѣмъ болѣе удивительной, что поверхность солнца, будучи ни твердой ни жидкой, не представляетъ сопротивленія, которое бы соответствовало вулканическимъ изверженіямъ. Нужно предполагать, что это газъ необыкновенно сгущенный и почти жидкій а, можетъ-быть, даже вязкій, какъ смола. Скорость его изверженій доходитъ до трехсотъ и четырехсотъ тысячъ метровъ въ секунду.

Но что значатъ всѣ эти огни въ пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ километровъ въ высоту передъ великолѣпнымъ солнечной короны, которая окружаетъ все лучезарное свѣтло ореоломъ славы и свѣта, и которая изливаетъ лучи на разстояніи болшемъ, чѣмъ діаметръ солнца! Какая лучезарность, какое величіе! Мы только теперь начинаемъ узнавать частичное разрѣшеніе этой важной проблемы.

Это важно въ самомъ дѣлѣ, какъ все, что касается жизни.

„Дѣйствительный порядокъ вещей, — пишетъ Юнгъ, — кажется ограниченнымъ, какъ въ будущемъ, такъ и въ прошломъ великими катастрофами, которыя застланы отъ насъ облаками, до сихъ поръ совершенно непроницаемыми“.

Всего болѣе насъ интересуеетъ вопросъ о солнечной теплотѣ и происхожденіи этихъ огней. Извѣстно, что эта температура тамъ страшно высока, что ни одно изъ нашихъ химическихъ соединеній тамъ невозможно, и что элементы тамъ остаются вѣчно разьединенными. Этотъ огонь такъ горячъ, что онъ уже больше не горитъ! Наболѣе вѣроятное термометрическое измѣреніе показываетъ десять тысячъ градусовъ; если бы кто-нибудь могъ выйти изъ этой температуры и лечь на раскаленную добѣла чугуиную доску или расплавленную пластинку, ему показалось бы, что онъ легъ въ снѣгъ. Солнечные лучи, сконцентрированные въ фокусѣ лупы, расплавляютъ мгновенно платину, глину, даже алмазъ, а температура, полученная такимъ образомъ, очевидно, не можетъ быть меньше температуры на солнцѣ; дѣйствіе лупы заключается просто въ томъ, что она приближаетъ объектъ къ солнцу на такомъ разстояніи, чтобы солнечный дискъ казался одинаковымъ съ луной, если глядѣть въ ея собственный фокусъ. Самое сильное увеличительное стекло, которое изобрѣтено до сихъ поръ, переноситъ предметъ, который находится въ ея фокусѣ, на четыреста тысячъ километровъ или на сто тысячъ миль къ

солнечной поверхности. Заключаютъ съ увѣренностью, что, если бы солнце приблизилось къ намъ на разстояніе наше отъ луны, вся земля расплавилась бы, какъ восковой шаръ, и большая часть его испарилась *).

Для насъ счастье, что дневное свѣтло такъ удалено. Въ самомъ дѣлѣ оно очень далеко отъ насъ. Его разстояніе отъ насъ измѣряется въ это сорокъ милліоновъ километровъ. Впечатлѣнія передаются по нашимъ нервамъ со скоростью тридцати метровъ въ секунду. Если бы можно было себѣ вообразить ребенка съ такой длинной рукой, что онъ могъ бы дотронуться до солнца и обжечься, то этотъ ребенокъ не почувствовалъ бы никогда этого обжога, потому что для того, чтобы это впечатлѣніе передалось по нервамъ, понадобилось бы не менѣе ста пятидесяти лѣтъ: ребенокъ превратился бы въ старика и умеръ бы задолго до того времени, когда боль отъ пачала руки достигла бы мозга. Скорому поѣзду, проходящему съ постоянной скоростью одинъ километръ въ минуту, для того, чтобы достичь солнца, нужно... двѣсти шестьдесятъ шесть лѣтъ..., т.-е. шесть человѣческихъ поколѣній.



Кто можетъ вообразить, кто можетъ описать этотъ жаръ небеснаго огня, достаточно сильнаго для того, чтобы вскипятить въ одинъ часъ два трилліона девятьсотъ милліардовъ кубическихъ километровъ ледяной воды, запасъ котораго настолько великъ, что онъ можетъ горѣть, не переставая, въ теченіе десяти милліоновъ лѣтъ?

Если бы мы могли приблизиться къ солнцу, не будучи уничтоженными, подобно каплѣ воды, которая испаряется, падая на раскаленное желѣзо и не будучи ослѣпленными адекпмъ свѣтомъ, то мы были бы поражены до головокруженія ослѣпительнымъ видомъ безбрежнаго и огненнаго океана. Волнующіеся вали его достигаютъ въ вышину почти что діаметра

*) Ланглей въ 1878 году написалъ очень интересную статью объ интенсивности солнечнаго свѣта и сравнивалъ его съ расплавленнымъ металломъ по способу Бессемера. Блескъ этого металла такъ ослѣпительнъ, что потокъ расплавленнаго желѣза, который казятъ для того, чтобы образовать смѣсь, кажется передъ нимъ сгущенно-теплымъ, какъ черный кофе въ бѣлой чашкѣ. Сравненіе было произведено такимъ образомъ, что все преимущество было дано расплавленному желѣзу и не принималось въ расчетъ ослабленіе солнечнаго свѣта дымомъ, наполнявшимъ горнъ. И вотъ, наперекоръ всемъ этимъ выгодамъ, фотографическое измѣреніе показало, что солнечный свѣтъ въ это тысячъ и триста разъ болѣе ослѣпительнъ, чѣмъ расплавленный металлъ.

земля; въ вѣдрахъ его и надъ нимъ при раскатахъ грома и сверканіи молніи и зарницы вздымаются и падаютъ назадъ пылающія, яростныя, разрушающіяся и вновь возникающія огненные горы разбѣрами съ нашу планету, и даже болѣе грандіозныя, подбрасываемыя къ небу чудовищной рукою невидимыхъ титановъ. Эти огненные горы расплываются въ атмосферѣ пожара, превращаются въ свѣтлыя тучи или падаютъ огненнымъ дождемъ въ вѣчно горящій океанъ.

Огромныя солнечныя лучи простираются далеко на милліоны километровъ во всѣхъ направленіяхъ, бросая какъ маяки ослѣпительныя столбы свѣта въ пространство, наполненное вертикальними въ вихрѣ метеорами. Грандіозныя явленія, въ которыхъ теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ такой ужасающей энергіей, что наши самыя свирѣпыя ураганы, наши вулканы и наши громы кажутся передъ ними мелькнувшей улыбкой спящаго ребенка.

И какъ понять, кромѣ всѣхъ этихъ гигантскихъ силъ, магнитныя противодѣйствія, которыя мы чувствуемъ отсюда на тридцать шесть милліоновъ миль разстоянія?

Между тѣмъ это таинственное сродство теперь безспорно *).

* * *

Какъ не заинтересоваться изученіемъ этого божественнаго солнца! Благодаря ему, мы живемъ и вся судьба земли зависитъ отъ его лучей. Солнце является въ одно и то же время какъ будто бы рукой, которая поддерживаетъ насъ въ пространствѣ, свѣточемъ, который насъ освѣщаетъ, очагомъ, ко-

*) Давно уже слѣдовало намъ относиться серьезно къ этимъ соображеніямъ. Помините, что въ теченіе дни, предшествующаго сѣверному сінію 2 сентября 1859 года (которое было видно на всемъ земномъ шарѣ: въ Италіи, Кубѣ, Индіи, Австраліи, Соединенныхъ Штатахъ и т. д.), Карингтонъ, съ одной стороны, Гудзонъ, съ другой,—были поражены вѣрнымъ свѣтомъ, сіяющего среди группы солнечныхъ пятенъ. Первый наблюдатель сравнилъ этотъ свѣтъ съ лучомъ свѣта, проходящимъ черезъ экранъ, поставленный передъ объективомъ для того, чтобы получить проекцію пятенъ; второй—съ блескомъ звѣзды первой величины Вега, разсматриваемой въ телескопъ. Это лучезарное явленіе длилось съ 11 часовъ 18 минутъ до 11 часовъ 23 минутъ и исчезло. Впечатленіе Карингтона (тогда еще не знали о протуберанцахъ) было то, что оно должно было произойти на страшной высотѣ надъ пятномъ, видъ котораго отъ него нисколько не измѣнился. Въ этотъ самый моментъ магнетическіе инструменты обсерваторіи въ Кью показали колебаніе и обозначили присутствіе сильной магнитной бури; сѣверное сініе, видимое вечеромъ, уже началось; телеграфы Англій перестали дѣйствовать. Съ этого времени связь между солнечными пятнами и земнымъ магнетизмомъ была ясно доказана.

торый насъ согрѣваетъ могущественнымъ источникомъ, откуда протекають все энергіи. Какъ объяснила XVIII вѣковъ тому назадъ счастливая метафора Теона Смирнскаго, солнце является поистинѣ *сердцемъ* всемірнаго организма, потому что бичіе этого сердца распространяють въ пространство волны жизненной энергіи планетъ. Если оно остановится хоть на одну минуту, если оно измѣнитъ свой свѣтъ, если его теплородная энергія усилится или если его лучеспусканіе парализуется сразу, все человѣчество будетъ поражено въ самое сердце, вся дѣятельность человѣка остановится, мы должны тогда ждать безнадежно всемірной агоніи. Такъ же вѣрно, какъ то, что сила, которая заставляетъ идти часы, зависитъ отъ руки, которая ихъ заводитъ, такъ и земное могущество зависитъ отъ солида. Это оно поддерживаетъ жидкое состояніе глубокаго океана, рѣки, которая катится черезъ поля журчащихъ ручейковъ или рокочащихъ родниковъ, потому что безъ него вода стала бы твердой. Благодаря ему дуетъ вѣтеръ, плаваютъ облака, зеленѣетъ трава, растетъ лѣсъ, цвѣтеть и благоухаетъ цвѣтокъ. Солнце заставляетъ вращаться землю, и оно же возвращаетъ весну, стонетъ въ буряхъ, поетъ въ неутраченномъ горлышкѣ соловья. Лошадь бѣжитъ, благодаря теплотѣ, развивающейся въ ней подъ влияніемъ солнца; мельница вертится подъ влияніемъ благотѣльнаго свѣтила; лѣсъ, согрѣвающій насъ зимою, есть частица солнца: каждый кубическій дециметръ, каждый килограммъ лѣса произошелъ благодаря солнечной теплотѣ. Шумный и слѣпой поѣздъ, бѣгущій какъ змѣя темной ночью, подъ дождемъ или подъ снѣгомъ, со свистомъ прорываясь подъ горами и стремясь черезъ туманы въ недра ледяной ночи — это искусственное животное тоже дитя бога-солнца, такъ какъ оно питается каменнымъ углемъ, который произошелъ подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей въ теченіе миллионнѣ лѣтъ въ геологическихъ лѣсахъ каменноугольнаго періода. Солнце приходитъ къ намъ и уходитъ отъ насъ въ видѣ теплоты; между своимъ приходомъ и отбытіемъ оно родитъ все жизненное могущество нашего земного шара. Какое чудо! Какая сила! Какая энергія! Какое величіе! Теплота, испускаемая солнцемъ, въ каждую секунду равняется той теплотѣ, которая получится отъ сжиганія одиннадцати квадрильоновъ шестисотъ тысячъ миллиардовъ тоннъ каменнаго угля!

Эта теплота заставила бы кипѣть въ часъ два триллиона девятисотъ миллиардовъ кубическихъ километровъ ледяной воды.

Измѣрить его температуру градусами совершенно невозможно.

Мы называемъ пламенемъ и огнемъ то, что горитъ, по газы солнечной атмосферы раскалены до такой степени, что не могутъ ужъ больше горѣть. Они разъединены и не могутъ соединиться. Тамъ замѣчаются пары магнія, желѣза и большого числа металловъ, пропитанныхъ раскаленнымъ водородомъ. Если мы называемъ вѣбшій слой солнечнаго шара огненнымъ океаномъ, то нужно замѣтить, что этотъ океанъ гораздо горячѣе раскаленнаго горнила и болѣе глубоокъ, чѣмъ вся ширина Атлантическаго океана. Если мы называемъ ураганомъ наблюдаемыя движенія на солнцѣ, то нужно помнить, что наши ураганы дуютъ съ силой въ сто шестьдесятъ километровъ въ часъ, тогда какъ тамъ они дуютъ со свирѣпостью ста шестидесяти километровъ въ секунду; наши самые буйные ураганы кажутся передъ ними легкимъ вѣтеркомъ. Сравнимъ солнечныя взрывы съ нашими вулканическими изверженіями! Везувій засыпалъ своею лавой Геркуланъ и Помпею; солнечное изверженіе, поднявшись мгновенно на сто тысячъ километровъ въ высоту, поглотило бы всю землю подъ своимъ огненнымъ дождемъ, въ нѣсколько секундъ превратило бы въ пепель всю земную жизнь! Этотъ воспламененный слой, эти ослѣпительныя частицы колеблются на океанѣ изъ газа; эта зернистая поверхность, собственно говоря, ни твердая, ни жидкая, ни газообразная; она облачна и лежитъ на солнечномъ шарѣ, который, повидному, образованъ изъ страшно сгущеннаго газа.

Этотъ громадный солнечный шаръ въ миллионъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ разъ болѣе земли и имѣетъ миллионъ восемьдесятъ двѣ тысячи километровъ въ діаметръ. Онъ вѣситъ одишъ столько же, сколько вѣсятъ вмѣстѣ взятыхъ триста двадцать четыре тысячи планетъ, одинаковыхъ по вѣсу съ землею.

* * *

Какъ же сохраняются эта теплота и этотъ свѣтъ? Имѣются три главныя причины: сжатіе солнечнаго шара, паденіе метеоровъ на его поверхность и выдѣленіе теплоты, производимое химическими соединеніями. Первая причина самая значительная. Всѣ падающія и остановленныя въ своемъ паденіи тѣла производятъ извѣстное количество теплоты, и это количество производимой теплоты то же, какое получается, когда тѣла останавливаются внезапно или постепенно, встрѣчая какія-либо препятствія. Какъ то вѣроятно, солнечный шаръ явился результатомъ сжатія огромной туманности, которая простиралась первоначально за орбиту Нептуна; паденіе отдѣльных

частою этою туманности до степени ихъ топореннаго сгущенія доставило въ 18 милліоновъ разъ больше теплоты, тѣмъ солиде даетъ теперь въ одинъ годъ. Изъ этого можно было бы вывести, что солнце просуществовать всего восемнадцать милліоновъ лѣтъ. Съ другой стороны, если это единственный источникъ солнечной теплоты, то это свѣтило будетъ продолжать сжиматься, черезъ пять милліоновъ лѣтъ, не позднѣе, уменьшится на половину своего нынѣшняго діаметра, и такъ какъ при этомъ измѣреніи оно будетъ въ восемь разъ плотнѣе нынѣшняго, — оно сдѣлается жидкимъ, — то температура его станетъ такъ уменьшаться, что черезъ десять милліоновъ лѣтъ приблизительно его теплоты не хватитъ для поддержанія жизни. Вся жизнь солнечной системы по этой гипотезѣ не продлится болѣе тридцати милліоновъ лѣтъ. Паденіе метеорныхъ вѣществъ можетъ продлить ее настолько же, что составитъ теченіе шестьдесятъ милліоновъ лѣтъ. Благоразумнѣе прибавить, что мы не знаемъ всѣхъ средствъ природы и что, вѣроятно, существуютъ еще другія причины, при посредствѣ которыхъ поддерживается это чудесное сіяніе.

Какъ бы то ни было, физическое строеніе солнца одинъ изъ самыхъ любопытныхъ значительныхъ объектовъ для изученія, которые только открываются нашему вниманію; всякій человекъ интересуется природой, но можетъ не быть пораженнымъ его величіемъ, не можетъ не стремиться разрѣшенію великихъ проблемъ, что составляетъ истинное наслажденіе жизни.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЗЕМЛИ И ЗАКОНЪ ПРОГРЕССА.

Нѣтъ ни одного эпизода въ исторіи народа, ни одной страсти человѣческаго характера, ни одного измѣненія въ подвижномъ обликѣ человѣчества, которые не имѣли бы своего романа, запечатлѣннаго и воспѣтаго на всевозможныхъ языкахъ и подъ всевозможными формами. Наша большая родина, земля-страна, имѣетъ также свою исторію или, лучше сказать, можетъ-быть, свой романъ; ея уже столь продолжительная жизнь окружена тайнами, которыя только что начинаютъ раскрывать различныя науки. Исторія земли многократно уже описана, начиная съ Аристотеля, Плинія и Лукреція до Бюффона, Живье, и Файе, который еще совсѣмъ недавно издалъ свой новый трудъ о „Происхожденіи міра“. Мы и не намѣреваемся излагать здѣсь подлинную „Исторію Земли“, т.-е. техническій трактатъ по

космогоніи, геологіи, палеонтологіи и физиологіи! Но, можетъ-быть, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей не будетъ непріятно сдѣлать экскурсію вмѣстѣ философскую и научную въ область прошлаго и увидѣть панораму исчезнувшихъ вѣковъ воскресшей вновь на мгновеніе передъ своими глазами. Послѣдніи открытія, сдѣланныя въ различныхъ отрасляхъ человѣческихъ знаний, побуждаютъ насъ изложить тѣ результаты, которыхъ они достигли. Мы попробуемъ дать изложеніе полное и вмѣстѣ съ тѣмъ краткое. Каждая минута нашего разсказа будетъ обнимать сто милліоновъ лѣтъ истинной исторіи и въ теченіе десяти минутъ передъ нами пройдутъ милліоны лѣтъ: это будетъ кратко, но достаточно. Самый большой пейзажъ можно заключить въ рамку самаго маленькаго зеркала; капля росы, которая дрожитъ на вѣничкѣ розы, отражаетъ все солнце.

* * *

Было время, когда человѣчество не существовало. Земля имѣла видъ совершенно отличный отъ теперешней земли. Вмѣсто жизни разумной, трудолюбивой и дѣятельной, которая распространяется теперь на ея поверхности; вмѣсто этихъ многочисленныхъ городовъ, этихъ деревней, этихъ селеній, этихъ воздѣланныхъ полей, этихъ виноградниковъ, этихъ садовъ, этихъ дорогъ и желѣзныхъ дорогъ, кораблей, заводовъ и мастерскихъ, этихъ дворовъ, этихъ памятниковъ, этихъ храмовъ, вмѣсто этой безпрерывной человѣческой дѣятельности, которая эксплуатируетъ дѣйствительно всѣ силы природы, проникаетъ въ глубины почвы, распутываетъ загадки неба, изучаетъ событія вселенной и, кажется, отражаетъ собою всю исторію творенія,—вмѣсто всего этого было ничего, кромѣ непроходимыхъ и дикихъ лѣсовъ, спокойно текущихъ рѣкъ среди пустынныхъ береговъ, горъ безъ наблюдателей, долинъ безъ хижинъ, вечеровъ безъ мечтателей и звѣздныхъ ночей безъ созерцателей. Не существовало тогда ни науки, ни литературы, ни искусства, ни промышленности, ни политики, ни исторіи, ни мысли. Тогда драмы и комедіи человѣческой жизни были неизвѣстны на нашей планетѣ. Страсти, какъ ненависть, любовь, ревность, доброта, злоба, энтузіазмъ, самопожертвованіе, всѣ чувства благородныя или извращенныя, которыя составляютъ нѣтъ человѣческой матеріи, еще не появились на землѣ. Обитатели земной страны существовали, не сознавая этого, и работали безъ цѣли. Это были неворотливые мастодонты, давившіе подъ своими ногами уже распустившіеся на лужайкѣ цвѣты, колоссальный мегатерій, разрывавшій своей мордой корни деревьевъ, могучій милодонтъ, обгладывавшій нижнія вѣтки кедровъ, гигантскій

динозавровъ, самый большой изъ земныхъ млекопитающихъ, которые когда-либо жили, воздвигли свои длинныя клыки на дно, для того, чтобы вырвать растенія, растущія въ мутныхъ водахъ. Обезьяны *mesoritheque* и *dioritheque* проворно прыгали на холмахъ допотопной Греніи.

Въ эти отдаленныя времена Парижъ скрывался въ дымкѣ отдаленнаго будущаго. Древній лѣсъ распространялъ свой темный шатеръ надъ дѣлою Франціей, Бельгіей и Германіей. Сена была въ десять разъ шире, чѣмъ теперь, затопила равнину, гдѣ большая столица развертываетъ теперь свое великолѣніе: рыбы, которыя теперь уже не существуютъ, рѣзались въ ея волнахъ; птицы, которыхъ теперь тоже не существуетъ, вѣли на островахъ; пресмыкающіяся, которыя теперь исчезли, ползали между скалами. Совсѣмъ другіе виды животныхъ и растеній жили въ совершенно иномъ мірѣ, иномъ климатѣ и при иной температурѣ.

Углубляясь дальше въ исторію Земли, мы встрѣчаемъ эпоху, когда то мѣсто, гдѣ находится Парижъ и Франція, было подѣ водой, когда море простиралось отъ Шербурга до океана, до Ліона и до Ниццы; когда поверхность Европы была совершенно не похожа на теперешнюю, а флора и фауна настолько отличались отъ нашей, что жители Венеры или Марса болѣе похожи на насъ. Страшные птеродактили съ широкими крыльями прыгали въ небѣ, нетопыри, эти ночные призраки, летающіе драконы и гигантскія летучія мыши были тогда властителями атмосферы. Когтистый птеродактиль (*dimorphodon macronux*), толстоклювые (*crassiostris*) и рамфоринхи (*ramphorhynchus*), такія же дикія, какъ и ихъ имена, сидѣли на деревьяхъ, карабкались на скалы, помогая себѣ и руками и ногами, бросались въ воздухъ, открывая свои перепончатые парашюты, и плавали въ водахъ, какъ амфибии. Въ то же время гигантскія ящеры, ихтиозавры (*ichthyosaures*) и плезиозавры (*plesiosaures*) сражались въ вѣдрахъ волнующихся воды, наполняя воздухъ своимъ свирѣпымъ боемъ, чудовища съ огромными головами (*macrocephales*) съ широкими челюстями, туловище которыхъ имѣло отъ 10—11 метровъ въ длину. И какія головы! Насчитываютъ до двухъ тысячъ семидесяти двухъ зубовъ въ головѣ нѣкоторыхъ динозавровъ (*dinosaures*). Игуанозавры (*iguanosaures*) и мегалозавры (*megalosaures*) оживляли уединеніе лѣсовъ, въ вѣдрахъ которыхъ гигантскія деревья, древовидный папоротникъ, хвощи и тысячи хвойныхъ растеній поднимали свои пирамидальныя вершины или раскидывались зеленымъ куполомъ. Игуанодоны изъ вида кенгуру достигали въ вышину 14-ти метровъ: если бы ихъ по-

ставитъ на заднія ноги передъ однимъ изъ нашихъ самыхъ высокихъ домовъ, то они могли бы ѣсть съ балкона пятого этажа... Какіе ужасные размѣры! Какія животныя и какія растенія сравнительно съ нашими земными! Эти фантастическія существа подходятъ къ тому, что человѣческое воображеніе изобразило въ видѣ centaвровъ, фавновъ, гриффовъ, гомодриадъ, химеръ, вампировъ, гидръ, драконовъ, церберовъ. И они жили дѣйствительно подъ сѣнью первобытныхъ лѣсовъ; они влдѣли Альпы, Пиренеи, выходящими медленно изъ моря, поднимающимся надъ облаками и опять спускающимися. Они двигались въ тѣнистыхъ аллеяхъ папоротниковъ и ароукарій. Грандіозные пейзажи исчезнувшихъ вѣковъ! Ни одинъ человѣческой вѣзрѣ не наблюдалъ васъ, ни одно ухо не поняло вашей гармоніи, ни одна мысль не пробудилась передъ вашими волшебными панорамами... Днемъ солнце освѣщало только сраженія и игры животныхъ. Ночью луна горѣла спокойно надъ сномъ природы.

* * *

Съ сотворенія земли съ отдаленной эпохи, когда, отдѣленная отъ солнечной туманности, земля начала существовать, какъ планета, и сжиматься въ шаръ, до тѣхъ поръ, пока она охладѣла, отвердѣла и сдѣлалась населенной, прошло столько миллионновъ и миллионновъ лѣтъ, что вся исторія человѣчества исчезаетъ передъ этимъ огромнымъ цикломъ. Пятнадцать или двадцать тысячъ лѣтъ въ исторіи человѣчества представляется, конечно, только небольшую часть современнаго геологическаго періода. Если отвести на продолжительность нынѣшней эпохи (что является минимумомъ) сто тысячъ лѣтъ — при чемъ характерные жизненные признаки указываютъ, что эта эпоха, есть эпоха четвертая отъ начала нашего міра, послѣдняя названіе въ геологій эпохи постпліоценовой (четвертичной) — то третичная эпоха продолжалась четыреста шестьдесятъ тысячъ лѣтъ, вторичная — два миллиона триста тысячъ и эпоха первичная болѣе шести миллионновъ лѣтъ. Эта медленная послѣдовательность развивается въ теченіе десяти миллионновъ лѣтъ, начиная отъ происхожденія видовъ и кончая высшими видами животными и растительными. Этимъ эпохамъ предшествовала, въ свою очередь, первобытная эпоха, въ теченіе которой возникающая жизнь состояла только изъ простѣйшихъ организмовъ, первоначальныхъ зародышей, низшихъ видовъ водорослей, ракообразныхъ, моллюсковъ, беспозвоночныхъ. И этотъ первичный періодъ занималъ на лѣстницѣ геологическихъ напластованій десять миллионновъ семьсотъ тысячъ лѣтъ.

Эти двадцать миллионъ лѣтъ по земному календарю представляютъ періодъ органической жизни. Но подготовительный періодъ этой жизни былъ несравненно длиннѣе. Плавный періодъ, предшествующій появленію перваго живого существа, былъ значительно продолжительнѣе дальнѣйшаго періода постепеннаго развитія различныхъ жизненныхъ видовъ. Путемъ основательныхъ опытовъ пришли къ заключенію, что для того, чтобы перейти изъ жидкаго состоянія въ твердое, чтобы охладиться съ 2.000° до 200° —нашъ земной шаръ употребилъ не менѣе трехсотъ пятидесяти миллионъ лѣтъ.

Какая длинная исторія только одного изъ безчисленныхъ міровъ! Желать проникнуть въ эту исторію, значить имѣть благородное стремленіе познавать самыя глубокія и самыя важныя тайны природы, значить познать намбренія древнихъ боговъ, которые раздѣляли между собой управленіе вселенной. И какъ не заинтересоваться этими чудесными завоеваніями современной науки, которая, раскапывая могилы земли, воскрешаетъ исчезнувшихъ прежнихъ обитателей! По приказу челоувѣческаго генія, эти допотопныя чудовища поднимаются изъ своихъ черныхъ склеповъ, и въ теченіе послѣдняго полвѣка одинъ за другимъ встаютъ они изъ своихъ могилъ, выходятъ изъ каменоломень, изъ рудничныхъ шахтъ, туннелей и изъ всѣхъ другихъ раскопокъ, и появляются снова при свѣтѣ дни. Со всѣхъ сторонъ, съ трудомъ, тяжело, какъ бы въ летаргическомъ снѣ, поднимаются они, часто расколотыя на кусочки. Голову находили въ одномъ мѣстѣ, ноги—въ другомъ; эти старые, окаменѣлые со времени потопа, трупы, какъ будто бы услышавъ призывный гласъ науки, оживали вновь, составляя изъ себя армію чуждыхъ легіоновъ изъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Теперь они дефилируютъ передъ нами, чуждые намъ, причудливые, оригинальные, неуклюжіе, чудовищные, кажущіеся пришельцами съ другою міра, но сильные, крѣпкіе, самодовольные, и какъ бы увѣренные въ своей храбрости и говорящіе намъ съ спокойствіемъ статуй: „Вотъ и мы, ваши предки,—мы, ваши прародители, безъ насъ вы бы не существовали. Смотрите на насъ и ищите въ насъ то, изъ чего вы произошли. Ваши глаза, которыми вы измѣряете безконечно громадное и безконечно малое, были у насъ хотя въ видѣ скромныхъ зачаточныхъ органовъ, но очень важныхъ для дальнѣйшаго, потому что, если бы они не удалась у насъ, вы были бы слѣпы. Ваши руки, такія изящныя и такія искусныя, произошли путемъ усовершенствованія изъ нашихъ лапъ; не очень-то смѣйтесь надъ нашими лапами, если вамъ нравятся ваши руки и вы находите ихъ полезными. Вашъ ротъ, вашъ языкъ, ваши

зубы нѣжны и очаровательны; но все это есть не что иное, какъ наши пасти, наши морды, наши клыки, наши клювы. Ваша сердца бьются нѣжно и таинственно и благодаря этимъ біеніямъ вы испытываете чувства, намъ неизвѣстныя, такія глубокія, такія задушевные, что порою на удовлетвореніе меньшей изъ нихъ вы готовы пожертвовать міромъ. Посмотрите же, какъ началась эта циркуляція крови, какъ забилося первое сердце. А вашъ мозгъ? Вы любуетесь собою благодаря ему, вы привѣтствуете въ немъ центръ души и мысли, обладаете благодаря ему несравненною воспримчивостью и едва осмѣливаетесь изслѣдовать его нѣжную структуру; а вашъ мозгъ—это нашъ усовершенствованный костный мозгъ безпозвоночныхъ; безъ насъ не существовали бы ни геологи, ни астрономы, ни естествоиспытатели, ни философы. Вотъ мы здѣсь: привѣтствуйте вашихъ отцовъ!“

Такъ говорили совершенно справедливо всѣ эти ископаемые, всѣ эти обезьяны, лемуруобразныя четвероногія, сумчатыя животныя, птицы, змѣи, пресмыкающіяся, амфибіи, рыбы, моллюски; и они правы: человѣкъ есть не что иное, какъ высшая вѣтвь дерева природы, имѣющаго одни корни въ одной и той же землѣ. Остальныя вѣтви этого дерева представляютъ изъ себя всѣ другіе виды животныхъ, по внѣшности столь различныя, но въ дѣйствительности очень близкіе между собой, даже родственныя. Они воскресаютъ вновь и классифицируются естествоиспытателями.

И какое разумное и любознательное существо, какой мыслитель не заинтересуется этой большой книгой природы, открытой для всѣхъ, столь плѣнительной своими неожиданностями и превосходящей всѣ вымыслы и сказки? Кто не предпочтетъ этой удивительной книги природы всему другому. Кто не заинтересуется этой великой тайной происхожденія человѣка, зарожденія земли и колыбели вселенной. Существуетъ ли что-либо кромѣ этого, что могло бы трогать насъ больше и болѣе удовлетворить нашу разумную любознательность.

* * *

Изучать исторію земли, значитъ изучать сразу и вселенную и человѣка, потому что земля есть одно изъ свѣтилъ во вселенной, а человѣкъ является какъ бы результатомъ всѣхъ земныхъ силъ. Онъ не произошелъ благодаря чуду: онъ ребенокъ природы.

Никто уже не можетъ вѣрить тому, что міръ былъ сотворенъ въ шесть дней, что шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ животныя вышли изъ земли сразу, по голосу сотворившаго ихъ, и

притомъ совѣмъ уже развитыми, взрослыми четами мужскими и женскими, отъ слона до блохи и до микроскопическихъ микробовъ, что первая лошадь выпрыгнула изъ холма; что первый дубъ былъ созданъ сразу вѣковымъ. Никто не можетъ допустить теперь, что человѣчество началось четой двухъ молодыхъ людей, созданныхъ въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ, поселившихся въ приготовленномъ для нихъ саду, среди цвѣтовъ и зрѣлыхъ плодовъ. Конечно, все это не болѣе какъ мнѣ очаровательный и ужасный. Адамъ родится въ возрастѣ 20 или 30 лѣтъ, и когда онъ соскучился въ одиночествѣ, Егова вынимаетъ у него во время сна ребро и сотворяетъ изъ него тѣло первой молодой дѣвушки. Богъ является въ садъ во время полуденнаго зноя и осуждаетъ ихъ за то, что они поддались соблазну, для котораго и была сотворена Ева. Дѣти этой первой четы прокляты съ самаго ихъ рожденія, наказаны за вѣроломство потопомъ. Ной запираетъ въ ковчегъ по парѣ всѣхъ видовъ животныхъ и т. д. Все это оригинально, но наивно, и сторонники чудесъ должны сожалѣть о томъ, что этого не было въ дѣйствительности. Но всѣмъ теперь извѣстно, что Богъ не создалъ тѣхъ животныхъ, которыя живутъ теперь, что имъ предшествовали другія примитивныя и различныя животныя, неизвѣстныя даже во времена Моисей; никто не отрицаетъ теперь, что нашъ земной шаръ очень древній, и что въ его геологическихъ пластахъ находятъ ископаемыхъ исчезнувшихъ вѣковъ; никто не отрицаетъ, что, по анатомическому строенію, тѣло человѣка одинаково съ тѣломъ млекопитающагося; всѣмъ извѣстно, что у насъ имѣются атрофированные органы, которые намъ совѣмъ не нужны и которые являются пережитками органовъ, бывшихъ у нашихъ предковъ-животныхъ; каждый изъ насъ до своего рожденія въ теченіе первыхъ своихъ мѣсяцевъ былъ во чревѣ своей матери въ видѣ моллюска, рыбы, пресмыкающагося, четвероногаго, воспроизводитъ такимъ образомъ въ маленькомъ масштабѣ весь циклъ творчества природы съ древнихъ временъ. Наконецъ каждый знаетъ, что всѣ виды цѣпляются другъ за друга какъ звенья одной и той же цѣпи, что переходъ одной изъ этихъ промежуточныхъ породъ въ другую совершался незамѣтно и постепенно, что жизнь на землѣ началась болѣе простыми и элементарными существами: растеніями безъ листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ, которые могли съ трудомъ называться растеніями. У животныхъ не было ни головы, ни разсудка, ни мускуловъ, ни желудка, ни органовъ передвиженія, такъ что ихъ съ трудомъ можно назвать животными. Медленно, незамѣтно, послѣдовательно измѣнялась атмосфера, вода и температура, стихія и

условія питанія, благодаря которымъ существа стали болѣе живыми, болѣе чувствительными, болѣе характерными и специфичными, болѣе совершенными и, наконецъ, увѣчиваясь красивыми благоухающими цвѣтами, украшающими современныя поля, птицами, расцвѣвающими въ лѣсахъ, а въ концѣ-концовъ человѣкомъ, торжествующимъ надъ всѣми. Да, мы имѣемъ корни въ прошломъ, у насъ еще и теперь въ костяхъ находится минераль, мы унаслѣдовали лучшее наслѣдіе нашихъ предковъ изъ всего біологическаго ряда; и мы еще отчасти растенія. Не чувствуемъ ли мы это весной, во время залитыхъ солнцемъ дней, когда сокъ циркулируетъ съ большою интенсивностью въ жилахъ и маленькихъ цвѣткахъ и большихъ деревенъ?

* * *

Человѣкъ—даръ земныхъ твореній, однако онъ не является вполне разобщеннымъ, отдѣленнымъ отъ своихъ предковъ и вовсе онъ ужъ не такъ разуменъ. Напротивъ, природа человека очень разнообразна. Изъ 1.400 милліоновъ человѣкъ, населяющихъ весь земной шаръ (которые рождаются каждую минуту для того, чтобы природа успѣла произвести въ день около ста тысячъ человѣкъ), сколько изъ нихъ лишены всякаго разумнаго творчества?

Въ самомъ дѣлѣ, не только въ дикихъ странахъ, не только среди племенъ центральной Африки, среди самоѣдовъ или жителей Огненной Земли, но и среди народовъ культурныхъ племъ милліоны людей живутъ въ невѣдѣніи, зачѣмъ они существуютъ въ этомъ мірѣ, не задаваясь вопросомъ ни о собственной судьбѣ, ни объ исторіи человѣчества или исторіи планеты, не зная, гдѣ они находятся, и не безпокоясь объ этомъ — однимъ словомъ живутъ совсѣмъ какъ животныя. Людей думающихъ и живущихъ умственной жизнью очень немного. Однако ихъ число возрастаетъ со дня на день. Чувство научной любознательности пробуждается и развивается. Прогрессъ, появившійся благодаря медленному усовершенствованію чувствъ и мозга у цѣлой серіи животныхъ, продолжается въ насъ, когда-то грубыхъ и жестокихъ варварахъ, теперь уже болѣе чувствительныхъ, болѣе нѣжныхъ и болѣе разумныхъ. Человѣкъ измѣняется, можетъ-быть, скорѣй, чѣмъ другіе виды. Тотъ, кто вернулся бы на землю черезъ сто тысячъ лѣтъ, не узналъ бы человѣчества.

Уже теперь, если мы сравнимъ одинъ изъ бульваровъ Парижа, залу Оперы во время блестящаго представленія, бала или концерта, засѣданіе научнаго общества, маневрирующію

армію и т. д. съ примитивными собраніями нашихъ предковъ, каменнаго вѣка, мы увидимъ существованіе прогресса въ нашей эпохѣ не только морально, но и физически. Это ужь не прежніе мужчины и женщины. Появилось изящество тѣла, утонченность ума. Мускулы менѣе сильны, зато нервы стали болѣе развиты. Современные люди стали меньше ростомъ и не такъ грубы; незамѣтно мозгъ завладѣлъ всеѣмъ. Современная женщина болѣе художественна и болѣе изящна; кромѣ того, цвѣтъ ея кожи ибѣжитъ, чѣмъ у мужчины, волосъ длинны и шелковисты, взоръ болѣе ясенъ, а рука мала. Время отъ времени варварскія нашествія все разрушаютъ и все останавливаютъ, замедля ходъ прогресса. Но это является только временной задержкой, налетѣвшимъ вихремъ. Въ общемъ все стремится безсознательно къ лучшему, къ идеалу, къ мечтѣ. У человѣчества нѣтъ опредѣленной цѣли, но появляется стремленіе, которое увлекаетъ его въ духовную жизнь, все болѣе развивающуюся и никогда не удовлетворяющую. Черепъ формируетъ мозгъ, а тѣло формируетъ умъ.

Работа развиваетъ тѣ мускулы, которые нужны для ея исполненія; тѣ же, которые при этомъ бездѣйствуютъ, атрофируются. Можно судить о нравахъ эпохи по сложенію человѣка. Хотя и въ наши дни можно еще съ увѣренностью сказать, что „сила властвуетъ надъ правомъ“, но люди настолько ужь развились, что понимаютъ всю ложность этого утвержденія. Придетъ день, когда не будетъ больше ни армій, ни войнъ, когда человѣкъ будетъ стыдиться работать на содержаніе полковъ, и когда Франція, Европа и весь освобожденный міръ вздохнетъ свободно, стряхнувъ съ себя эту язву, цѣлѣность и позоръ, которые называются военнымъ бюджетомъ.

Но не только тотъ, кто возвратился бы на землю черезъ сто тысячъ лѣтъ, не узнаетъ болѣе человѣчества, но и языкъ будетъ ужь совершенно иной, чѣмъ все наши теперешніе языки. Не удѣлветъ ни одна нація, ни одна столица. Блестящая цивилизація осѣнитъ центральную Африку. Европа пройдетъ черезъ Америку, чтобы подать руку Китаю. Воздухъ будутъ разрѣзать воздушные корабли, благодаря которымъ уничтожатся все границы и свобода распространится на Соединенные Штаты Европы и Азіи. Будутъ открыты новыя физическія и естественныя силы... И можетъ-быть, даже какіе-нибудь свѣтовые телеграфы, съ помощью которыхъ мы могли бы переговариваться съ сосѣдними планетами.

* * *

Земля безпрестанно измѣняется, но медленно, потому что жизнь ея длинна, но вѣчна. Мы видимъ, какъ море подымается

утесы и проныкаютъ благодаря этому въ глубь земли; рѣки, наоборотъ—наносить песокъ, образуя дельты и лиманы, и приближаютъ свои берега къ морю; дожди и вѣтры разрушаютъ горы, унося ихъ въ рѣки и океанъ; подземныя силы находятся въ постоянномъ дѣйствіи; вулканы разрушаются и создаются; морскія теченія и атмосфера смягчаютъ климатъ; времена года періодически измѣняются; растенія видоизмѣняются не только благодаря культивированію ихъ человѣкомъ, но и благодаря измѣненіямъ стихій; птицы въ городахъ строятъ теперь свои гнѣзда изъ остатковъ производства; города возникаютъ, живутъ и умираютъ; вѣчное и удивительное движеніе охватываетъ все на своемъ пути.

Въ очаровательные часы вечера, когда мы бѣжимъ отъ шума міра на склоны одинокихъ холмовъ для того, чтобы любоваться таинственными явленіями природы въ тотъ часъ, когда солнце спускается на свое ложе изъ пурпура и золота; когда по лазуревому океану, какъ небесная ладья, скользитъ полумѣсяцъ; когда первыя звѣзды зажигаются въ безконечности—тогда намъ кажется, что все вокругъ насъ погружается въ абсолютный покой, и природой начинается овладѣвать глубокій сонъ. Но видъ этотъ обманчивъ, такъ какъ природа никогда не отдыхаетъ, и въ ней вѣчно идетъ гармоническая живая работа. Земля кажется намъ неподвижной: она насъ уноситъ въ пространство со скоростью въ двадцать шесть тысячъ пятьсотъ милліоновъ въ часъ, т.-е. въ 1.100 разъ скорѣе курьерскаго поѣзда; луна кажется остановившейся: она слѣдуетъ за нами во время нашего пути вокругъ солнца и вертится вокругъ насъ со скоростью болѣе тысячи метровъ въ секунду, оказывая своимъ протяженіемъ, сжигая свое дѣйствіе на нашу землю, то приближая, то отдаляя ее, вызывая морскіе приливы и т. д.; звѣзды представляются намъ какъ бы прикрѣпленными неподвижно на небѣ: каждая изъ нихъ движется съ головокружительной, непостижимой скоростью, пробѣгая до двухъ и трехсотъ тысячъ милліоновъ въ часъ; солнце кажется намъ заходящимъ: оно горитъ вѣчно, не зная ночи. Обволакиваемое сильнымъ блескомъ, оно изливаетъ непрерывно вокругъ себя вѣспышки сѣта и теплоты, огненные взрывы, поднимающіеся на четыре и пятьсотъ тысячъ километровъ высоты и падающіе снова въ видѣ пламени пожара на солнечный океанъ, вѣчно горящій. Рѣка у нашихъ ногъ спокойна, какъ зеркало: она бѣжитъ и бѣжитъ, непрерывно унося въ океанъ дождевую воду, падающую изъ облаковъ, образующихся изъ паровъ океана; трава, на которой мы сидимъ, кажется мертвымъ ковромъ, на самомъ дѣлѣ она всходитъ, растетъ и днемъ и ночью, ни минуты не

отдыхая; молекулы водорода, кислорода и угольной кислоты сражаются и борются въ ней или соединяются для вѣчной дѣятельности. Птицы умолкаютъ въ лѣсахъ: подъ теплымъ пухомъ насѣдки лежатъ яйца, изъ которыхъ подъ вліяніемъ теплоты скоро выведутся маленькія птички. И мы сами, мечтающіе и любующіеся великимъ зрѣлищемъ природы, воображаемъ, что отдыхаемъ, и что во время нашего собственнаго сна природа отдыхаетъ въ насъ: заблужденіе, глубокое заблужденіе, такъ какъ наше сердце бьется непрестанно, направляя каждымъ біеніемъ кровь по артеріямъ до самыхъ конечностей; наши легкія безпрерывно перерождаютъ эту жизненную жидкость, составныя молекулы каждаго миллиметра нашего тѣла, которыя сталкиваются, нарастаютъ, соединяются, отталкиваются, возобновляются, ни минуты не медля, и если мы можемъ изучить въ микроскопъ ткани нашихъ организмовъ, нашихъ мускуловъ, нашихъ нервовъ, нашей крови, нашего костнаго мозга, значить, мы присутствуемъ при постоянной внутренней работѣ, наполняющей и днемъ и ночью каждую точку нашего существа съ момента зарожденія и до послѣдняго вздоха. Послѣ этого, когда душа уносится, это тѣло возвращается къ земной природѣ молекула за молекулой, къ растеніямъ, къ животнымъ и людямъ, которые послѣдуютъ за нами: ничего не пропадаетъ въ природѣ, ничто не создается; мы построены изъ прака нашихъ предковъ, наши внуки будутъ созданы изъ нашего прака.

Все измѣняется и преобразовывается. Вселенная вѣчно творитъ. Новое бытіе закигается въ небесахъ, агоніи замираютъ вокругъ старыхъ солнцъ, и кладбища разрушенныхъ планетъ циркулируютъ въ глубинѣ звѣздныхъ ночей. Блуждающія изъ системы въ систему кометы разсѣваютъ на своемъ пути падающія звѣзды, пепель разрушенныхъ мировъ и метеоры — сѣмена будущихъ организмовъ. Каждая планета имѣетъ свое дѣтство, юношество, зрѣлый возрастъ, старость и смерть. Настанетъ день, когда путешественникъ, блуждая на берегахъ Сены, Темзы, Тибра, Дуная, Гудзона, Новы, будетъ искать мѣста бывшихъ столицъ Парижа, Лондона, Рима, Вѣны, Нью-Йорка, С.-Петербурга—этихъ столицъ цвѣтущихъ націй, которыя блистали въ теченіе столькихъ вѣковъ — такъ же, какъ теперь археологи разыскиваютъ исчезнушіе города Нинивію, Вавилонъ, Тиръ, Сидонъ, Мемонсъ, Екбатану, въ которыхъ царили некогда роскошь, удовольствіе и жизнь. Настанетъ день, когда человѣческій родъ, много разъ преобразованный, дойдетъ, наконецъ, до предѣла своего развитія, остановится на цемъ, начнетъ затѣмъ вымѣрять съ послѣдними жизненными элементами пла-

исты п заснеть послѣднимъ сномъ на землѣ, отнынѣ пустынной и одинокой, на которой не раздастся уже больше пѣсня птицы и не зацвѣтетъ ни одинъ цвѣтокъ, не подуетъ вѣтеръ и не потечетъ вода. Послѣдніе снѣга и льды покроютъ бѣлымъ саваномъ всю землю отъ полюсовъ до экватора. И наше громадное, могущественное, красное, доброе солнце угаснетъ также въ центрѣ нашей системы. Ни одна могила, ни одинъ надгробный памятникъ не отмѣтитъ того мѣста, гдѣ жило человечество столько могущественныхъ націй, гдѣ смѣняли другъ друга слава, работа, счастье и несчастье... да на самомъ дѣлѣ этого мѣста и не существуетъ, потому что земля съ тѣхъ поръ, какъ она родилась, носится водоворотомъ вокругъ солнца, которое двигается, въ свою очередь, само со всей своей системой среди звѣздъ. Эта земля, на которой мы живемъ, не движется по одному и тому же пути, и воздушный путь, пробѣгаемый нами въ теченіе часа, этотъ путь въ двадцать шесть тысячъ пятьсотъ миль закрывается за нами, чтобы уже никогда больше не открыться намъ!

Высшій законъ прогресса правитъ всѣмъ и захватываетъ все. Мы и не думаемъ объ этомъ, однако подвигаемся впередъ быстро; не огорчаясь нѣкоторыми эпохами, во время которыхъ прогрессъ ослабываетъ. Мы должны быть довольными пройденнымъ путемъ. Что значить два, три вѣка въ исторіи? Шесть, восемь, десять поколѣній—это одинъ день?

Вся исторія земли является самымъ великолѣпнымъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ закона прогресса, представляющагося нашему наблюденію. Она, такъ сказать, является самимъ прогрессомъ, олицетворяющимъ жизнь отъ минерала до человѣка. Наша планета произошла изъ безформенной туманности, которая постепенно сжалась въ шаръ. Эта газообразная туманность гораздо менѣе плотная, чѣмъ воздухъ, которымъ мы дышимъ; этотъ огромный вѣтряный шаръ состоялъ изъ газа, конечно, первоначально однороднаго, болѣе легкаго, чѣмъ водородъ. Благодаря взаимному тяготѣнію всѣхъ молекулъ къ центру—вслѣдствіе чего произошло постепенное ихъ сжатіе—благодаря тренію и превращенію этого центростремительнаго паденія въ теплоту, произошли первыя химическія соединенія; изъ этого развитія теплородной силы произошли сложныя и различныя дѣйствія силъ природы, вытекающія однѣ изъ другихъ, какъ, напримѣръ, электричество. Все это привело къ образованію первыхъ элементовъ—водорода, кислорода, азота, натрія, желѣза, кальція, кремня, алюминія, магнія и различныхъ другихъ минераловъ, которые все кажутся образованными геометрически, какъ будто бы представляя изъ себя составныя части

первоначальнаго элемента, въ которомъ водородъ сгустился первымъ.

Минеральныя породы раздѣлялись постепенно.

Эти самыя вещества составляли нашу первоначальную планету, когда она еще горѣла какъ звѣздная туманность; кислородъ, водородъ, натрій горѣли, какъ палящіе огни, такъ же, какъ теперь они горятъ въ огняхъ солнца; они представили изъ себя совсѣмъ другія соединенія, послѣ того, какъ земля погасла и перестала быть горячей звѣздой. Огонь превратился въ воду. Физически огонь и вода являются противоположностями, химически — они одинъ и тотъ же элементъ. Океанъ, катящій свои волны вокругъ земнаго шара, образовавъ изъ водорода, кислорода и натрія.

Наблюдатель въ пространствѣ могъ видѣть, какъ наша земля сначала горѣла въ видѣ блѣдной туманности, сіяла какъ солнце, затѣмъ превратилась въ красную звѣзду, въ темную звѣзду, измѣняла свой блескъ, теряла постепенно свой свѣтъ и свою теплоту и пришла, наконецъ, въ то состояніе, въ которомъ находится теперь Юпитеръ.

Земля уже вертѣлась вокругъ себя и вокругъ солнца. Когда же температура рожденія понизилась, когда атмосферическіе пары сгустились, когда первозданное море распростерлось вокругъ всего земнаго шара, тогда въ нѣдрахъ жизненныхъ проявленій земнаго дѣтства, среди блесковъ молніи и раскатовъ грома въ тепловатыхъ и плодотворныхъ водахъ образовалось первое вещество — протоплазма, составленная изъ углерода, водорода, кислорода и азота, первоначально минеральная, но уже надѣленная первыми зачаточными признаками чувствительности. Протоплазма эта плаваешь еще и теперь въ глубинѣ моря въ видѣ плодотворнаго студня, изъ котораго образуются растительныя и животныя существа.

Изъ этого соединенія углерода, полутвердаго, полужидкаго, вязкаго, тягучаго, покорнаго, подвижнаго и измѣняющагося произошли первоначальныя клѣточки; благодаря простымъ сдѣланиямъ клѣточекъ произошли первобытныя водоросли и первые двухлопастныя организмы: зоофиты, кораллы, губки, медрепоры. Первые животныя были тѣ же растенія, только безъ корней.

Благодаря вѣковому усовершенствованію органическихъ свойствъ планеты, благодаря послѣдовательному развитію нѣкоторыхъ зачаточныхъ органовъ, жизнь улучшилась, обогатилась и усовершенствовалась. Во время первозданной эпохи не было никого, кромѣ беспозвоночныхъ животныхъ, плававшихъ еще въ тепловатыхъ водахъ первоначальныхъ морей. Къ

концу этой эпохи, въ девонскомъ періодѣ, появляются первыя рыбы съ хрящами; рыбы съ костями появляются значительно позднѣе. Во время каменноугольнаго періода появляются первыя амфибіи и неповоротливыя пресмыкающіяся.

Изъ нѣдръ воды поднимаются острова и покрываются пышной растительностью: это эпоха грандіозныхъ лѣсовъ каменноугольнаго періода. Но царство животныхъ еще очень бѣдно. Въ теченіе миллионовъ лѣтъ всѣ жители земли были глухи и нѣмы; первыя животныя, появившіяся на земномъ шарѣ и представляющія теперь изъ себя низшіе типы животныхъ, были всѣ лишены голоса, который появляется только въ серединѣ періода вторичнаго, а слухъ усовершенствуется гораздо позднѣе. Въ теченіе многихъ лѣтъ животныя и растенія были также бесполомы. Первоначальное развитіе этихъ органовъ было очень бѣдно и неопредѣленно. Все рождается изъ яйца даже и теперь. Но постепенно жизнь шествуетъ впередъ и совершенствуется.

Скоро уже царство животныхъ дѣлается разнообразнымъ и многочисленнымъ. Пресмыкающіяся развиваются, крыло уноситъ птицу въ воздухъ; первыя млекопитающіяся, сумчатыя, населяютъ лѣсъ.

Во время третичнаго періода змѣи совершенно отдѣляются отъ земноводныхъ и теряютъ свои лапы (первоначальныя спайки которыхъ видны и сейчасъ); появляются также пресмыкающіяся птицы, археоптериксъ, предки обезьянъ развиваются на континентахъ одновременно со всѣми мощными видами животныхъ. Но человѣческая раса еще не существуетъ. Наконецъ на землѣ загорѣлся умъ человѣка, который все созерцаетъ, все чувствуетъ, обдумываетъ, размышляетъ. Въ исторіи планеты человѣкъ является первымъ звеномъ между природой и Богомъ.

Каждый пластъ земли на поляхъ и въ лѣсахъ, на склонахъ горъ и въ глубинахъ долинъ, каждая глыба камней въ каменноломняхъ, каждый осадокъ моря или рѣки показываетъ намъ медленную послѣдовательность эпохъ въ природѣ и въковое твореніе земной жизни. Еще не такъ давно вѣрили, что міръ былъ сотворенъ буквально въ шесть дней и писатели, какъ, напримѣръ Bernardin de Saint-Pierre, вмѣстѣ съ другими серьезно думали, что существа, останки которыхъ мы находимъ теперь въ нѣдрахъ земли, вовсе не жили. Они полагали, что міръ могъ быть сотворенъ совсемъ старымъ. Лѣса появились въ полномъ расцвѣтѣ, укрывая подъ своею сѣнью животныхъ—животныхъ, не имѣющихъ также своего дѣтства; хищныя птицы раздирали туши животныхъ, еще не успѣвшихъ жить. „Они видѣли въ этомъ молодость, продолжавшуюся одно утро и драхлость,

наступавшую по прошествіи дня“. Какое различіе между этой жалкой теоріей зарожденія міра и той теоріей, которая изложена выше. Если считать только жилия подь открытымъ небомъ въ промежуткахъ океаническихъ наводненій, то получится, что жители Лондона представляютъ изъ себя второе населеніе этой страны, царикапе — третье, австрійцы въ Вѣнѣ были предшествуемы только тремя видами существъ, принадлежавшихъ, такъ сказать, къ тремъ различнымъ твореніямъ.

Геологическіе пласты земного шара, которые мы переворачиваемъ теперь, какъ листы кнѣги, доказываютъ намъ послѣдовательность ископаемыхъ животныхъ. Виды развиваются постепенно, какъ вѣтви одного и того же дерева. Они происходятъ отъ одного источника; связаны между собою, какъ кольца одной и той же цѣпи; принадлежать одному и тому же порядку вещей; они осуществляютъ ту же программу.

Такова была физическая жизнь земли съ самаго ея рожденія отъ солнца до появленія разума, ума и сознанія. Такъ же, конечно, приготавливались въ безконечности зародыши человечества; такимъ образомъ зарождались на всѣхъ мірахъ живыя формы разума, безъ которыхъ небо было бы только бессознательной бездной.

* * *

Вселенная началась чисто *механическимъ* дѣйствіемъ, благодаря дѣятельности туманности, движенію атомовъ и всемірному тяготѣнію. Теплота, свѣтъ, электричество, образование молекулъ положили начало физическому состоянію планеты, во время котораго она уже вышла изъ своей колыбели-туманности. Соединенія, сродство обращаютъ ее въ состояніе химическое. Всѣ условія для жизни, слѣдовательно, были приготовлены.

За этими тремя вѣтками, вытекающими одни изъ другихъ, послѣдовалъ органическій вѣкъ, происшедшій вполне естественно изъ предшествующаго ему вѣка.

Со дня, когда, благодаря развитію самого земного бытія, условія жизни были подготовлены, протоплазмѣ было уже не трудно превратиться въ химическій продуктъ и подчиниться опредѣленнымъ условіямъ. И съ того дня, когда появилась жизнь съ ея характерной особенностью вѣчнаго воспроизведенія, она должна была распространиться и умножиться на всей поверхности міра.

Начиная съ этой эпохи, наша планета видоизмѣнилась. До сихъ поръ на ней царилъ міръ минеральный, глухой, нѣмой, слѣпой, бессознательный. Теперь на ней появилась жизнь и

первые неопредѣленные зародыши чловѣка обнаруживаются въ образованіи первыхъ организмовъ, развиваются и озаряются и достигаютъ, наконецъ, благородныхъ ступеней разумнаго и моральнаго міра.

Такимъ образомъ, по заключеніямъ пнѣйшей науки, мы можемъ думать, что жизнь на землѣ началась благодаря протоплазмѣ, этой простой химической субстанціи, немного болѣе совершенной, чѣмъ ея первородное вещество и надѣленной свойствомъ поглощенія той жидкости, въ которой она плавааетъ, и свойствомъ размножаться внутренно.

Мы присутствуемъ затѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи протоплазмы; мы видимъ, какъ она образуетъ инфузорій, микробовъ, зоофитовъ, растенія; пока безъ головы, членовъ, смысла, органовъ и пола. Позднѣе появляется рудиментарный органъ нервной системы: черви, моллюски и т. д.; затѣмъ постепенно образуются голова, глазъ, ухо и мозгъ. У первыхъ рыбъ нѣтъ еще позвоночнаго столба. Амфібій и пресмыкающихся усовершенствуютъ проявленіе жизни, но какъ медленно! Милліоны и милліоны годовъ необходимы для образованія одного только органа. Все-таки постепенное развитіе жизни доказываетъ величественное единство плана; вѣковое генеологическое дерево, всѣ вѣтви котораго являются сестрами. Ничего нѣтъ, кромѣ протоплазмы, углерода, воды, воздуха, которые дѣйствуютъ, измѣняются сообразно условіямъ существованія, и живыя существа пріобрѣтаютъ постепенно сильно выраженную индивидуальность.

Итакъ, теперь, кажется, нѣтъ существенныхъ пробѣловъ въ представленіи о естественномъ созданіи вещей и существъ. Значитъ ли это, что такая мысль атеистична и матеріалистична? Нѣтъ. Вѣра въ существованіе Бога и безсмертность чловѣческой души не можетъ быть разрушена этими теоріями, о которыхъ мы только что сейчасъ говорили: напротивъ, знаніе приведетъ скорѣй къ сомнѣнію въ существованіи матеріи; по крайней мѣрѣ, мы можемъ быть увѣрены, что вселенная матеріальная совсѣмъ не та, какой она намъ кажется: видимый міръ составленъ изъ невидимыхъ атомовъ, управляемыхъ силами не матеріальными.

Что касается меня, то я не хочу защищаться отъ обвиненія въ атеизмъ, потому что я давно уже написалъ специально по этому поводу сочиненіе, которое такъ и называется „Богъ въ природѣ“. Но эти обвиненія бросаютъ такъ легко въ лицо ученыхъ наиболѣе почтенныхъ, что не будетъ лишнимъ объявить отъ ихъ имени, что можно быть спиритуалистомъ и признавать ученіе о естественномъ трансформизмѣ—твореніи

человѣка и жизни на землѣ. Это вовсе не значитъ также, что среди ученыхъ нѣтъ вовсе атеистовъ (многіе изъ нихъ объявляютъ это вполне искренно). Но это скорѣй дѣло личныхъ чувствъ; независимая наука стоитъ выше ихъ. Въ дѣйствительности наука вовсе ни матеріалистична, ни спиритуалистична, она даже не понимаетъ этихъ словъ, которыя не записаны въ книгу природы; наука ищетъ, наука изучаетъ, въ этомъ заключается ея благородство и величіе; она свободна отъ всѣхъ сектъ и отъ всѣхъ партій. Ея высшее назначеніе просвѣщать насъ все болѣе и болѣе, повышать насъ безпрестанно въ познаніи правды, заставлять насъ любить въ природѣ ея законы и силы, сущность которыхъ всегда таинственна въ области незримаго и безконечнаго.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

На нашемъ вечернемъ небѣ царить блѣдная звѣзда, сіяющая своею чистой красотой. Она царила также и въ дни, когда у голубыхъ волнъ, омывающихъ берега Лаціума, молодой Эней повѣрялъ ей судьбу возникающей Италіи, а также и тогда, когда Клеопатра, возлежавъ на пурпурѣ своего корабля, требовала у нея раздѣленія царства міра. Когда солнце скрывается въ нѣдрахъ своего огненного ложа, зажигается блуждающій огонь этой звѣзды, какъ далекій небесный маякъ, и въ прозрачномъ эфирѣ родится и блистаетъ нерукотворный свѣтъ. Ахъ, какъ мифологія вѣрно изобразила ее въ своихъ нѣжныхъ символахъ! Развѣ Венера не свѣтлая богиня утренней зари, поднимающаяся изъ нѣдръ водъ? Развѣ она не является въ сумеркахъ естественной наперсницей юныхъ сердецъ, бьющихся молодымъ трепетомъ жизни? Развѣ Меркурій, плавающий такъ быстро, такъ своенравно по сторонамъ Солнца, не является вѣстникомъ Аполлона и его небеснаго двора, нѣжнымъ образомъ бога исканій и судьбы? Развѣ Марсъ, это красное свѣтило, со своими лучами представляющій изъ себя одну изъ тѣхъ звѣздъ, которыя, какъ полагаютъ, управляютъ судьбами людей, не является угрозой, парящей въ вышинѣ и заставляющей думать о крови, пролитой во время сраженій? Развѣ спокойный, громадный, величественный лучезарный Юпитеръ не является властителемъ міра? Развѣ медленный, блѣдный, повидимому, менѣе теплый, болѣе грустный Сатурнъ не является

символомъ старости, времени и судьбы? Да, небесная мифологія вмѣстѣ съ тѣмъ астрономія, которая входитъ во все то, чѣмъ мы живемъ, не сознавая этого, съ начала міра.

Чувства, внушенные зрѣлищемъ природы, небомъ, моремъ, горами, свѣтомъ и тѣнью, шумомъ и тишиной, проявлялись въ живыхъ формахъ, въ олицетвореніяхъ, которыя кажутся намъ теперь мертвыми, заключенными въ холодныхъ аллегоріяхъ, но которыя являются богатыми и искренними проявленіями внутреннихъ впечатлѣній. Все было наполнено жизнью, все одушевлялось, и человѣкъ вѣрилъ, что живетъ среди цѣлой толпы боговъ, которые слышали его, видѣли, говорили съ нимъ, которые поддерживали съ нимъ вѣчный обмѣнъ чувствъ. Эти боги существовали не для самихъ себя, такъ же какъ у благочестивыхъ буддистовъ, мусульманъ и другихъ, но они существовали и всегда существуютъ въ человеческой мысли какъ ея отраженіе. Всегда пріятно услышать шумный родникъ въ глубокой тишинѣ лѣса, журчаніе ручейка, шорохъ вѣтерка, лепетъ листвы, пѣсню птицы; мы любимъ созерцать далекій горизонтъ моря и обширныхъ равнинъ, наблюдая ихъ съ высоты горы, или долины, вечеромъ благоухающія цвѣтами, и всегда мы это связываемъ съ нашими самыми душевными впечатлѣніями, вопрошаемъ ихъ объ великой тайнѣ существованія вещей. Три тысячи лѣтъ тому назадъ Гомеръ думалъ такъ же, какъ и каждый изъ насъ, прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ, когда написалъ въ Илиадѣ:

„Роскошныя звѣзды горятъ въ небѣ вокругъ свѣтоносной луны. Ни вздоха вѣтерка; вдали видны холмы. Крутые склоны и небольшие долины, безконечный эоиръ открывается во всемъ своемъ великолѣпіи. Всѣ звѣзды появляются и пастухъ ликуеть въ своемъ сердцѣ“.

Гомеръ не одинъ разъ былъ этимъ пастухомъ, который, сидя на склонѣ долины и затерявшись въ мракѣ тихой ночи, чувствовалъ, какъ его душа бьется въ унисонъ съ спокойной безмѣрностью природы.

Нѣкоторые скептическіе умы, неспособные воспринимать всѣ чувства такъ же, какъ и всѣ чистыя душевныя волненія, осмѣливаются иногда утверждать, что все это является туманными идеями, мечтами воображенія и ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ матеріи и алгебры. Это ложная оцѣнка дѣйствительности. Самые положительные умы, умѣющіе чувствовать, чувствуютъ такъ же, какъ Гомеръ и Виргилій. Современный философъ, котораго не обвинять, конечно, въ большой склонности къ поэзіи, позитивистъ Литрэ, ссылается по поводу астрономіи и безконечности на стихи Ламартина:

Esprit de l'homme, un jour sur ces cimes glacées
Loin d'un monde oublié quel souffle t'emporta?
Tu fus jusqu'au sommet chassé par tes pensées
Quel charme ou quelle horreur à la fin t'arrêta *).

и добавляетъ: „то, что увлекло Ламартина на ледяныя вершины и заставило чувствовать и выражать совѣсть по новому таинственнымъ красоты природы, это была, какъ это не покажется страннымъ, наука или, подъ другимъ названіемъ, обширная сокровищница знанія міра“.

Амперъ, обладающій не менѣе позитивнымъ, чѣмъ трудолюбивымъ, умомъ, восклицаетъ:

Heures de poésie, heures trop tôt passées
Que l'étoile du soir m'apporte avec la nuit,
Oh! ne me quittez sans porter quelque fruit,
Sans éveiller en moi quelques nobles pensées **).

Созерцаніе неба будить въ насъ всегда „благородныя мысли“, оно приноситъ въ часы одиночества благотворную безмятежность, глубокую ясность, и когда, какъ въ это очаровательное время года послѣ весны, звѣзда Венера горитъ со всей яркостью, сопутствуемая своими небесными сестрами, невозможно не чувствовать, какъ растворяешься въ безконечности какъ наши сердца бьются въ унисонъ съ великимъ бытіемъ, и мы превращаемся въ частицу небесной гармоніи.

Мы приобщаемъ тишайшую звѣзду къ нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ, къ нашимъ внутреннимъ переживаніямъ; мы ее одушевляемъ въ нашихъ мысляхъ; охотно грустимъ, когда она отсутствуетъ; мы не въ силахъ забыть ее и говоримъ объ ней какъ объ существѣ, о которомъ скучаемъ: „звѣзда можетъ скрыться за облаками, но всегда будетъ горѣть какъ неугасимый свѣточъ въ моемъ сердцѣ сладкое воспоминаніе объ ея красотѣ“.

Это непосредственное, инстинктивное и естественное впечатлѣніе. Оно развивается, оно вырастаетъ, оно пополняется, когда его озаряетъ свѣтъ современной науки. Потому что скоро, сидя на краю холма, погружившись весь въ созерцаніе Венеры, слѣдя затуманеннымъ взоромъ за ея постепеннымъ и тихимъ пониженіемъ къ далекому горизонту, наша просвѣщенная мысль уносится дальше нашего зора; она уже не

*) Какое вдохновеніе уноситъ умъ человѣка на эти ледяныя вершины, далеко отъ забытаго міра. Твоя мысль вознесла тебя на самую вершину. Какое очарованіе или какой ужасъ тебя, наконецъ, остановить.

**) Часы поэзіи, часы скоро проходящія, которые вечерняя звѣзда приноситъ мнѣ съ ночью, о, не покидайте меня, не принеся какого-нибудь плода, не пробудивъ во мнѣ нѣсколько благородныхъ мыслей.

видѣть больше только свѣтлую точку, какъ это видѣли глаза, теперь уже умершіе, пастырей Халдеи, первосвященниковъ Египта, жриць Аонпъ и Рима; мысль не привѣтствуетъ ее болѣе какъ Венеру, которая увлекла нимфу Эгерію въ лѣсу Нума, или какъ ту, которую прославляли фрески Помпеи во дни упадка первобытныхъ легендъ; она видитъ гораздо дальше и лучше: она знаетъ, что эта точка представляетъ изъ себя міръ, подобный тому, на которомъ живемъ мы, такого же объема, вѣса, немного болѣе близкій къ солнцу, немного болѣе быстрый въ своемъ движеніи, немного болѣе неровный въ смѣнѣ своихъ временъ года, но похожий на нашъ своимъ близкимъ сосѣдствомъ, своей окружающей атмосферой, своими горами, своими днями и ночами и, конечно, своей неизвѣстной жизнью, которая должна была развиться на его поверхности, какъ и на землѣ. Да, намъ трудно избавиться отъ естественнаго предположенія, что похожія по ихъ положеніямъ въ семьѣ Солнца, Венера и Земля являются также двумя мірами, похожими и по роли ихъ во вселенной. Эта небесная страна тяготеетъ, какъ и наша, къ одному и тому же солнцу; насъ освѣщаетъ одинъ и тотъ же свѣтъ, одна и та же теплота согрѣваетъ насъ, одно и то же притяженіе поддерживаетъ и колеблетъ насъ въ пространствѣ. Каково бы ни было состояніе Венеры, каковъ бы ни былъ видъ существъ, обитающихъ на ней, челоѣчество Венеры—если, какъ утверждаютъ всѣ законы космогоніи, оно дѣйствительно существуетъ на поверхности этой сосѣдней земли,—является намъ родственнымъ; сквозь прозрачную безмѣрность, раздѣляющую насъ, мы угадываемъ его и... почти что ищемъ взоровъ, которые бы отвѣчали намъ.

Можетъ-быть, тѣ же созерпанія будятъ тѣ же мысли у нашихъ сосѣдей, жителей Марса, потому что оттуда вечеромъ, послѣ захода солнца, на небѣ открывается то же зрѣлище, какъ и у насъ. Въ извѣстное время замѣчаютъ тамъ блестящую звѣзду, которая царитъ величественно на западномъ горизонтѣ. Если ее разсматривать съ помощью подзорной трубы, то можно замѣтить на ней тѣ же фазы, что и у Венеры. Конечно, созерпатели тамъ тоже рѣшаютъ вопросъ, населена ли эта бѣлая звѣзда и хотя, по всей вѣроятности, они насъ еще не открыли, мыслители допускаютъ по принципу естественной философіи, что она населена, или что она была или будетъ населена. Эта планета есть наша земля. Для челоѣчества Марса мы являемся „вечерней звѣздой“. Такъ какъ, примитивный языкъ всѣхъ живыхъ существъ является перо-дачей сильныхъ впечатлѣній, наша земля поситъ на языкъ Марса самыя изыщныя названія, и ей мнооологическое олице-



Еечерна вибада.

твореніе играть въ легендахъ того человѣчества очаровательную и граціозную, женственную, кокетливую роль, таинственно связанную съ самыми приятными и съ самыми душевными впечатлѣніями жизни.

Такъ передаются въ небѣ не только вліяніе свѣтилъ, но и самыя человѣческія мысли; такимъ образомъ астрономическое познаніе вселенной способствуетъ циркуляціи между мірами новой жизни, болѣе прекрасной, чѣмъ во времена античной поэзіи. Можетъ-быть, сообщенія между островами воздушнаго океана гораздо болѣе реальны, болѣе совершенны, чѣмъ мы думаемъ; можетъ-быть, наши мыслящія монады, независимо какъ отъ времени, такъ и отъ пространства не засыпаютъ никогда бесполезнымъ сномъ, но послѣдовательно овладѣваютъ небесными странами.

Глубокій взглядъ на вѣчную пропасть, высшія созерцанія звѣзднаго неба, вы одинъ дѣйствительны—все остальное не что иное, какъ тѣнь. „Полнота и верхъ счастья для человѣчества заключаются въ его стремленіи въ небеса“, говорилъ Сенека. Съ какимъ удовольствіемъ смѣется онъ среди этихъ свѣтилъ, куда летитъ его мысль, надъ мозаикой нашихъ богачей и надъ нашей землей со всемъ ся золотомъ! Для того, чтобы презирать эти портики, эти блестящіе потолки изъ слоновой кости, эти рѣки, принужденныя пересѣкать дворцы, нужно обнять весь кругъ вселенной и смотреть сверху на этотъ маленькій міръ! Вотъ, скажетъ себѣ мудрецъ, точка, которую столько націй дѣлятъ съ огнемъ и мечомъ въ рукахъ! Вотъ смертные съ ихъ смѣшными границами! Если бы дать муравьямъ разумъ человѣка, не раздѣлили бы они также четырехугольникъ сада на множество провинцій! Когда ты будешь воспитанъ на предметахъ, дѣйствительно возвышенныхъ, о которыхъ я говорю, то, увидя, какъ маршируютъ съ развѣвающимися знаменами арміи съ такимъ видомъ, какъ будто бы это очень серьезно и нужно, видя кавалеристовъ, то скачущихъ на развѣдки, то развертывающихся во фронтъ, ты не удержишься и скажешь себѣ: „это передвиженія муравьевъ, представляющія изъ себя большія движенія на маленькомъ пространствѣ“.

И какъ это вѣрно! Астрономія вдохновляла девятнадцать вѣковъ тому назадъ современниковъ Іисуса, и она же теперь вдохновляетъ насъ и заставляетъ справедливо осуждать тѣхъ, кто не можетъ понять того, что она является высокой и убѣдительною философійю.

ЗВѢЗДЫ, СОЛНЦА БЕЗКОНЕЧНАГО И ВѢЧНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ.

Въ тихій часъ полночи, когда на заснувшей землѣ умираетъ послѣдній шумъ міра и вся природа, молчаливая и созерцательная, кажется очарованной и какъ бы остановившейся въ своемъ движеніи, звѣздное небо окружаетъ насъ своимъ сіяніемъ и начинаетъ говорить нашимъ душамъ своимъ божественнымъ языкомъ.

Здѣсь восходитъ лучезарное созвѣздіе Оріона, стремящееся къ господству на небѣ; тамъ ослѣпительный Сиріусъ бросаетъ свои солнечные лучи, сверкающіе черезъ прозрачную атмосферу; выше мерцаетъ дрожащая Плеяда, прячась въ своемъ воздушномъ жилищѣ; млечный путь разливается какъ небесная рѣка, бѣгущая посреди звѣздныхъ армій, а ниже, на спокойномъ Сѣверѣ, тянется колесница Малой Медвѣдицы, сопровождаемая Волопасомъ, медленно приводящимъ въ движеніе всю сферу. Наши отцы разсматривали, какъ и мы, эти звѣзды, и, какъ мы, думали и мечтали на лонѣ этого глубокаго созерцанія. Наши кочующіе предки центральной Азіи, халдеи Вавилона шестьдесятъ вѣковъ тому назадъ, египтяне пирамидъ пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, аргонавты Золотога руна, евреи, воспѣтые Иовомъ, греки, воспѣтые Гомеромъ, римляне, воспѣтые Виргиліемъ—все эти глаза, уже давно потухшіе и закрывшіеся, изъ поклѣнія въ поколѣніе устремляли свои взоры къ этимъ небеснымъ глазамъ, вѣчно сіяющимъ и вѣчно живымъ. Земныя поколѣнія, націи и ихъ слава, троны и храмы, все исчезло въ пыли кратковременныхъ вѣковъ, но сверкающій Сиріусъ и эти Плеяды всегда бодрствуютъ, и всегда тѣ же самыя звѣзды будятъ мысли смертныхъ. Онѣ насъ ласкаютъ своими лучами, окружаютъ насъ своимъ свѣтомъ, говорятъ намъ своимъ тихимъ голосомъ, кажутся намъ таинственными и загадочными и проникаютъ съ нѣжностью въ наши души. Онѣ являются задушевными друзьями въ часы нашего одиночества, повѣренными нашихъ самыхъ сокровенныхъ мыслей, таящихся въ нашей груди. И онѣ кажутся намъ такими близкими, возможными, доступными.

Но какъ далеко воображаемое отъ дѣйствительности. Какъ глубока ночь! Какъ неизмѣримо небо! Какая бездна! Каждая изъ этихъ звѣздъ такое же солнце, какъ и освѣщающее насъ. Каждое изъ этихъ солнцъ въ тысячу разъ, въ сто тысячъ разъ, въ миллионъ разъ больше всего нашего земного глобуса,

только безмѣрное пространство, которое насъ раздѣляетъ, придасть имъ видъ маленькихъ блестящихъ точекъ. Если бы мы могли приблизиться къ какой-нибудь изъ нихъ, то наши бѣдныя тѣла обуглились бы и превратились въ парь, прежде чѣмъ достигнуть ослѣпительнаго горнила. Если бы звѣзда, наиболѣе близкая къ намъ (α въ Центаврѣ), подверглась страшному взрыву, то этотъ шумъ былъ бы слышаемъ нами черезъ три милліона лѣтъ, при нормальной скорости распространенія звука въ воздухѣ (340 метр. въ секунду).

Такимъ образомъ, наиболѣе близкіе изъ этихъ нѣжныхъ друзей обитаютъ на такомъ разстояніи, что звукъ долженъ идти въ продолженіе трехъ милліоновъ лѣтъ, чтобы преодолѣть эту бездну. Пушечное ядро, летящее съ планеты Сиріуса со скоростью звука, передающагося по воздуху, должно было бы быть выпущено пятнадцать милліоновъ лѣтъ тому назадъ, чтобы долетѣть до насъ въ настоящій моментъ, а отъ полярной звѣзды оно должно было бы прійти черезъ тридцать восемь милліоновъ лѣтъ.

Какой удивительный, чудесный апофеозъ науки! Что такое міръ Моисея, Пифагора, Гомера, Виргилія передъ панорамой современной астрономіи. Гезіодъ хотѣлъ показать величіе міра, сказавъ, что тяжесть, падающая съ неба на землю, должна употребить на это девять дней и ночей и столько же, чтобы пройти поверхность, раздѣляющую землю отъ преисподней. По этому вычисленію продолжительность паденія равняется 24 часамъ, девять разъ помноженнымъ на самихъ себя, т.-е. равняется 581.070 килом. А такъ какъ луна обращается на разстояніи среднимъ 384.400 килом., то видно, что міръ Гезіода не равняется даже двойному діаметру лунной орбиты. Эта гипотеза представляется намъ какъ бы кокономъ шелковичнаго червя, ячейкой, гдѣ могла бы задохнуться современная мысль; это микрокосмъ, которая кажется въ настоящее время игрушкой въ рукахъ астронома.

* * *

Солнце царитъ въ этой звѣздной семьѣ, отцомъ которой оно является. Всѣ главныя планеты, которыхъ восемь, вращаются вокругъ него на слѣдующихъ разстояніяхъ: Меркурій на 15 милліоновъ миль, Венера на 26 милліоновъ, Земля на 37 милліоновъ, Марсъ на 56 милліоновъ, Юпитерь на 192, Сатурнъ на 355, Уранъ на 710 и Нептунъ на миллиардъ сто десяти милліоновъ миль. Такимъ образомъ одна наша планетная система равняется болѣе чѣмъ двумъ миллиардамъ миль въ діаметрѣ. И все же эта громадная звѣздная система составляетъ лишь островъ посреди небснаго океана, островъ, окруженный

со всѣхъ сторонъ безконечными пустынями. Между этимъ островомъ и наиболее близкой звѣздной системой разстояніе почти неизмѣримо. Отъ этой планетной системы до самаго близкаго солнца можно бы помѣстить три тысячи семьсотъ системъ, подобныхъ нашей, три тысячи семьсотъ системъ, измѣряя объемъ каждой въ два миллиарда двѣсти миллионъ миль.

* * *

Но не надо думать, что и всѣ другія звѣзды располагаются на такомъ же опредѣленномъ разстояніи по концентрической сферѣ окружающей насъ. Напротивъ, Альфа Центавра, парящая за 8 триллионъ миль отсюда, наша сосѣдка. И не одна изъ другихъ звѣздъ не находится такъ близко къ намъ. Ближайшими послѣ нея являются 61-ая звѣзда Лебеда, но онѣ расположены совсѣмъ въ другомъ направленіи, потому что первая сфера принадлежитъ къ южному небесному полушарію, а вторая—къ сѣверному и разстояніе между ними въ 15 триллионъ миль.

Такимъ образомъ, наиболее близкія къ намъ солнца свѣтятъ одни на разстояніи восьми тысячъ миллиардовъ миль, другія—15 тысячъ миллиардовъ—въ различныхъ направленіяхъ; а далѣе, среди безконечной пустыни, нѣтъ ни одного извѣстнаго намъ солнца, міра, звѣзды. Можетъ-быть, историкъ вѣчнаго космоса и встрѣтитъ въ своихъ ночныхъ наблюденіяхъ остатки какого-нибудь окисленнаго солнца, потухшихъ планетъ и, можетъ-быть, эти блуждающія кометы унесутъ съ собой останки прошлаго величія міровъ, ихъ погибшую славу, потому что много уже солнцъ потухло съ основанія міра; но наши телескопы не открываютъ намъ ни одного маяка на этомъ безбрежномъ океанѣ, и вездѣ для насъ лишь черное, пустое, безмолвное и спокойное пространство. Итакъ, это самые близкіе намъ небесные міры. Скорый поѣздъ, идущій безъ остановокъ со скоростью 1 км. въ минуту, 60 км. въ часъ, 1440 или 360 миль въ день, должны итти въ продолженіе 60 миллионъ лѣтъ до перваго солнца (Центавра) и сто четырнадцать лѣтъ до втораго (Лебеда). Всѣ другія звѣзды, тихо мерцающія глубокой ночью, гораздо дальше этихъ двухъ „сосѣдокъ“. Триллионы, т.-е. тысячи миллиардовъ, вотъ единица мѣры небесныхъ разстояній, выраженныхъ въ мильхъ четырехъ километровъ.

Альфа Центавра и шестьдесятъ первая звѣзда Лебеда парятъ, первая на 8, а вторая на 15 триллионъ, и эти разстоянія достоверно извѣстны, такъ какъ цифры, получаемыя отъ ихъ параллакса, удовлетворительны и согласуются между собой.

Но чѣмъ дальше звѣзды удалены въ глубину безконечнаго, тѣмъ слабѣ ихъ параллаксъ, и отсюда менѣе достоверно измѣреніе. Предполагаютъ, что Касторъ удаленъ на 35 триллионовъ, Сиріусъ на 39, Вега на 42, Арктуръ на 60, полярная звѣзда на 100 и Капелла на 170 триллионовъ; но очень можетъ быть, что разстоянія эти и больше. Измѣренія разстояній такихъ звѣздъ, какъ Ригель, Прокционъ, Альдебаранъ, Антаръ, Фомальгаутъ и другихъ менѣе блестящихъ звѣздъ не привело ни къ какимъ результатамъ; но въ нашемъ изученіи разстоянія до этихъ звѣздъ могутъ быть разсматриваемы какъ безконечныя.

Безконечное разнообразіе заключается во внутренней природѣ звѣздъ, въ ихъ свѣтовой и теплородной цѣнности, размѣрѣ, яркости и, наконецъ, въ ихъ родѣ дѣятельности. Нѣкоторыя звѣзды значительно больше нашего солнца, другія меньше. Блестящій Сиріусъ, по фотометрическому измѣренію своего свѣта, въ 1700 или 2000 разъ больше нашего солнца. А такія маленькія звѣзды, какъ 70 звѣздъ созвѣздія Зміеносца, съ трудомъ видимыя простымъ глазомъ, всѣяты приблизительно въ три раза больше, чѣмъ вся наша солнечная система, включая и солнце. Мы не должны забывать, что всѣ эти отдаленныя солнца имѣютъ самыя разнообразныя возрасты, свѣтъ, лучеиспусканіе теплородность, электричество и магнетизмъ и притомъ, что онѣ крайне разбросаны во всѣхъ направленіяхъ и на безконечныхъ разстояніяхъ одно отъ другого. Астрономы присоединяются къ мнѣніямъ Кеплера, Ньютона и Лапласа, что многія изъ этихъ солнцъ должны быть, какъ наше солнце, центромъ планетныхъ системъ, образовавшихся ихъ лучеиспусканіемъ. Мы уже знаемъ нѣкоторыя системы, какъ, напр., Сиріусъ, около которыхъ находятся одинъ или нѣсколько спутниковъ, тяготеющихъ къ одному солнцу и слѣдующихъ тѣмъ же законамъ, которые правятъ движеніемъ земли и планетъ вокругъ нашего солнца. Кто можетъ отгадать, какія причудливыя формы существованія возникаютъ на этихъ далекихъ мірахъ, освѣщенныхъ солнцами, отличными отъ солнца, управляющаго подлуннымъ человѣчествомъ. Какой Аріостъ, какой Гете, Сведенборгъ, Данте осмѣлились бы изобразить ультра-земныя сцены, идеи, чувства, страсти, радости и печали, богатство и нищету существъ, которыя должны тамъ жить! Съ нашей маленькой земли, погруженной въ лучахъ солнца, въ силу устройства нашего глаза, даже самой темной ночью мы видимъ только шесть тысячъ звѣздъ; а если бы наша сѣтчатая оболочка имѣла бы чувствительность, увеличенную до размаха силы телескопа, то все-таки мы видѣли бы только со-

Но если нашъ глазъ вооруженъ хотя бы небольшимъ оптическимъ инструментомъ, напр., театральнымъ биноклемъ, то мы различаемъ, кромѣ звѣзды шестой величины, видимыхъ простымъ глазомъ, еще звѣзды седьмого порядка, которыхъ насчитываютъ до тринадцати миллионѣвъ.

Въ зрительную трубу мы различаемъ еще звѣзды восьмой величины, которыхъ будетъ до сорока миллионѣвъ. Такъ увеличивается количество звѣздъ по мѣрѣ того, какъ мы проникаемъ дальше въ глубь небесной сферы. Небольшая астрономическая труба открываетъ звѣзды девятой величины, число которыхъ превосходитъ 100 тысячъ и т. д. Подзорная труба или телескопъ средней силы показываетъ звѣзды двѣнадцатой величины, которыхъ приблизительно четыреста тысячъ. Здѣсь открывается уже поражающее васъ зрѣлище. Всѣхъ звѣздъ одиннадцатой величины миллионъ, и двѣнадцатой величины три миллиона. Пользуясь астрономическимъ мѣриломъ для измѣренія пространства, можно предположить, что звѣздъ тринадцатой величины не меньше десяти миллионѣвъ, а четырнадцатой не меньше тридцати миллионѣвъ. Если мы сложимъ всѣ эти цифры, то получимъ уже трудно постигаемое число въ сорокъ пять миллионѣвъ. Но это еще не всѣ звѣзды. Громадные телескопы, изобрѣтенные въ послѣдніе года, открыли звѣзды пятнадцатой величины, такъ что звѣздная статистика настоящаго времени доходитъ до ста миллионѣвъ. (Одинъ млечный путь заключаетъ восемнадцать миллионѣвъ звѣздъ). Число всѣхъ звѣздъ теперь такъ колоссально, что подавляетъ своимъ количествомъ и ничего намъ не дастъ. Сто тысячъ! На каждую звѣзду, видимую простымъ глазомъ, приходится семнадцать тысячъ звѣздъ, которыхъ мы не видимъ. Мы уже не различаемъ здѣсь больше ни созвздіей ни дѣленій. По мѣрѣ того, какъ оптическія изобрѣтенія будутъ увеличивать силу нашего зрѣнія, вся область неба покроется для насъ какъ бы золотымъ пескомъ, и когда-нибудь нашъ удивленный взоръ, поднимаясь къ этимъ неизвѣстнымъ глубинамъ, гдѣ царятъ безконечныя звѣзды, не различить ничего, кромѣ легкой ткани свѣта.

Но это только нашъ видимый міръ. Тамъ же, гдѣ кончается власть телескопа и прекращается полетъ нашихъ наблюденій, природа, безконечная и всемірная, продолжаетъ свою работу. Телескопъ доводитъ насъ до безконечнаго и тамъ оставляетъ.

Пространство безпредѣльно. Какія бы ни были границы, поставленныя нашей мыслью, наше воображеніе, долетая до нея, снова разрушаетъ ихъ. И каждый изъ насъ чувствуетъ, что ему легче представить себѣ неограниченное пространство, чѣмъ вообразить его себѣ ограниченнымъ. Дѣйствительно мы явля-

мся сынами безконечнаго, и конечное насъ не можетъ удовлетворить.

Какимъ образомъ держатся всѣ эти безчисленные солнца въ безконечномъ пространствѣ, разсыянные на такія далекія разстоянія другъ отъ друга? Они держатся равновѣсіемъ всеобщаго тяготѣнія. Каждое солнце притягиваетъ другое черезъ безконечность, и всѣ они подвергаются своему взаимному вліянію и скользятъ въ безконечномъ пространствѣ, влекомы притяженіемъ каждаго и всѣхъ. Ни одинъ атомъ въ безконечной вселенной не находится въ состояніи покоя, и всѣ звѣзды далеко не неподвижны, какъ это кажется, а, наоборотъ, все время двигаются съ ужасающей быстротой. Нѣкоторыя звѣзды, величины равной діаметру луны, перемѣщаются въ небесной сферѣ въ 265 лѣтъ, другія, такой же величины, въ 300 лѣтъ, третья — въ 400. Подобныя разнообразныя движенія совершаются во всѣхъ направленіяхъ. Кратковременность нашей жизни заставила предположить о неизмѣнности небесъ. Подобное предположеніе напоминаетъ предположеніе маленькой стрекозы, рождающейся въ двѣнадцать часовъ — чтобы умереть въ два. Она не въ состояніи допустить, что солнце зайдетъ и настанетъ ночь; для нея день вѣченъ. Но если наша личная или историческая память въ состояніи охватить достаточно длинный промежутокъ времени, то видъ небесъ потеряетъ для насъ эту неизмѣнимость; мы увидимъ постепенную дислокацію всѣхъ созвѣздій, мы увидимъ семь звѣздъ Большой медвѣдицы, медленно удаляющимися другъ отъ друга. Пятьдесятъ тысячъ лѣтъ тому назадъ онѣ имѣли видъ креста, затѣмъ колесницы и, наконецъ, въ теченіе четырехсотъ или пяти-сотъ вѣковъ онѣ расположились ломаной линіей; мы увидимъ въ созвѣздіи Оріона трехъ королей, навсегда отдѣлившихся отъ своего первоначальнаго соединенія, Прокіона, приблизившагося къ намъ, и лѣвое плечо Великана, отступившее передъ приблизившимся Телдомъ; далѣе замѣтимъ четыре конца Южнаго креста, каждый упавшій въ свою сторону. Эти движенія, наблюдаемыя нами на такомъ далекомъ разстояніи, конечно, кажутся чрезмѣрно медленными. Но въ дѣйствительности какъ ужасающа быстрота, съ какой несутся эти солнца въ пространствѣ. Полетъ нашихъ пушечныхъ ядеръ кажется движеніемъ черепахи передъ этой поразительной быстротой. Наше собственное солнце влечетъ землю и планеты къ созвѣздію Геркулеса; солнце Альфы Центавра, наоборотъ, стремится къ созвѣздію Большой собаки, а Сиріусъ удаляется отъ насъ въ сторону въ количествѣ 700.000 миль въ день, 268 милліоновъ миль въ годъ и, тѣмъ не менѣе, съ самаго

основанія пирамидъ, въ продолженіе сорока вѣковъ, что мы наблюдаемъ это великолѣпное небесное свѣтило, оно намъ не кажется уменьшившимъ свой блескъ. Звѣзда Лебедя приближается къ намъ по прямой линіи со скоростью 1.382.000 милъ въ день, болѣе 500 милліоновъ въ годъ, или 50 милліардовъ въ вѣкъ. Пушечное ядро летитъ съ ужасающей быстротой 500 метровъ въ секунду, а солнце Большой медвѣдцы, находящейся отсюда приблизительно на 85 триллионовъ, проходить въ это же время вселенную со скоростью въ 600 тысячъ разъ большею—въ количествѣ трехсотъ тысячъ метровъ въ секунду. Для ума, могущаго разорвать узкія рамки нашего пространства и времени, небо теряетъ свое спокойствіе, тишину и видимую неподвижность. вмѣсто звѣздъ мы видимъ громадные горящіе солнца, съ бушующими на нихъ бурями, оглушающими раскатами грома, издаелка электризующіе міры, которые сопровождаютъ ихъ черезъ вселенную. Повсюду царитъ жизнь, движеніе, свѣтъ и превращеніе, повсюду проявленіе гигантскихъ силъ и неистощимой энергіи.

Теперь, что такое земля и человекъ? Передъ изумленными глазами земного астронома, родившагося вчера, чтобы умереть завтра на одномъ изъ затерявшихся міровъ среди массы другихъ, звѣздный міръ представляется какъ бы вихремъ пыли въ сравненіи со вселенной безъ конца, съ вѣчностью безъ лѣтъ, дней и часовъ. Мы же составляемъ часть этого грознаго плѣлаго. вмѣстѣ съ нашимъ маленькимъ глобусомъ мы пробѣгаемъ до 26.500 милъ въ часъ, или 643.000 милъ въ день; въ то время, какъ луна вращается вокругъ насъ, Венера, Юпитеръ, Марсъ сопровождаютъ насъ, а солнце влечетъ всѣхъ къ звѣздамъ Геркулеса, а млечный путь видоизмѣняется и преобразовывается. Фактъ нашего существованія приговариваетъ насъ къ непреложному назначенію быть свидѣтелями вѣчнаго движенія вещей; одинаково, обитатели ли мы земли, планеты Сириуса или туманнаго Оріона, мы всегда будемъ находиться въ безконечности и въ вѣчности.

Астрономія одна изъ палболѣе близко затрогивающихъ насъ наукъ. Правда, она сурова, часто ужасна, но, съ другой стороны, какъ она прекрасна! Какія панорамы, какое великолѣпіе она намъ открываетъ. Она щедро разбрасываетъ передъ нами брилліанты и блестящіе камни; разнообразіе соперничаетъ въ ней съ изобиліемъ, но, какъ добрая и сострадательная богиня, она, надѣи наше слабое зрѣніе, дѣлается для насъ невидимой въ лсномъ спокойствіи небесъ.

Дѣйствительно, въ нашемъ представленіи все спокойно и неподвижно. Движеніе земли намъ кажется болѣе спокойнымъ,

тѣмъ движеніе гондолы, скользящей по каналамъ Венеціи, и никогда никто не чувствовалъ его и не почувствуетъ. Всѣ солнца такъ далеки, что для насъ они только звѣзды, а мы сами такъ малы, что можемъ спать спокойно въ нашемъ земномъ гнѣздѣ, какъ колибри, спрятавшаяся въ цвѣткѣ. Жемчужныя росы не притягиваютъ молній и не возбуждаютъ бурь. Воздушная атмосфера прикрываетъ насъ своимъ защищающимъ покровомъ. Душистое дыханіе зефира скользитъ по трепещущей листвѣ, и даже въ вѣтвяхъ, лишенныхъ своего убора, движеніе вѣтра кажется живымъ дыханіемъ. Золота арфа священной рощи—земная, тихая и скромная природа—тоже проникнута божественной гармоніей. Въ часъ, когда таинственная ночь разливается въ небѣ и мириады искръ очаровываютъ эфирныя высоты, намъ кажется, что звѣзды, эти небесныя красавицы, засыпаютъ, улыбаясь въ теплой вѣгѣ восточныхъ ночей.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ГЛУПОСТЬ.

Можетъ ли быть человѣческая глупость, разсматриваемая въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ, предметомъ научнаго наблюденія. Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно, хотя до сихъ поръ она еще не подверглась классификаціи. Человѣческая глупость слишкомъ обширна и слишкомъ сложна для того, чтобы ее можно было отнести къ какой-нибудь определенной категоріи, къ какому нибудь специальному виду. Нѣтъ сомнѣнія, что она остается до сихъ поръ внѣ строго научнаго изученія только потому, что она слишкомъ велика и всеобща. Въ этой главѣ мы не имѣемъ намѣренія обсуждать этотъ необычный предметъ во всей его полнотѣ, но хотимъ только разобрать одну изъ ея сторонъ, наиболѣе интересную, наиболѣе серьезную и наиболѣе заслуживающую вниманія: милитаризмъ 1.400 милліоновъ человѣческихъ существъ, которая населитъ маленькую безумную планету, блуждающую съ начала міра между Марсомъ и Венерой.

* * *

Человѣчество находится въ вѣчной войнѣ съ самимъ собою, никогда не задаваясь вопросомъ, зачѣмъ? Оно открываетъ вены для одного только удовольствія видѣть струящейся свою прекрасную кровь, всегда молодую и всегда обновляющуюся.

Сколько людей истребляетъ война въ столѣтіе? Офіціальные рапорты позволяютъ вычислить довольно легко число солдатъ, убитыхъ или умершихъ во время современныхъ войнъ; наиболѣе извѣстные историческіе договоры являются документами, достаточными для нашего назиданія. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ теперь, что необъяснимая французско-нѣмецкая война 1870—1871 года повлекла 250.000 жертвъ съ обѣихъ сторонъ; что безпоземная Восточная война 1854—1855 года повлекла 785.000 жертвъ, что во время краткой войны съ Италіей въ 1859 году 63.000 солдатъ пали на поляхъ сраженія или умерли въ госпиталяхъ; война Пруссіи съ Австріей въ 1866 году погубила 46.000 человѣкъ, соперничество Сѣвера и Юга Соединенныхъ Штатовъ въ 1863—1864 году принесло съ собой 950.000 смертей; мы знаемъ также, что война первой имперіи пролила кровь пяти милліонамъ европейцамъ и что съ 1815 года Франція бралась еще двадцать разъ за оружіе. Складывая цифры жертвъ войны въ теченіе одного вѣка въ различныхъ странахъ Европы, получаемъ итогъ въ 19.840.900 человѣкъ, только для странъ нашей цивилизаціи,—Европы и Соединенныхъ Штатовъ.

Съ начала исторіи войны Трои одно и то же повторялось во всѣхъ вѣкахъ: считалось почетнымъ въ нѣкоторыхъ битвахъ, гдѣ схватывались въ рукопашную съ ножами и дубинами, оставлять до двухсотъ тысячъ человѣкъ на мѣстѣ поединка. Въ качествѣ примѣра можетъ служить пораженіе Кимривъ и Тевтоновъ Маріемъ и послѣдніе подвиги Аттилы. Крестовые походы заслуживаютъ особаго уваженія болѣе за ихъ возвышенную идею, чѣмъ за ихъ цѣлесообразность. Но углубляясь въ подробности, удовлетворимся утвержденіемъ, что въ среднемъ отъ 18 до 20 милліоновъ людей убивается въ Европѣ въ столѣтіе такимъ разумнымъ учрежденіемъ какъ война. Этотъ рядъ людей (въ среднемъ тридцатилѣтняго возраста) образуетъ, если будетъ держать каждый другъ друга за руку, ленту въ 4.500 миль длиною, которая можетъ пересѣчь Европу и всю Азію: эпидемія европейскихъ войнъ пронизываетъ, какъ бы въ видѣ электрической искры, этотъ рядъ людей и убиваетъ ихъ всѣхъ на мѣстѣ; въ каждое столѣтіе появляется новая такая линия, чтобы быть снова подкошенной такимъ же образомъ и т. д.

* * *

Народы Дальняго Востока образуютъ вторую человѣческую расу, которая пролила почти одинаковое съ нами количество крови. Вспоминаются доблестные герои—Чингизъ-Ханъ и Тамерланъ, которые обозначали свой путь пирамидами изъ сру-

бланныхъ головъ. То, что мы знаемъ о пародахъ, называемыхъ варварами, развертываетъ передъ нами всю ту же картину вѣчныхъ войнъ, во время которыхъ погибаетъ только лишь отъ четырехъ до пяти милліоновъ разумныхъ животныхъ въ теченіе одного столѣтія.

Въ общемъ, минимуму сорокъ милліоновъ людей въ цвѣтѣ лѣтъ потребляется человѣчествомъ каждое столѣтіе во время ихъ непрерывныхъ войнъ, политическихъ, религиозныхъ или международныхъ.

Общая статистика доказываетъ въ то же время, что съ тронской войны, т.-е. со времени, отдѣленномъ отъ насъ тремя тысячами лѣтъ, не протекло еще ни одного года безъ того, чтобы не вспыхнула здѣсь или тамъ какая-нибудь война и чтобы не была перебита извѣстная часть человѣчества.

Подсчитывая количество убитыхъ со времени Трои, со времени Давида, который имѣлъ постоянную армію, Семирамиды, Сезострита, Ксеркса, Кира, Камбиза, и прибавляя это количество къ 40 милліонамъ солдатъ, убитыхъ во время войны съ начала нашей Азіатско-Европейской исторіи, получимъ общій итогъ тысячу двѣсти милліоновъ.

Эта цифра представляетъ почти что все нынѣшнее народонаселеніе всей земли.

Такимъ образомъ, въ теченіе приблизительно трехъ тысячъ лѣтъ, начиная съ войны фараоновъ въ Египтѣ, монгольскихъ нашествій, завоеваній Александра и т. д. и т. д., было убито почетно и официально съ пѣніемъ гимновъ или подъ бравурную музыку оркестровъ столько человѣческихъ существъ, сколько ихъ существуетъ теперь на всемъ земномъ шарѣ.

* * *

Но что значить это чѣсло?

Настаетъ день, солнце проливаетъ свой свѣтъ и свое тепло на міръ. Поля зеленѣютъ, города оживляются, села окружаются работниками. Милліоны людей живутъ и волнуются. Величіе науки разрастается подъ вліяніемъ разума; въ исторіи, въ романѣ проходятъ передъ взоромъ читателя картины различныхъ народовъ, населяющихъ міръ; промышленность видоизмѣняетъ поверхность природы, горы понижаются, долины поднимаются вверхъ, моря отступаютъ; экваторъ и полюсы сближаются, паръ упраздняетъ время, покоряетъ и овладѣваетъ морями, соединяетъ народы; электричество заставило биться въ унисонъ пульсъ общей жизни въ Европѣ и Америкѣ; жизнь изливается на поверхность земного шара свое сіяніе радостное и божественное...

Но вотъ солнце зашло, настаетъ темная ночь, зловѣщая тишина. Спускаясь съ темныхъ высотъ, появляется зловѣщая смерть, держа въ рукахъ стальную косу. Какъ ночная птица, полетъ которой вызываетъ недобрый предчувствія, она пролетаетъ, простирая руки къ четыремъ странамъ свѣта, пересекаетъ мрачное пространство и исчезаетъ въ глубинѣ: этимъ жестокимъ человѣчество останавливается въ своемъ ходѣ; этотъ переходъ могильщика заставитъ заснуть послѣднимъ сномъ все человѣчество; завтра утромъ никто изъ насъ не проснется. Солнце освѣтитъ землю мертвыхъ. Ни въ одной странѣ земного міра не останется ни одного живого человѣка, который могъ бы ее созерцать. Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ, С.-Петербургъ, Вѣна, Берлинъ, Римъ внезапно прекратятъ свое существованіе, какъ машины, у которыхъ не хватаетъ вдругъ топлива. Улицы пустыни, дома наполнены мертвыми; города и села представляютъ изъ себя кладбище...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней вѣтеръ, дующій надъ этой всемірной могилой, принесетъ въ пространство противный запахъ миллионъ разлагающихся тѣлъ; отъ пустынныхъ зданій до нѣмыхъ береговъ длинныхъ рѣкъ, отъ большихъ зараженныхъ городовъ до безмѣрныхъ полей распространится тишина, которая, какъ историкъ, сидя на развалинахъ земного шара, замретъ среди широкаго и безмѣрнаго поля мертвыхъ, среди этой простертой арміи въ 1.200 миллионъ труповъ.

Это обширное кладбище всего человѣчества можетъ дать реальное представленіе о количествѣ жертвъ войны, которыми заснули въ объятіяхъ смерти съ начала исторіи народовъ до того года, въ которомъ живемъ мы.

* * *

Сумасбродство людей этой планеты таково, что они вмѣсто того, чтобы вести спокойную, трудолюбивую, разумную и счастливую жизнь, вѣчно уничтожаютъ другъ друга, открывая вены и пуская свою лучшую кровь въ этомъ конвульсивномъ безуміи. Посмотрите на творчество человѣчества: оно выбираетъ своихъ наиболѣе сильныхъ дѣтей, вскармливаетъ грудью, воспитываетъ, заботится объ нихъ до цвѣтущихъ лѣтъ ихъ возмужалости, затѣмъ методически отдаетъ ихъ въ строй. Такъ какъ въ столѣтіи имѣется 36.525 дней, въ которые нужно убить 40 миллионъ индивидовъ, то оно не опускаетъ ни на минуту своего ножа, убивая безъ-устала 1100 человѣкъ въ день, почти по одному въ минуту, 46 человѣкъ въ часъ. Некогда терять времени, потому что если случайно оно отдохнетъ

одинъ день, то 2.200 осужденныхъ должны дожидаться своей очереди до завтра.

Вотъ чѣмъ занимаются люди. Оцѣнимъ достойно эту высокую степень разумности нѣкоторыми сравненіями.

Мечъ Марса безъ отдыха пускалъ кровь изъ венъ человѣчества. Восемнадцать милліоновъ кубическихъ метровъ уже пролито.

Сена въ Парижѣ проноситъ лѣтомъ подъ мостомъ Pont-Neuf во всю ширину около ста кубическихъ метровъ воды въ секунду; это представляетъ изъ себя силу, равную 3.500 лошадинымъ силамъ. Въ часъ она проноситъ подъ арками моста количество воды въ 36.000 кубическихъ метровъ. Въ день это составляетъ 8.640.000.

Итакъ, помѣстимся около перилъ моста Pont-Neuf и наблюдаемъ за этимъ быстрымъ, тяжелымъ и глубокимъ теченіемъ. Если бы вмѣсто воды сюда собрать человѣческую кровь, пролитую во всѣхъ битвахъ, эта кровь образовала бы такую же рѣку, такое же теченіе! И чтобы увидѣть ее протекшей всю, нужно было бы оставаться, опершись на перила, надъ этими красными и горячими волнами въ теченіе болѣе чѣмъ 48-ми часовъ!

Эти волны крови заставили бы вертѣться гигантскія мельницы и привели бы въ движеніе турбины, способныя бросать огромные фонтаны на самыя отдаленныя части города и снабжать водою всю столицу. Пароходы поднимались и спускались бы по этой рѣкѣ, какъ теперь; барки качались бы на ихъ пурпуровыхъ волнахъ, запахъ крови проникъ и наполнилъ бы всѣ государственныя зданія тошнотворнымъ туманомъ адскихъ могилъ Данте. Это количество крови вѣситъ 18 милліардовъ 900 милліоновъ килограммовъ. Неизсякаемый фонтанъ бьетъ безъ отдыха съ начала историческаго міра по 680 литровъ крови въ часъ. Если бы всѣ 1.200 милліоновъ скелетовъ, полученныхъ отъ этихъ трагическихъ игръ, встали бы и вскарабкались одинъ на другіе, эта лѣстница скелетовъ поднялась бы до луны, затѣмъ окружила бы это свѣтило и, продолжая все подниматься, ушла бы въ безконечность на разстояніе еще въ четыре раза большее, на 500.700 миль въ высоту.

Трупы, брошенные въ Ла-Маншъ или Па-де-Кале, могли бы образовать знаменитый мостъ, проектируемый тамъ давно, между Франціей и Англіей, и отдѣлить, какъ бы плотиной, океанъ отъ сѣвернаго моря.

Изъ однихъ только головъ убитыхъ во всѣхъ войнахъ и положенныхъ одна рядомъ съ другой образуется ожерелье, которое можетъ опоясать шесть разъ кругомъ міръ.

Что можно еще намъ прибавить къ этимъ картинамъ, несравненно менѣе ужаснымъ, чѣмъ сама дѣйствительность? Еще только одно замѣчаніе: то, что различныя государства Европы одиѣ убиваютъ каждый мѣсяцъ по своей доброй волѣ больше людей, чѣмъ звѣздъ на небѣ прекрасною ночью, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ.

Какія причины заставляютъ объявлять войну? Эти причины отличаются своей ничтожностью. Какъ въ первой исторической Троянской войнѣ, имѣвшей цѣлью вернуть невѣрную жену, такъ и въ послѣдней въ 1870 году, объявленной подъ предлогомъ помѣшать Гогенцоллернамъ завладѣть тропомъ въ Испаніи. Какъ въ войнахъ Англии въ Индіи и Египтѣ, такъ и въ сербской войнѣ и въ вѣчномъ восточномъ вопросѣ, никогда нельзя отыскать достаточнаго повода для того, чтобы вооружить однихъ людей противъ другихъ и заставить ихъ пожирать другъ друга, какъ волки. Въ теченіе всего только полвѣка результатъ всѣхъ этихъ истерикъ не выразился иначе, какъ только измѣненіемъ цвѣта на географическихъ картахъ.

Полагаютъ иногда, что это есть роковое зло, естественное и необходимое, „какъ эпидемія“, чтобы помѣшать чрезмѣрному размноженію человеческого рода!

Земля можетъ кормить легко въ десять разъ больше народу, чѣмъ то, которое она имѣетъ, и истребленія войнами колеблются въ пропорціи относительно слабой въ итогѣ человеческого населенія, которое все продолжаетъ пребывать, какъ каждый знаетъ, въ видѣ правильнаго прироста населенія однимъ рожденіемъ въ секунду. Напротивъ, не хватаетъ рукъ на землѣ, и каждая семья была бы гораздо богаче, если бы человечество имѣло къ своимъ услугамъ двойное количество работниковъ. Въ самомъ дѣлѣ во время мира постоянныя арміи, европейскій милитаризмъ являлся главной причиной бесплодности нынѣшнихъ полей и разоренія странъ.

Во Франціи на каждый квадратный километръ приходится 70 жителей, и каждый находитъ мѣсто подъ солнцемъ, каждый можетъ зарабатывать себѣ на пропитаніе. Въ нѣкоторыхъ странахъ, такихъ же привилегированныхъ, какъ Франція, напимѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, съ такимъ же климатомъ и съ такой же почвой, на каждый квадратный километръ приходится только по четыре жителя!

Не только война не есть неизбѣжный бичъ, но она является наибольшимъ зломъ, потому что она влечетъ за собою другія бѣды: болѣзнь, разореніе и голодъ всегда слѣдуютъ за войной.

ВЪ НЕБѢ.

Помню, какъ однажды жаркимъ лѣтнимъ днемъ я заснулъ на опушкѣ лѣса, росшаго на склонѣ уединеннаго холма. Проснувшись послѣ минутной дремоты, я былъ страшно пораженъ, не узнавъ ни окрестнаго пейзажа, ни сосѣднихъ деревень, ни текущей у подошвы холма рѣки, ни волнистой долины, торящейся на горизонтѣ. Заходящее солнце казалось гораздо меньшимъ, чѣмъ мы его привыкли видѣть. Воздухъ наполнялъ гармоническій шумъ, невѣдомый на землѣ, и громадные какъ птицы насѣкомыя порхали на деревьяхъ безъ листьевъ, покрытыхъ огромными красными цвѣтами. Я подскочилъ, какъ на пружинахъ, отъ удивленія такимъ энергическимъ скачкомъ, что оцутился внезапно на ногахъ, чувствуя удивительную легкость. Едва только сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, какъ почувствовалъ, что больше половины вѣса моего тѣла исчезло во время сна; это внутреннее ощущеніе поразило меня болѣе глубоко, чѣмъ все превращеніе природы, разстилающейся передъ моими взорами. Я съ трудомъ вѣрилъ своимъ глазамъ и разсудку. Къ тому же глаза у меня стали совершенно другими, и слышалъ совѣтъ по другому и съ первыхъ мгновеній замѣтилъ, что моя организація увеличилась многими новыми чувствами, совершенно неизвѣстными у насъ, на землѣ, — именно чувствомъ магнетизма, благодаря которому можно сообщаться съ однимъ или другимъ человѣкомъ, не нуждаясь въ выраженіи своихъ мыслей словами: это чувство напоминаетъ магнитную стрѣлку, которая, будучи заперта въ подвалъ Парижской обсерваторіи, колеблется и мечется, когда сѣверное сіяніе зажигается въ Швеціи, и когда появляются электрическія вспышки на солнцѣ.

Дневное свѣтло угасало въ далекомъ озерѣ, а розовые отблески сумерекъ царили въ небесахъ, какъ послѣднія грезы свѣта. Зажглись двѣ луны на различныхъ высотахъ: первая — въ видѣ полумѣсяца надъ озеромъ, въ которомъ исчезло солнце, вторая — въ фазѣ первой четверти, гораздо выше въ небѣ и на востокѣ. Онѣ были очень малы и очень отдаленно напоминали огромное свѣтло земныхъ ночей. Онѣ какъ бы съ сожалѣніемъ проливали свой живой, но слабый свѣтъ. Я глядѣлъ на нихъ по очереди въ остолбенѣніи. Но болѣе страннымъ во всемъ этомъ удивительномъ зрѣлищѣ было то, что восточная луна, которая была въ три раза больше своей западной товарицы, была, кромѣ того, въ пять разъ уже нашей земной луны и двигалась на небѣ справа налѣво, какъ бы навстрѣчу

своей товаркѣ, такъ скоро, что легко было слѣдить за ней взглядомъ.

Въ послѣднихъ отблескахъ заката была замѣтна третья луна, или, лучше сказать, блестящая звѣзда. У ней, еще меньшей, чѣмъ самый малюпкій изъ двухъ спутниковъ, не было замѣтнаго диска; но ея свѣтъ былъ ослѣпительнъ. Она парила въ вечернемъ небѣ, какъ Венера у насъ, когда во дни ея великолѣпнаго блеска эта „вечерняя звѣзда“ царить безраздѣльно томными вечерами, располагающими къ нѣжнымъ грезамъ весны.

Уже самыя блестящія звѣзды зажглись въ небѣ; можно было узнать Арктура съ его золотыми лучами, бѣлую и чистую Вегу, шесть звѣздъ Медвѣдицы и множество зодиакальныхъ созвѣздій. Звѣзда вечера, новый Весперь, сверкала въ созвѣздіи Рыбъ. Изучивъ въ нѣсколько мгновеній положеніе въ небѣ, ориентировавшись среди созвѣздій, изучивъ двухъ спутниковъ и размысливъ объ легкости моего вѣса, я заключилъ, что я нахожусь на планетѣ Марсъ и что эта очаровательная вечерняя звѣзда есть не что иное, какъ... Земля.

* * *

Я смотрѣлъ на нее, упоенный меланхолическимъ чувствомъ любви, сжимающимъ наше сердце при воспоминаніи о дорогомъ существѣ, которое жестоко разлучили съ нами; я долго созерцалъ свое отечество, гдѣ смѣшивается и сталкивается столько чувствъ въ жизненномъ водоворотѣ. И я думалъ: какъ жалко, что безчисленные человѣческія существа, которые живутъ въ этомъ маленькомъ міркѣ, не знаютъ, гдѣ они находятся! Она прекрасна, эта маленькая Земля, такъ освѣщенная Солнцемъ, со своей Луной еще болѣе микроскопической, кажущейся около нея въ видѣ точки. Унесенная въ невидимыя пространства законами божественнаго притяженія, плавающий атомъ въ необъятной гармоніи небесъ, она занимаетъ опредѣленное мѣсто и паритъ въ вышинѣ, словно ангельскій островъ. Но ея жители не обращаютъ на это вниманія. Странное чело- вѣчество! Оно нашло землю слишкомъ обширной, раздѣлилось на полчища и проводитъ время въ войнахъ. На этомъ небесномъ островѣ столько же солдатъ, сколько жителей! Они все вооружены другъ противъ друга, — когда такъ просто было бы жить спокойно, — и находятъ доблестнымъ перебивать время отъ времени названія странъ и цвѣтъ знаменъ. Это любимое занятіе націй, вызываемое первобытнымъ воспитаніемъ гражданъ. Ихъ существованіе, благодаря этому, превращается въ цѣлый апофеозъ обожанія матеріи. Они не цѣнятъ интел- лектуальныхъ цѣнностей, относятся индифферентно къ самымъ

чудеснымъ проблемамъ творенія и живутъ безъ цѣли. Какъ жалко! Эти люди столь же чужды обитаемой имъ землѣ, какъ парижанинъ, который не слыхалъ ни разу имени своего города, или какъ французъ, ничего не знающій о Франціи. Ахъ! Если бы они могли видѣть отсюда землю, съ какимъ бы удовольствіемъ они возвратились назадъ и какъ бы видоизмѣнились всѣ ихъ идеи общія и частныя. Тогда бы они узнали, по меньшей мѣрѣ, ту страну, въ которой они живутъ; это было бы началомъ; они прогрессивно изучали бы высокую дѣйствительность, окружающую ихъ, вмѣсто того, чтобы прозябать въ безграничномъ туманѣ, и скоро они зажили бы истинной жизнью, жизнью интеллектуальной?

* * *

„Какую честь онъ ей оказываетъ! Подумаешь дѣйствительно, что у него остались друзья въ этомъ острогѣ!“

И вовсе этого не говорилъ. Но я очень ясно разслышалъ эту фразу, которая казалась отвѣтомъ на мою внутреннюю бесѣду. Два жителя Марса смотрѣли на меня, и они меня попяли, благодаря шестому чувству магнетическаго умозрѣнія, о которомъ было сказано выше. Я былъ немного смущенъ и, признаюсь, чувствительно затронутъ такимъ обращеніемъ. „Все же, — подумалъ я, — я люблю землю, это моя родина, у меня есть чувство патриотизма“.

Мои сосѣди засмѣялись на этотъ разъ оба вмѣстѣ.

— Да, — возразилъ одинъ изъ нихъ съ неожиданной добротой, — вы патриотъ. Сейчасъ видно, что вы пріѣхали съ земли.

А болѣе старшій прибавилъ:

— Оставьте вашихъ соотечественниковъ, они не будутъ никогда ни болѣе интеллектуальны, ни менѣ слѣпы, чѣмъ теперь. Уже восемьдесятъ тысячъ лѣтъ какъ они существуютъ. И сознайтесь сами, они не способны думать... Вы въ самомъ дѣлѣ смотрите на землю съ такимъ соболѣзнованіемъ, это очень наивно.

Не встрѣчали ли и вы, дорогой читатель, иногда на своемъ пути такихъ людей съ надменной гордостью, которые считаютъ себя совершенно искренно и непоколебимо выше всѣхъ въ мірѣ? Если эти высокомерные люди встрѣчаются съ людьми, превосходящими ихъ во многихъ отношеніяхъ, то они имъ дѣлаютъ антипатичны: они ихъ не выносятъ. Я чувствовалъ себя гораздо выше земного человѣчества, потому что я его жалѣлъ и желалъ для него лучшихъ дней. Но когда эти два жителя Марса, казалось, пожалѣли меня самого, и когда я увидалъ въ нихъ холодное превосходство надо мной, я сдѣ-

дался на одинъ мигъ однимъ изъ этихъ глухихъ гардоновъ: кровь бросилась мигъ въ голову и, весь проникнутый преувеличенной французской учтивостью, я открылъ ротъ, чтобы сказать имъ:

— Несмѣря на все, господа, жители земли вовсе не такъ глухи, какъ вы полагаете, и, пожалуй, лучше насъ.

Къ несчастію, они мигъ не дали даже начать мою фразу, услышавъ ее уже, пока она комбинировалась въ моемъ мозгу.

— Позвольте мигъ вамъ сказать сейчасъ же,—началъ болѣо молодой,—что ваша планета безусловно погрѣшила однимъ обстоятельствомъ, происшедшимъ 12 милліоновъ лѣтъ тому назадъ. Это было во время первичнаго періода земного бытія. Тогда уже были растенія и даже удивительныя растенія; какъ на днѣ морей, такъ и на берегахъ появлялись первыя животныя, моллюски безъ головы, глухія, цѣмья и безполыя. Вы знаете, что деревьямъ достаточно дыханія для ихъ полного питанія, и что ваши самыя могучіе дубы и гигантскіе кедры никогда ничего не ѣли; но это имъ не мѣшало расти. Они питаются исключительно дыханіемъ. Къ несчастію, судьба пожелаала, чтобъ черезъ тѣло перваго моллюска протекла капля воды болѣе плотной, чѣмъ окружающая среда. Можетъ-быть, моллюскъ нашелъ ее вкусной. Это дало начало первой пищеварительной трубкѣ, которая должна была имѣть такое губельное дѣйствіе на весь животный міръ, а позднѣе даже на само челоѣчество. Первымъ убійцей былъ моллюскъ, который съѣлъ эту каплю.

„У насъ не ѣдятъ, никогда не ѣли и не будутъ ѣсть. Творчество развивается постепенно, миролюбиво, благородно, какъ и началось. Организмы питаются, иначе сказать, возобновляютъ свои молекулы, простымъ дыханіемъ, какъ это дѣлаютъ ваши деревья на землѣ, у которыхъ каждый листокъ представляетъ изъ себя маленькій желудокъ. Въ вашей милой странѣ вы не можете прожить ни одного дня, чтобы не убить кого-нибудь. У васъ законъ жизни является закономъ смерти. Здѣсь же никому не приходитъ въ голову убить даже птицу.

„Вы все представляете изъ себя болѣе или менѣе мясниковъ. У васъ руки всѣ въ крови. Ваши желудки наполнены мясомъ. Какъ же вы хотите, чтобы съ такими грубыми организмами у васъ были бы здоровыя, чистыя и возвышенныя идеи,—я даже скажу, простите за откровенность, собственныя идеи? Какая душа можетъ жить въ такомъ тѣлѣ? Подумайте минуту и не убаюкивайте себя слѣзыми иллюзіями, слишкомъ идеальными для такого міра“.

— Какъ!—воскликнулъ я, перебивая его.—Вы не допускаете возможности, что у насъ есть собственные идеи. Вы считаете людей за животныхъ? Гомеръ, Платонъ, Фидій, Сенека, Виргилій, Данте, Колумбъ, Бэконъ, Галилей, Паскаль, Рафаэль, Модартъ, Бетховень не имѣли никогда ни одного высшаго стремленія? Вы находите наши тѣла грубыми и отвратительными; если бѣ прошли передъ вами Елена, Фрина, Аспазія, Сафо, Клеопатра, Лукреція Борджіа, Агнеса Сорель, Діана, Маргарита Валуа, Боргезе, Тальешъ, Ресамье, Жоржъ, вы, можетъ-быть, стали бы думать иначе. Ахъ, дорогой житель Марса, въ свою очередь, позвольте мнѣ пожалѣть, что вы знаете землю только издали.

— Вы ошибаетесь, я жилъ пятнадцать лѣтъ въ томъ мірѣ. Этого мнѣ совершенно достаточно, и я васъ увѣряю, что ужъ не возвращусь туда болѣе. Тамъ меня не интересуеетъ даже... то, что вамъ кажется самымъ дорогимъ. Вы воображаете, что на всѣхъ земляхъ неба цвѣты приносятъ одинаковымъ образомъ плоды? Не будетъ ли это немного смѣло? Я люблю бѣлую буквицу и бутоны розъ.

— Но,—возразилъ я,—все-таки, несмотря на все, на землѣ есть великіе умы и чудныя созданія. Развѣ нельзя льстить себя надеждой, что красота физическая и нравственная будетъ усовершенствоваться, какъ было до сихъ поръ, а умъ человѣческій постепенно просвѣщаться. Люди уже не проводятъ все свое время въ ѣдѣ. Они скоро придутъ къ тому, несмотря на ихъ матеріальныя заботы, что будутъ посвящать ежедневно нѣсколько часовъ на развитіе своего разума. Тогда, безъ сомнѣнія, они не будутъ больше строить маленькихъ боговъ по своему подобію, а, можетъ-быть, также уничтожатъ свои пустыя границы, для основанія новаго царства гармоніи и братства.

— Нѣтъ, мой другъ, если бы они этого хотѣли, они бы начали дѣлать это теперь же. Но они этого остерегаются. Земной человѣкъ есть не что иное, какъ маленькое животное, которое, съ одной стороны, лѣнится думать, не обладая независимой душой, а съ другой стороны, любитъ сражаться и утверждаетъ откровенно, что право основано на силѣ. Таковы его удовольствія, и такова его природа. Вы никогда не заставите кустъ терновника производить персики.

Подумайте только, что самыя очаровательныя красавицы, о которыхъ вы мечтали только что сейчасъ, кажутся грубыми чудовищами рядомъ съ нашими воздушными женщинами Марса, которыя живутъ воздухомъ весны, ароматомъ нашихъ цвѣтовъ и такъ очаровательны въ одномъ трепетаніи своихъ крыльевъ, въ идеальномъ похлупѣ усть, никогда не жушавшихъ пищи,

что, если бы Беатриче Данте обладала подобной патурой, то никогда бы бессмертный флорентинецъ не могъ написать двухъ поэмъ своей Божественной комедіи: онъ началъ бы раемъ и никогда не спустился бы изъ него. Подумайте, что наши юноши имѣютъ столько же прирожденного знанія, какъ Птоломей, Архимедъ, Евклидъ, Коплеръ, Ньютонъ, Лапласъ и Дарвинъ, послѣ всѣхъ ихъ трудолюбивыхъ изысканій. Наши двѣнадцать чувствъ позволяютъ намъ сноситься непосредственно съ вселенной: мы чувствуемъ отсюда, за сто миллионъ миль, протяженіе проходящаго Юпитера; мы видимъ невооруженнымъ глазомъ кольца Сатурна; мы предугадываемъ появленіе Кометы, и наши тѣла напитаны солнечнымъ электричествомъ, которое приводитъ въ колебаніе всю нашу природу. Здѣсь нѣтъ ни основателей царствъ, ни интернаціональных движеній, ни войнъ; но съ первыхъ дней наше человѣчество, по природѣ миролюбивое и освобожденное отъ всѣхъ матеріальныхъ нуждъ, жило независимо тѣломъ и умомъ, подвигаясь безъ задержки впередъ въ познаніи правды.

* * *

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ моими собесѣдниками на вершину горы и, очутившись передъ другимъ склопомъ, замѣтилъ множество огоньковъ различныхъ оттѣнковъ, порхающихъ въ роздухъ. Это были жители, которые ночью дѣлаются лучезарными и блестящими по собственному желанію. Съ воздушныхъ колесницъ, казавшихся сдѣланными изъ свѣтящихся цвѣтовъ, доносились звуки оркестровъ и хоровъ; одна изъ нихъ прошла мимо насъ и мы заняли мѣсто въ этомъ благоуханномъ облакѣ. Ощущенія, которыя я испытывалъ, были совершенно чужды земнымъ ощущеніямъ, и эта первая ночь на Марсѣ пролетѣла быстро, какъ сонъ. Заря застала меня на воздушной колесницѣ разговаривающимъ съ моими собесѣдниками, ихъ друзьями и ихъ непостижимыми товарищами. Какая панорама при восходѣ солнца!.. Цвѣты, плоды, ароматы, феерическіе дворцы возвышались на островахъ съ орашевой растительностью, воды простирались въ видѣ ясныхъ зеркалъ, и веселыя воздушныя пары спускались кружась на эти упоительные берега. Всѣ матеріальныя работы исполнялись машинами, которыми управляли какія-то усовершенствованныя породы животныхъ, разумъ которыхъ былъ почти одинаковъ съ умомъ земного человѣка. Жители жили только умомъ и для ума; ихъ нервная система достигла такихъ степеней развитія, что каждый изъ этихъ существъ, вмѣстѣ очень нѣжныхъ и очень сильныхъ, казался электрическимъ приборомъ, и ихъ

впечатлѣнія самыя чувственныя, воспринимаемыя скорѣй душою, чѣмъ тѣломъ, превосходили въ сто кратъ тѣ впечатлѣнія, которыя даютъ намъ всѣ наши пять чувствъ земныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Подъ нашей воздушной гондолой показался какъ бы лѣтній замокъ, весь залитый лучами солнца; моя сосѣдка, крылья которой трепетали отъ нетерпѣнія, встала своей нѣжной ногой на пукъ цвѣтовъ, который росъ между двумя струями аромата.

— Возвратишься ты на землю? — сказала она, протягивая мнѣ руку.

— Никогда! — воскликнулъ я... И я кинулся къ ней.

Но въ тотъ же мигъ я очутился одинъ около моего лѣса, на склонѣ холма, у подошвы котораго змѣилась Сена струистыми изгибами.

Никогда!.. повторилъ я, стараясь опять вернуться къ сладкому, провешемуся такъ быстро сну. Гдѣ же я былъ? Это было прекрасно. Солнце заходило, и блестящая планета Марсъ уже зажглась въ небѣ.

— Ахъ! — воскликнулъ я, охваченный воспоминаніемъ, — я былъ тамъ! Влекомыя однимъ и тѣмъ же притяженіемъ двѣ сосѣднія планеты глядятъ другъ на друга сквозь чистое пространство. Не имѣемъ ли мы въ этомъ небесномъ братствѣ первый образъ вѣчнаго путешествія? Земля не одинока болѣе въ мірѣ. Панорамы безконечности начинаютъ открываться. Живемъ ли мы здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, мы не только граждане страны или міра, но въ дѣйствительности *граждане неба*.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Лѣтняя ночь	3
Жизнь на другихъ мірахъ	10
Природа и человѣкъ	26
Море льда въ центрѣ Франціи	32
Пейзажи	37
Впечатлѣнія полета на воздушномъ шарѣ	52
Столкновеніе рѣчного и морского приливовъ	64
Большіе приливы	70
Комета	75
Огни солнца	85
Первые дни земли и законъ прогресса	93
Вечерняя звѣзда	109
Звѣзды солнца безконечнаго и вѣчное движеніе во вселенной	115
Человѣческая глупость	122
Въ небѣ	128
